

Серия «Вещдок»

Часть первая

Художник
Борис Крейцер

Папка с эскизами

Москва
2020

ББК: 63.3 (2)6-8+85.153(2)
УДК: 929

Музей истории ГУЛАГа
Фонд Памяти
Серия «Вещдок»

Художник Борис Крейцер
Папка с эскизами

Издание второе

Над книгой работали:

Татьяна Полянская,
научный редактор-консультант,
старший научный сотрудник
Музея истории ГУЛАГа,
кандидат исторических наук

Алена Сханова,
редактор

Александр Макеев,
специалист Центра
документации Музея истории
ГУЛАГа

Инна Кроть,
корректор

Настя Яруллина,
дизайнер

Владимир Семенков,
цветокорректор

Светлана Пухова,
куратор издательской программы
Музея истории ГУЛАГа

Содержание

Часть первая

6	История папки с эскизами
16	А. Я. Разумов. Фантастический человек. Указатель имен
56	Комментарии
64	Папка с эскизами
82	Из дела Бориса Крейцера
134	А. И. Толстая. Одна жизнь на двоих
146	Основные даты жизни Бориса Крейцера

Музей истории
ГУЛАГа

ФОНД
ПАМЯТИ

© А. Разумов, книги памяти
«Ленинградский — Петроградский
мартиролог»

© А. Терехин, архив художника
Б. Смирнова

© А. Толстая, архив художника

Б. Крейцера

© Музей истории ГУЛАГа

ISBN 978-5-6043357-5-8

История папки с эскизами

В фондах Музея истории ГУЛАГа хранится розовая картонная папка с эскизами токарных игрушек под номером ГМИГ КП-2754/1. Открывается папка веселым пяточком деревянного поросенка, на обороте — хвостик колечком.

В папке 15 листов, 15 гуашевых эскизов разноцветных бегемотов, страусов, жирафов, пингвинов, цыплят и других деревянных детских игрушек.

К эскизам прилагается инструкция по изготовлению, в описании указана фамилия художника и конструктора — «Борис Крейцер». На папке надпись: «СЖДС НКВД СССР, поселок Железнодорожный, 1942 год».

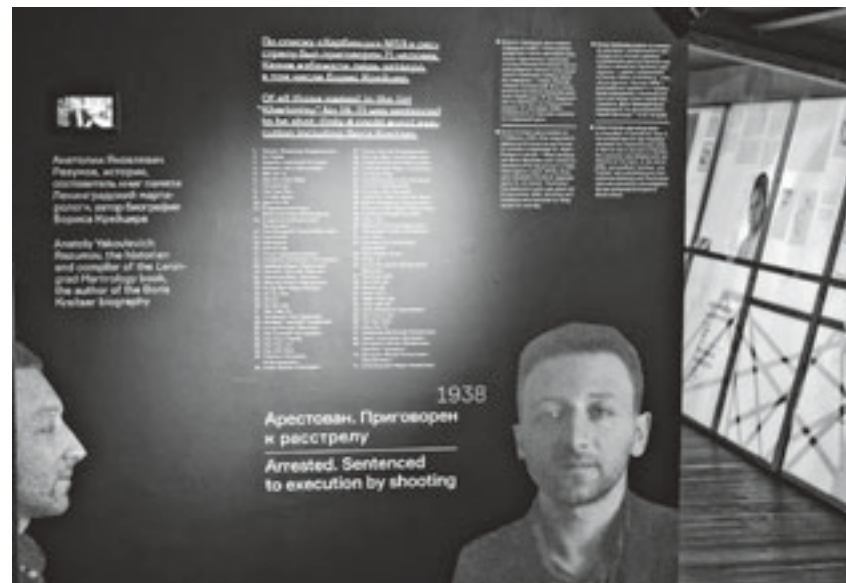
Поселок Железнодорожный того времени — территория исправительно-трудового лагеря Севжелдорлаг. Детские игрушки в лагере? Ничего удивительного. Плановое производство НКВД — это не исключительно лесоповал, строительство железных дорог и каналов.

Вот только фамилия заключенного конструктора и художника Бориса Крейцера казалась хорошо знакомой.

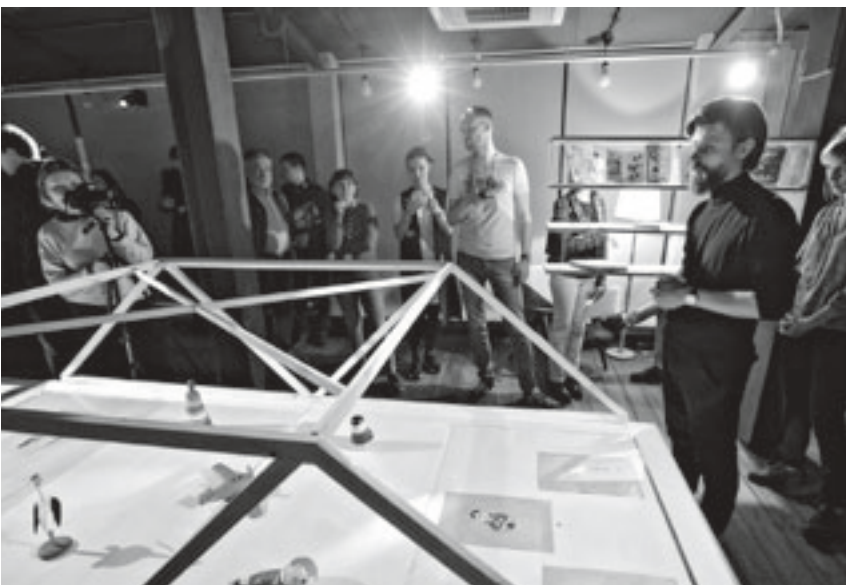
Фантастический мастер книг, известный ленинградский художник-график Борис Генрихович Крейцер и з/к, репрессированный автор этих грустных, хоть и ярких, игрушек — один и тот же человек?

Так вот почему в своей автобиографии Крейцер пишет: «...Надолго оторванный от Ленинграда и лишенный возможности работать в искусстве, только по возвращении в 1955 году смог снова заняться творческой деятельностью».

У искусствоведа Эраста Кузнецова встречаем такие строчки: «Борис Генрихович Крейцер (1905–1979) вошел в ленинградскую книжную графику еще в начале 1930-х годов, а потом, после долгого

Выставка «Вещдок. Папка с эскизами» в Музее истории ГУЛАГа. 2018 год

Историк Анатолий Разумов
на открытии выставки

Директор Музея истории
ГУЛАГа Роман Романов

перерыва, вернулся в нее немногим более двадцати лет тому назад и буквально ошеломил многообразием интересов, тематическим размахом, самобытностью...»

«Надолго оторванный от Ленинграда», возвращение «после долгого перерыва»... Так вот где почти двадцать лет был Борис Генрихович — в лагере и ссылке, отбывал наказание.

Эти почти двадцать лет — не годы небытия со знаком «прочерк» или «минус». Эти двадцать лет вместили в себя целую жизнь — сюжет для большого романа, в котором герой чудом избегает смерти, проходит через суровые испытания, чтобы встретить свою любовь и вместе с ней пройти еще несколько кругов ада.

Тонкая папка с эскизами (по счастливой случайности найденная на интернет-аукционе руководителем образовательного центра Музея истории ГУЛАГа Константином Андреевым) невольным образом заполнила этот «прочерк» в биографии Бориса Крейцера и стала центральным экспонатом музейной выставки из серии «Вещдок», посвященной жизни и творчеству художника.

При подготовке выставки и этого издания нам посчастливилось встретиться с прекрасными людьми — с Александром Трауготом, великолепным книжным иллюстратором (их с Крейцером мастерские были по соседству), и с Анной Игоревной Толстой — другом семьи, хранителем архива Крейцеров. Они не только помнят и любят Бориса Генриховича, но ко всему прочему еще и прекрасные рассказчики. В их воспоминаниях на нашей выставке и в этой книге наконец «звучит» голос Боба, Бобочки Крейцера, «дяди Бори Крейсера», его шутки, веселые истории.

Но голос Бориса Генриховича звучит также и в документах, следственных материалах, протоколах допросов. Благодаря исследованию Анатолия Яковлевича Разумова, специалиста по периоду массовых репрессий в СССР, составителя «Ленинградского мартиролога», сегодня мы знаем, как долго Крейцер добивался пересмотра своего дела и снятия всех обвинений; сколько на это ушло сил и здоровья.

К выставке нам удалось собрать небольшую коллекцию ярких, остроумных, веселых книг, оформленных самым смелым и талантливым мастером книги — Борисом Крейцером. Мы познакомились с его работами, хранимыми в фондах Русского музея, Третьяковской галереи, Театрального музея им. Бахрушина и др.

Как говорил Александр Траугот: «Борис Генрихович был человеком с несхематичным мышлением, с живым ощущением жизни, и он распространял эту внутреннюю свободу на других. Талант, живость — они заразительны, как инфекция».

Крейцер заражает своей силой любви к жизни.

Наша встреча с этим фантастическим человеком, художником-графиком, каллиграфом, уже состоялась, вам, дорогие читатели, она еще предстоит!

Борис Генрихович, спасибо Вам за такую возможность!

В 2018 году проект «Вещдок» победил в номинации «Лучший научно-исследовательский музейный проект» XX международного фестиваля «Интермузей»

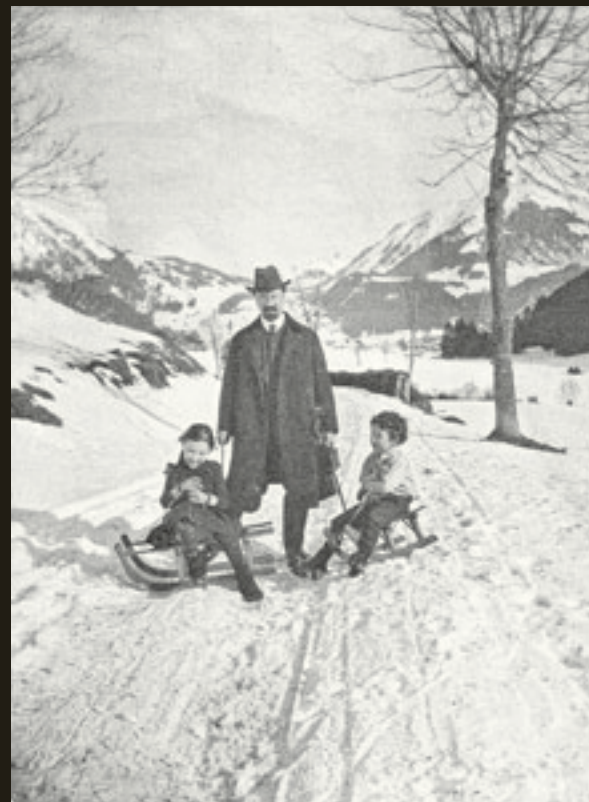

Боря Крейцер с игрушками.
1907 год

Борис Крейцер с сестрой
Екатериной. 1910-е годы

Борис Крейцер с отцом
Генрихом Давидовичем
и сестрой Екатериной.
1910-е годы

Старшая сестра Бориса, Екатерина
Генриховна Крейцер (1904–1961),
в будущем станет специалистом по
японскому языку, переводчиком.
В 1938 году ее арестуют и осудят на
восемь лет лагерей за «шпионаж».

Семья инженера Генриха
Крейцера. 1910-е годы

«...В так называемом младшем возрасте очень увлекался фото-монтажом. Это было время Первой мировой войны. В журналах печатались снимки увечий, нанесенных английским и французским городам немецкими пушками и цеппелинами. Мне нравилось вырезать из других фотографий целехонькие дома и наклеивать их на место домов, разрушенных бомбежкой. Бессознательно приобщался тогда к великой тайне искусства: создавать то, чего нет...»

Борис Крейцер,
автобиография, написанная для
каталога персональной выставки
1962 года

Фантастический человек

Анатолий Яковлевич Разумов,
историк, составитель серии
книг памяти «Ленинградский
мартиролог — Петроградский
мартиролог»

В предписании на расстрел напротив фамилии Крейцера нет «галочки» — отметки о приведении приговора в исполнение.

Следственное дело Бориса Генриховича Крейцера я прочитал 8 ноября 2011 г. От листа к листу будто получал ответы на самые важные вопросы: как составлялись печатный и письменный варианты протоколов допросов, как и в какой именно из ленинградских тюрем выводили на расстрел, как сверяли «установочные данные» перед расстрелом, как поступали с «отставленными» от расстрела. В тот же день вечером обсуждал найденное с членом рабочей группы Книги памяти Ю. П. Груздевым. Затем искал сведения о биографии художника Крейцера, нашел домашний телефон его вдовы, Тамары Николаевны. Собрался с духом, позвонил 10 ноября. «Она умерла месяц назад», — ответили друзья семьи.

Конечно, из чтения дела (точнее, двух следственных дел — 1938 и 1949 гг.) сложилось впечатление о будущем герое моего исследования. К тому же в обоих делах — большая редкость — есть тюремные фотографии. Но важнее было познакомиться с друзьями Крейцеров. Анна Игоревна Толстая принесла семейные фотографии. Михаил Владимирович Войцеховский и Александр Георгиевич Траугот пригласили в квартиру-мастерскую Крейцера. Слушал, запоминал важные частности. Сопоставлял с документами.

Борис Крейцер родился в 1905 г. в Грозном, где после окончания Петербургского университета работал его отец — кандидат естественных наук Генрих Давидович Крейцер, специалист по асфальту, битуму, асбесту, пластмассам и лакокрасочным материалам (впоследствии — доцент Химико-технологического института). Мать Ольга Григорьевна занималась домашним хозяйством. Старшая сестра Бориса, Екатерина, родилась в 1904 г. Брат Андрей — в 1916 г. Из Грозного семья вернулась в Петербург, но детские годы Бориса отчасти прошли в лечении на курортах в Германии, Швейцарии, Франции. После начала Первой мировой войны Борис с матерью

вернулись на родину из Швейцарии кружным путем через Италию, Грецию, Болгарию и Румынию.

В Петрограде Борис учился в коммерческом училище Шидловской. В советское время окончил четыре курса архитектурного факультета Академии художеств, работал художником и архитектором. Не был женат.

Борис переписывался и общался с зарубежными родственниками. В Берлине остались после революции его бабушка, Розалия Львовна Крейцер, и дядя — известный пианист и преподаватель Леонид Давидович Крейцер (1884–1953). Тетя Бориса, Лидия Давидовна Залшупина (вдова издателя А. С. Залшупина, мать художника Сергея Залшупина), жила с детьми в Париже.

В 1932 г. из Германии вернулся троюродный брат Бориса Александр Шершевский, работал библиографом Дома техники и переводчиком в Центральной лаборатории проводной связи. Конечно, братья не раз встречались в Ленинграде. В 1936 г. Александра арестовали.

В 1934 г., спасаясь от нацистов, из Германии приехал дядя художника, Леонид Давидович Крейцер. Конечно, в Ленинграде виделся с племянником и бывал у него в гостях. Потом уехал в Японию.

Борис был знаком со многими иностранцами. Когда в 1925 г. его сестра Екатерина окончила Институт живых восточных языков и переехала в Москву, в ее комнате, в той же коммуналке, где жил и Борис, поселился японский преподаватель института Икеда Хисао. В 1929 г. Хисао вернулся в Японию, а в коммуналку были вселены токарь завода им. Ленина Накамура Хиде и некая Алиса Ланская. Хиде прожил в квартире несколько месяцев и тоже уехал в Японию. Борис общался с японцами как с соседями.

По поручению Ленинградского союза архитекторов и при содействии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) Борис Крейцер не раз помогал принимать делегации архитекторов из Великобритании, Румынии, Польши, Франции. К примеру, показывал Ленинград Генриху Блему — соавтору

проекта Дворца Советов в Москве, помогал в качестве переводчика архитектору Андре Люрса. Во время гастролей певицы Целестины Коол Борис встречался и беседовал с ней. Брал уроки французского языка у Шарлотты Гельбо, приехавшей в СССР в 1934 г. из Франции и работавшей в Публичной библиотеке.

Понятно, что Борис Крейцер находился в зоне особого внимания НКВД. Его не раз «вызывали». В январе 1937 г. подробно допрашивали обо всех родственниках и знакомых, о встречах с иностранцами, о его «неправильных суждениях о советской архитектуре». Осенью 1937 г. выясняли, нет ли у него связей с лицами из иностранных представительств. Таких связей не было.

Наконец, в 11-м отделе УНКВД ЛО оперуполномоченный Михалёв составил Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения в отношении Крейцера: «занимается шпионской деятельностью в пользу Японии». С обвинением согласились начальник 1-го отделения 11-го отдела Меклер и начальник 11-го отдела Мигберт. Постановление утвердил 3 февраля 1938 г. заместитель начальника УНКВД ЛО Шапиро-Дайховский. Военная прокуратура 4 февраля 1938 г. санкционировала арест.

Бориса Крейцера арестовали 5 февраля 1938 г. Подпись Крейцера при ознакомлении с Постановлением об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения датирована 28 февраля 1938 г.

Допрашивали долго и с пристрастием. Подбирали подходящую легенду, чтобы дело получилось групповым. В так называемом «признательном» протоколе допроса и в обвинительном заключении Крейцера записали немцем, уроженцем города Бинц, сыном акционера и «резидентом японо-германского центра». Двоих его знакомых — соседку и брата жены товарища по работе, Ланскую и Слонимского — зачислили в однодельцы. Всех троих включили в так называемый список «харбинцев» — список «японских шпионов, диверсантов, террористов и вредителей» № 19. Список утвердила «двойка» в Ленинграде (начальник местного НКВД и прокурор области), затем главная «двойка» — Комиссия НКВД и Прокурора СССР — в Москве.

Из тюрьмы госбезопасности при Большом доме¹, где велось следствие, Крейцера перевели в следственную тюрьму «Кресты». Там несколько месяцев ожидал он неизвестной участи. Предписание на расстрел по списку «харбинцев» № 19 было выписано 10 сентября. Перед расстрелом Крейцера перевели из «Крестов» в тюрьму на Нижегородскую, 39. Говорили, что оттуда отправят куда-то дальше. Около двух часов ночи (видимо, в ночь на 11 сентября) Крейцера вывели из камеры на расстрел. В коридоре, как ему запомнилось, стояли попарно неизвестные ему заключенные, «преимущественно дальневосточных национальностей». Чекисты у всех отобрали личные вещи, свалили в кучу. Затем связывали веревкой за спиной руки и спрашивали «установочные данные»: фамилию, имя, отчество, год рождения, место рождения, национальность... Инструкция в предписании на расстрел гласила: «При получении осужденных необходимо тщательно опросить каждого из них с целью сверки установочных данных», при этом использовать тюремные фотокарточки. В случае малейших расхождений в данных начальник тюрьмы не имел права выдавать, а комендант — принимать заключенного для расстрела.

Когда выяснилось, что Крейцер еврей, а не немец, и родился в России, а не в Германии, его «отставили от операции».

В ту ночь по списку № 19 были расстреляны 67 человек из 71, среди них «однодельцы» Крейцера — Алиса Ланская и Борис Слонимский. Четверых, включая Бориса Крейцера, не расстреляли.

1 Большой дом, Серый дом, Дом страха — так негласно называли восьмиэтажное здание Управления Полпредства ОГПУ (позднее НКВД) по Ленинграду и Ленинградской области. Выстроено с привлечением труда заключенных в 1931–1932 гг. за 11 месяцев. Во время Большого сталинского террора все тюрьмы Ленин-

града были переполнены. Во время активных допросов заключенных держали в тюрьме на ул. Воинова (Шпалерной) и водили на допросы по переходу в Большой дом. Ожидающих решения по делам переводили в «Кресты» (первая следственная и женская тюрьмы).

Была осень 1938 г., конец карательной кампании². Пока разбирались, пока утверждали акт о том, что это тот самый Крейцер, внесудебные «двойки» и «тройки»³ упразднили, их приговоры стали недействительными. Последний массовый расстрел в Ленинграде состоялся 6 ноября. Всего оказались нерасстрелянными около тысячи человек. Выяснилось, что кто-то из них умер в тюрьме до расстрельного приговора (основной причиной называется туберкулез). Тогда дело закрывали за смертью. Из других дел удаляли обвинительные заключения, начиналось следствие, чтобы затем передать дела по подсудности. Следователи искали и запугивали дополнительных свидетелей — пусть подтвердят хотя бы, что такой-то недострелянный не вполне советский или не вполне хороший человек. Но теперь за следствием наблюдала прокуратура. Часть приговоренных к расстрелу освободили или даже оправдали по суду в конце 1938, в 1939, реже — в 1940 гг. Других удалось осудить.

Думаю, следователи понимали, что Крейцера нельзя предать суду и нельзя освобождать, даже под подписку о неразглашении. Слишком много знал и понимал. Все время своего заключения цепко запоминал фамилии следователей, номера кабинетов и камер, детали допросов. Во время следования держался очень твердо.

Дело отправили на рассмотрение Особого совещания при НКВД⁴, и Крейцеру дали 8 лет лагерей

2 Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. внесудебные «двойки» и «тройки» были ликвидированы. Упрощенный порядок ведения следствия запрещался. Прокуратура получила больше прав на контроль за следствием.

3 «Тройка» — самая распространенная в годы

Большого террора внесудебная карательная структура. В состав каждой «тройки» входили: руководители местных органов НКВД, первые секретари соответствующих комитетов ВКП(б) и местные прокуроры или руководители местных исполкомов. «Тройкам», как и «двойкам», предоставлялось право судить по «первой категории», то есть приговаривать к расстрелу, и по «второй

категории» — заключать в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет.

4 Особое совещание при ОГПУ–НКВД–МГБ СССР — внесудебный орган, действовал с 1922 по 1953 г. Имело право выносить приговоры о заключении, ссылке, высылке и других мерах наказания. В 1941–1945 гг. могло выносить расстрельные приговоры.

за «шпионаж». Столько же в ноябре 1939 г. дали его сестре Екатерине, арестованной в Москве.

Борис Крейцер отбывал наказание в Севжелдорлаге⁵, в Котласе, работал инженером Мостозавода. Освобожден 27 июля 1946 г., работал там же по вольному найму. В мае 1947 г. уволился, переехал в Сыктывкар.

Ему было уже за сорок. Хотел устроиться по специальности. На предприятии попросили принести и показать выполненные ранее работы. Принес чертежи, рисунки, эскизы. Внимательно разбирали принесенное. «А это кто?» — воскликнули при взгляде на эту женской головы в профиль. «Это, — смутился Борис, — это... Такой я представлял бы свою жену». «Да ведь это Томочка Ключкина, она у нас работает, иди и смотри», — рассмеялись в ответ.

Тамаре было всего девятнадцать. Приехала в Сыктывкар с родителями по вербовке. Устроилась чертежницей. В тот день стояла, как обычно, у кульмана. Дверь в комнату открылась. Вошел Борис. Ничего особенного в нем вроде и не было. Но как будто сразу исчезло все вокруг, как будто он один остался перед глазами.

Они поженились, уехали в Псков. Борис отлично устроился — заведовал бюро экспертизы Псковского облотдела по делам архитектуры и по совместительству был старшим архитектором Облпроекта.

Вскоре начались аресты «повторников»⁶ — всех, кто свое уже отсидел, брали заново, сажали в лагеря или давали вечную ссылку по заочным приговорам Особого совещания при МГБ. За Борисом пришли 12 мая 1949 г. Пока шли допросы, Тамара носила передачи, смотрела на тюремные окна: мелькнет ли где дорогое

5 Севжелдорлаг — Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь (1938–1950 гг.). Лагерное управление находилось в пос. Княж-Погост Усть-Вымского района Коми АССР. Основной производственной деятель-

ностью Севжелдорлага было строительство участка Котлас—Воркута Северо-Печорской железнодорожной магистрали.

6 «Аресты «повторников»...» — 21 февраля 1948 г. издан Указ Президиума

Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

лицо. Месяца через два Бориса отправили по этапу на вечное поселение в Красноярский край, в Норильск.

Тамара собрала вещи, поехала следом. При пересадке на каком-то полустанке стояла растерянно на перроне со своими узелками. Проходившие мимо мужики спросили: «Что, небось, к мужу-вохровцу⁷ едешь?» «Нет, к мужу-ссылному». Тут же, как пушинку, подбросили ее в поезд, усадили и проводили.

В Норильске Бориса пытались вербовать в осведомители. «Если согласишься, вернусь в Псков», — твердо сказала Тамара. Когда отказался, ему не дали работу и отправили отбывать ссылку в поселок Дудинка⁸. Там помог обустроиться местный милиционер. Борис работал маляром, супруги прожили в ссылке около шести лет.

Много лет Борис Генрихович добивался реабилитации. Добился в 1956 г. Реабилитационная часть дела Крейцера необыкновенно богата. Работники прокуратуры тщательно записывали его пояснения о следствии в 1938–1939 гг. Отыскивали бывшего следователя Рейнера и устроили очную ставку с его бывшим подследственным. В частном случае Крейцера сбылось то, о чем говорила Анна Ахматова: часть России, которая сажала, посмотрела в глаза той части России, которую сажали.

По возвращении в Ленинград память о пережитом Крейцера не оставляла. Бывали проблемы. Как-то сказал директору издательства: «Вы разговариваете со мной, как начальник лагеря». При неожиданных телефонных звонках всегда повторял: «Это за мной».

Борис Генрихович Крейцер умер в 1979 г. Тогда в крематории было принято провозжать в последний путь гимном Советского Союза. Тамара Николаевна пошла к директору крематория: «Прошу без гимна». Гимна не было.

7 «К мужу-вохровцу...»: ВОХР — военизированная охрана мест заключения; вохровец — стрелок военизированной охраны.

8 Дудинка — речной порт на правом берегу Енисея в 80 км от Норильска, перевалочный пункт для заключенных, провианта, материалов, направляемых в Норильлаг. С 1951 г. — город.

Указатель имен

Члены семьи Бориса Крейцера

Генрих Давидович Крейцер (1877–?)
отец Бориса, специалист по асфальтам и битумам, профессор, сотрудник Института пластмасс, Химико-технологического института, НИИ лаков и красок, автор учебных пособий. Во время блокады Ленинграда жил в эвакуации, затем вернулся в Ленинград.

Ольга Григорьевна Крейцер (1881–?)
мать Бориса, домохозяйка, после войны жила с мужем в Ленинграде.

Екатерина Генриховна Крейцер (1904–1961)
сестра Бориса, японовед, затем переводчик в НКВД. Арестована в 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР 17 ноября 1939 г. осуждена за «шпионаж» на 8 лет ИТЛ. В 1944 г. срок наказания сокращен до фактически отбытого. Реабилитирована в 1989 г. Помянута в Книге памяти «Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период» (СПб., 2003). Муж и отец двоих ее детей, политэмигрант и переводчик Патрик Францискович Бреслин, был арестован в 1940 г. Погиб в заключении.

Андрей Генрихович Крейцер (1916–?)
брат Бориса, инженер, изобретатель медицинской техники, автор книг. Во время блокады Ленинграда жил в эвакуации, затем вернулся.

Розалия Львовна (Роза Леопольдовна) Крейцер
бабушка Бориса, вдова статского советника Давида Лазаревича

Крейцера (умер в 1916 г.), в эмиграции жила в Берлине.

Софья Людвиговна (Павловна) Шерешевская
бабушка Бориса по материнской линии, жила (в Ленинграде?) на иждивении дочери Елены.

Лидия Давидовна Залшупина
тетя Бориса Крейцера, вдова издателя А. С. Залшупина (1867–1929), мать художника Сергея Залшупина (1898–1931), в эмиграции жила в Париже.

Елена Григорьевна Шерешевская (1886–1942)
тетя Бориса по материнской линии, преподаватель, сотрудник ВИЭМ, погибла в блокаду. Помянута в 34-м томе Книги памяти «Блокада, 1941–1944, Ленинград» (СПб., 2006).

Маргарита Давыдовна Фейертаг
тетя Бориса Крейцера, погибла в блокаду. Помянута в 32-м томе Книги памяти «Блокада, 1941–1944, Ленинград» (СПб., 2006).

Елена Осиповна Крейцер
жена дяди Бориса, Владимира Давидовича Крейцера. Погибла в блокаду. Помянута в 15-м томе Книги памяти «Блокада, 1941–1944, Ленинград» (СПб., 2004).

Леонид Давидович Крейцер (1884–1953)
дядя Бориса, известный пианист и преподаватель музыки. Имел успешную карьеру в Германии, которую был вынужден прервать после прихода к власти фашистов. В 1935 г. вернулся в СССР, пытался найти работу в Ленинградской консерватории, но получил отказ и переехал в Японию,

где до конца жизни преподавал в Токийской школе музыки.

Виктор Леонидович Крейцер (1908–1966)
двоюродный брат Бориса, сын Леонида Давидовича Крейцера и композитора Юлии Лазаревны Вейсберг (1880–1942, погибла в блокаду Ленинграда), сотрудник ВНИИ телевидения. Арестован в сентябре 1938 г., освобожден в 1939 г. После войны — доктор технических наук, лауреат Сталинской премии (1950).

Александр Борисович Шерешевский (Шершевский) (1894–1937)
троюродный брат Бориса Крейцера. Расстрелян в Ленинграде 28 мая 1937 г. Родственники не знали о расстреле. Помянут в 5-м томе «Ленинградского мартиролога» (СПб., 2002).

Андрей Александрович Гершун (1903–1952)
дальний родственник Бориса Крейцера, однокашник по училищу Шидловской, выдающийся советский ученый в области фотометрии и светотехники, лауреат двух Сталинских премий (1942, 1949). Допрашивался 27 декабря 1938 г. при рассмотрении дела Крейцера. В 1940 г. подал заявление на имя Главного военного прокурора СССР с отказом от своих показаний, но жалоба Крейцера и заявление Гершуна остались без удовлетворения.

Тамара Николаевна Крейцер (урожд. Клюкина) (1929–2011)
жена, секретарь и хранитель архива Бориса Крейцера. Родилась 9 октября 1929 г., умерла 7 октября 2011 г. Похоронена, как и муж, в Санкт-Петербурге на кладбище при крематории.

Знакомые и коллеги Бориса Крейцера

Алиса Мефодьевна (Эрнестовна) Ланская (1908–1938)

соседка Крейцера по коммунальной квартире, актриса, перед арестом работала касиром кинотеатра «Крам». Арестована 22 марта 1938 г. на основании ложного протокола допроса Крейцера. Расстреляна 11 сентября 1938 г. согласно списку «харбинцы» № 19. После расстрела ее ложный протокол допроса использовался против Крейцера. Помянута в 10-м томе «Ленинградского мартиролога» (СПб., 2009).

Борис Георгиевич Слонимский (1889–1938)

знакомый Крейцера, инженер. До 1931 г. жил в эмиграции в Чикаго. Арестован 2 апреля 1938 г. на основании ложного протокола допроса Крейцера. Расстрелян 11 сентября 1938 г. согласно списку «харбинцы» № 19. После расстрела его ложный протокол допроса использовался против Крейцера. Помянут в 10-м томе «Ленинградского мартиролога» (СПб., 2009).

Самуил Адольфович Липшиц (1904–?)

московский знакомый Крейцера, работал на радио. Арестован в январе 1935 г. Вторично арестован в 1943 г. Осужден на 10 лет лагерей в 1944 г. Эмигрировал из СССР в 1979 г. Один из свидетелей, чьи воспоминания А. И. Солженицын использовал при создании книги «Архипелаг ГУЛАГ».

Шарлотта Николаевна Гельбо (Ольга Станиславовна Тышкевич) (1905–1937)

знакомая Бориса Крейцера, работник Публичной библиотеки. Арестована 23 августа 1937 г. Расстреляна 24 ноября 1937 г. согласно списку «поляки» № 32. Помянута в 3-м томе «Ленинградского мартиролога» (СПб., 1998).

Генрих Блум (Henryk Blum) и Григорий Сигалин (Grzegorz Sigalin)

варшавские архитекторы. После участия в конкурсе на проект Дворца Советов подали заявления о переезде в СССР. Сигалин переехал, работал архитектором Моссовета. Арестован 10 февраля 1938 г. Расстрелян 16 июня 1938 г. Помянут в Книге памяти «Расстрельные списки: Москва, 1937–1941: „Коммунарка“, Бутово» (М., 2000). Блум, вероятно, погиб в Варшаве в 1943 г.

Андре Люрса (André Lurçat; 1894–1970)

французский архитектор и теоретик архитектуры. В 1930-х гг. работал в СССР, был знаком с Борисом Крейцером.

Целестина Коол (Celeste Cole; 1908–1984)

афроамериканская певица, в середине 1930-х гг. жила в СССР, выступала с джазовыми оркестрами Варламова и Утесова. В 1938 г. вернулась в США. Была знакома с Борисом Крейцером.

Хисао Икеда (1897–?)

окончил Университет иностранных языков и университет Васэда, преподаватель Института живых восточных языков в Ленинграде, критик и переводчик. В 1925–1926 гг. сосед Бориса

по коммунальной квартире. Вернулся в Японию и вскоре умер от туберкулеза.

Хиде Накамура (1898–?)

японец, студент Института живых восточных языков и токарь завода им. Ленина. До отъезда в Москву в 1930 г. несколько месяцев был соседом Бориса по коммунальной квартире.

Ксения Михайловна Ермакова (1914–1942)

соседка Бориса по коммунальной квартире в 1932–1936 гг. Допрашивалась 30 декабря 1938 г. при расследовании дела Крейцера. Погибла в блокаду Ленинграда.

Яков Андреевич Коптев (1910–1943)

студент, сосед Бориса по коммунальной квартире с 1932 г. Допрашивался 30 декабря 1938 г. при расследовании дела Крейцера. Во время войны ст. сержант, погиб под Московской Славянкой 20 декабря 1943 г. Его жена, счетовод Клавдия Михайловна Крылова, также давала показания 30 декабря 1938 г.

Василий Федорович Смирнов (1909–?)

сосед Бориса по коммунальной квартире с 1935 г., нач. спецотдела ЦНИИ бумажной промышленности. Допрашивался 30 декабря 1938 г. при расследовании дела Крейцера.

Мирон Ильич Рославлев (1888–1948)

архитектор, профессор Академии художеств, работал с Борисом в Институте норм и стандартов. Допрашивался 30 декабря 1938 г. при расследовании дела Крейцера.

Борис Сергеевич Майзель (1907–1986)

композитор, знакомый Бориса.

Татьяна Владимировна Стракач (1904–?)

пианистка эстрады, первая жена Бориса Майзеля, знакомая Бориса.

Александр Сергеевич Никольский (1884–1953)

член правления Союза архитекторов СССР, после войны член Академии наук СССР, доктор архитектуры. Дал отзыв о Борисе Крейцере после его ареста в 1949 г. как о ценном специалисте, полезном для работы в Ленинграде.

Михаил Николаевич Мейсель (1904–1972)

коллега Бориса, секретарь Союза архитекторов в 1930-х гг. Дал отзыв о Борисе Крейцере после его ареста в 1949 г. как о ценном работнике, полезном для работы в Ленинграде.

Александр Сергеевич Никольский (1884–1953)

член правления Союза архитекторов, знакомый Бориса. После войны доктор архитектуры. Дал отзыв о Борисе Крейцере после его ареста в 1949 г. как о ценном работнике, полезном для работы в Ленинграде.

Андрей Андреевич Оль (1883–1958)

знал работы Бориса по Институту норм и стандартов, после войны доктор архитектуры. Дал отзыв о Борисе Крейцере после его ареста в 1949 г. как о ценном работнике, полезном для работы в Ленинграде.

Борис Иванович Пятунин (1904–?) художник и архитектор Горкома ИЗО, коллега и соавтор Бориса Крейцера. Арестовывался в 1919 и 1926 гг. Допрашивался 30 декабря 1938 г. при доследовании дела Крейцера и повторно в ходе пересмотра дела в 1955–1956 гг. Братом жены Пятунина, Феодосии Георгиевны, был Борис Слонимский, арестованный и расстрелянный на основании ложного протокола допроса Крейцера.

Борис Александрович Смирнов (1903–1986)

художник и архитектор, друг, коллега и соавтор Бориса Крейцера, впоследствии — известный советский дизайнер и педагог, заслуженный художник РСФСР (1968). Допрашивался 8 января 1939 г. при доследовании дела Крейцера и повторно в ходе пересмотра дела в 1955–1956 гг. На обоих допросах защищал друга и дал ему самые положительные характеристики.

Чекисты

Михалёв Сергей Иванович

оперуполномоченный 1-го отделения 11-го отдела УНКВД ЛО, сержант ГБ. Дальнейшая судьба неизвестна.

Меклер Яков Самойлович (1905–?)

нач. 1-го отделения 11-го отдела УНКВД ЛО в 1937–1938 гг., младший лейтенант ГБ. По завершении карательной кампании откомандирован в Саровский лагерь НКВД, зам. нач. 1-го отдела. В 1940 г. — сотрудник УГБ НКВД Карело-Финской ССР. Арестован 20 февраля 1940 г.

Военным трибуналом войск НКВД ЛО 31 января 1941 г. осужден на 10 лет лишения свободы. Освобожден 31 марта 1943 г. с направлением на фронт. В 1944 г. награжден орденом Красной Звезды. После войны жил в Ленинграде.

Мигберт (Глейзер) Мирон Исаакович (1902–1938)

начальник 3-го (контрразведывательного) отдела, затем начальник 11-го (водного) отдела УНКВД ЛО в 1937–1938 гг., капитан ГБ. Награжден знаком «Почетный чекист» (1934) и орденом Красной Звезды (1937). Арестован 25 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 29 августа 1938 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян в Москве. Не реабилитирован.

Шапиро-Дайховский Натан Евнович (1901–1938)

начальник 3-го (контрразведывательного) отдела, затем зам. начальника УНКВД ЛО в 1936–1938 гг. Старший майор ГБ. Кавалер орденов Ленина, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени БССР и двух знаков «Почетный чекист». Арестован 14 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 29 августа 1938 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян в Москве. Не реабилитирован.

Рейнер Абрам Аронович (1905–?)

начальник отделения 11-го (водного) отдела УНКВД ЛО, лейтенант ГБ. Уволен 7 февраля 1939 г. за невозможностью дальнейшего использования. Командир батальона в 1941–1942 гг., награжден орденом Красной

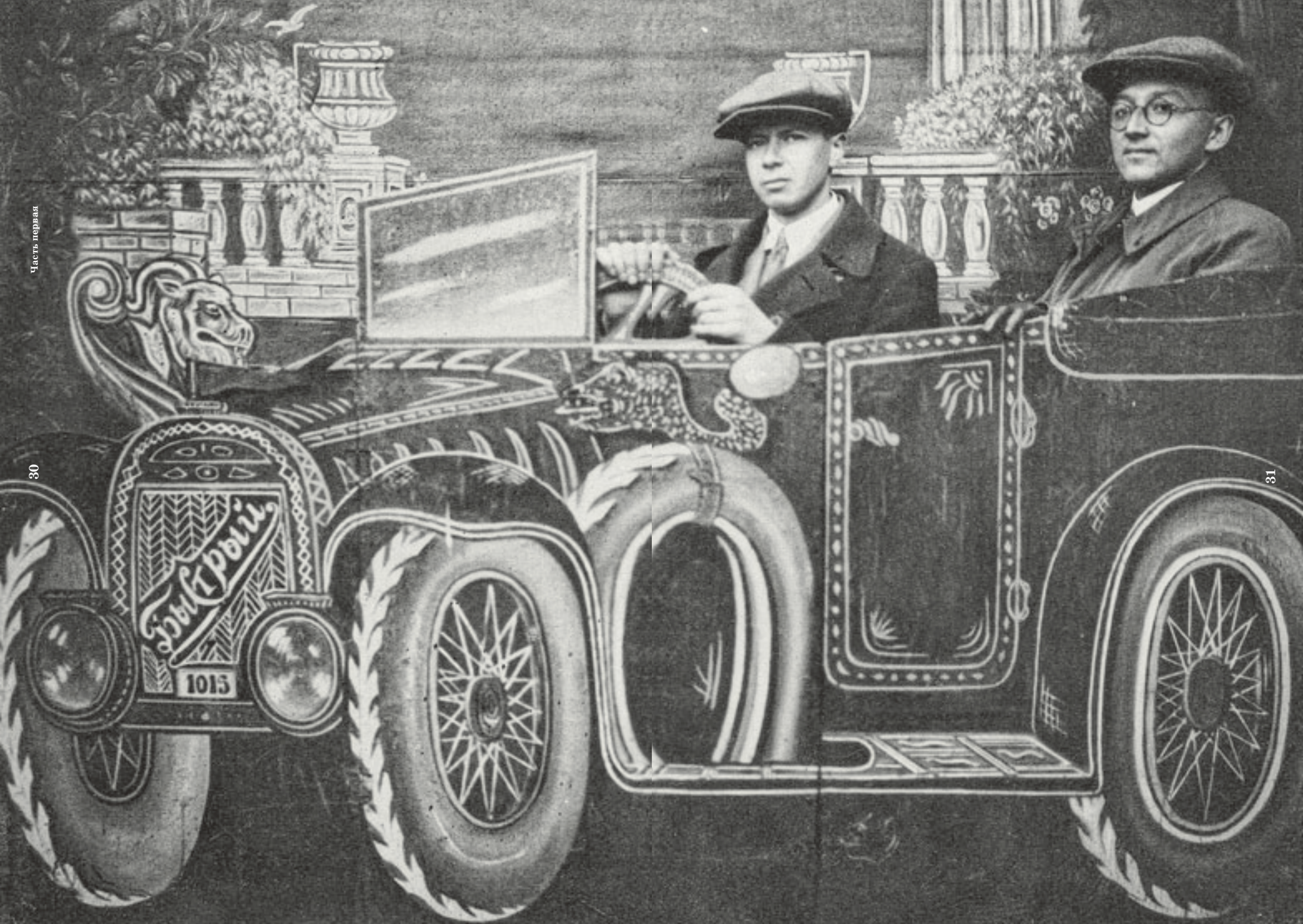
Звезды. После войны жил в Ленинграде, преподаватель Высших торговых курсов.

Политур

оперуполномоченный 1-го отделения водного отдела УНКВД ЛО. Проводил допросы Бориса Крейцера и свидетелей при доследовании дела в декабре 1938 – январе 1939 гг. Дальнейшая судьба неизвестна.

Утикас Павел Юрьевич (1891–?)

начальник 11-го (водного) отдела УНКВД ЛО в 1937 г., ст. лейтенант ГБ. Награжден знаком «Почетный чекист». Во время войны начальник Особого отдела 7-й Эстонской стрелковой дивизии, затем замполит 8-го стрелкового корпуса. Награжден орденом Красной Звезды.

Борис Крейцер и Борис Смирнов — тезки, коллеги и друзья. Они все делали вместе: учились на архитектурном, рисовали иллюстрации для журналов, проектировали кинотеатры и концертные залы. В 1936 г. из-за обвинений в формализме оба будут вынуждены навсегда оставить архитектуру. Затем жизнь надолго разлучит их: Крейцер почти 20 лет проведет в лагере и ссылке, а вернувшись, станет выдающимся художником книги. Борис Смирнов пройдет через войну офицером Балтийского флота, будет долго и успешно работать в сфере прикладного искусства и войдет в историю как классик отечественного дизайна, один из основателей ленинградской школы художественного стекла.

Борис Смирнов и Борис Крейцер среди сотрудников НИИ норм и стандартов. 1933 год

с. 30–31
Борис Крейцер с другом и коллегой Борисом Смирновым. 1920-е годы

с. 32–33
Успешные молодые архитекторы Борис Смирнов и Борис Крейцер идут по улице Пестеля, и девушки оборачиваются им вслед. Ленинград. 1935 год

ОВАТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА НОРМ И СТАНДАРТОВ

27/ 1933

Крейцер и Смирнов
в составе архитектурной
группы за проектированием
здания театра Музкомедии.
Середина 1930-х годов

Борис Крейцер и Борис
Смирнов тестируют спроектированные ими кресла
для кинотеатра. Середина
1930-х годов

Творческая группа «Три Бориса»:
Борис Крейцер (1905–1979),
Борис Смирнов (1903–1986)
и Борис Пятунин (1904–1973).
Середина 1930-х годов

Друзей-архитекторов будут дважды допрашивать по делу Крейцера: в 1938 и в 1955 гг. В следственных материалах отмечается, что свидетели Смирнов и Пятунин «утверждали, что они за Крейцером никаких антисоветских проявлений не замечали».

Лето на даче. Маленький сын Бориса Смирнова Никита называл лучшего друга своего отца «дядя Боря Крейсер». 1934 год

Борис Смирнов и Борис Крейцер на стройплощадке кинотеатра в г. Бежице. 1936 год

В середине 1930-х годов команда Крейцера, Смирнова и Пятунина спроектировала несколько кинотеатров. Построен был только один — многозальный кинотеатр в г. Бежице (Брянская область). В годы войны здание пострадало, но затем было восстановлено. Кинотеатр работает до сих пор, сегодня он называется «Победа».

Борис Крейцер на стройплощадке кинотеатра в г. Бежице. 1936 год

О ФОРМАЛИЗМЕ И ПОДРАЖАТЕЛЬСТВЕ В АРХИТЕКТУРЕ

Статьи «Правды» о мушкетере, балете и архитектуре вызвали жёсткий отклик среди работников всей области искусства. И это не случайно. Статьи «Правды» бьют по основным недостаткам в искусстве — бездельности, формалистскому трюачеству, рабскому копированию чуждых советскому искусству стилей, дешевой буффарии.

Безоусловно естественно, что вопросы, поднятые «Правдой», не могут не волновать и ленинградских архитекторов, роль которых и различно на развитие всей нашей советской архитектуры весьма значительны.

Проект зала заседаний в Доме союзов промышленности (автор А. И. Дмитриев)

В архитектуре-строительной практике Ленинграда за последние годы можно было наблюдать немало случаев формалистского, трюаческого подхода к проектированию различных сооружений. Некоторые ленинградские архитекторы устремлялись в сторону беспринципного украшательства, заглядывая не оправданным нападением архитектурных деталей и форм.

Говоря о формализме в архитектуре, мы имеем в виду мещанское загромождение плинфами, кубиков, параллелепипедами, бесконечных крутых лестниц, на которые странно смотреть. Сооружения такого рода имеются и у нас в Ленинграде.

также нарушает общий вид проспекта — одной из красивейших улиц Ленинграда.

Тем не менее даже и сейчас некоторые ленинградские архитекторы пытаются обмануть автором и проектом эти здания. На одном из последних собраний в Союзе архитекторов профессор Н. А. Троцкий выступил переработать зону за благоустроенный вид здания № 22 по Кировскому проспекту на... строителей. Вот, оказывается, кто виноват в бездушной архитектуре дома!

Насколько живы еще традиции формалистского и доконструктивистского трюачества в практике некоторых ленинградских архитекторов — можно видеть и на примере и первого дома Лопатова на Кировском. Постройка этого дома (авторы проекта архитекторы Ленинские и Фомин) не закончена лишь в 1933 г. Очевидно, в в угоду на «оригинальность», архитекторами построены ряд вышек и впадушие железобетонные открытые лестницы, уже опирающиеся на столбы, и не заделанные в стесу. От земли до второго этажа на протяжении около 20 метров (с поворотом под прямым углом) эти лестницы просто висят в воздухе. Скорее нет, — зрительное впечатление большее! Ходит человек вокруг лестницы и поражается: как это архитекторы умудрились несколько тонн железобетона повесить в воздухе! Не поднимается по этим м лестницам одышкой... И стоит сейчас эти лестницы, засыпанные снегом, и как гримас укор архитектурному трюачеству.

Не менее оригинально поступил тот же архитектор Ленинский, когда он, совместно с архитектором О. Р. Мунцаем, сделал в здании Дома культуры промышленности всю правую сторону глав-

ного фасада сплошь стеклянной. Вряд ли будет уютно и тепло в фойе, если на шумный проспект, где выхлопнуты от шума и грохотом прикоснется трамвай, гудают автомобильные сирены, вылетит ослепляющая стая самолетов. Особенно мало удовлетворены надолго в таком фойе в большом морозе.

По этому пути пошли и архитекторы Крейцера, Смирнова и Пятункина, работав-

Здание транспортной академии на Кировском проспекте

над проектом кинотеатра Кировского района. В этом проекте допущены также «стекляности», в которых ничего понять невозможно. Члены архитектурного комитета, куда был представлен проект, долго не могли в них разобраться. Легко себе представлять, какое впечатление он вызвал бы у людей, не искусных в архитектурных тонкостях!

Некоторые из этих архитекторов в своем стремлении к украшательству, которое органически не связано ни с материальными, ни с материальными, на которых оно строится, не с

архитектурой зданий, которые его окружают, механически копируют заимствуемые памятники старого Петербурга, либо — одну из странки альбомов архитектуры давно прошедших времен.

Почти подобного беспринципного архаизма и стилизаторства лежит на творчестве некоторых видных ленинградских архитекторов Академика А. И. Дмитриева, например, в своем проекте Дома союзов промышленности, импрессионизма над фасадами в стиле, ничем не отличающемся от крутого зала старого музея в Берлине, выстроенного по проекту архитектора Шинкеля в 1824—1828 гг.

Профессор А. А. Оль в проекте школы на Кировской улице, 28 фойе уже строится, умудрился превратить в неогромный фасад 4-этажной школы так-же дорический ордер, колонны которого только самих стел.

Чрезмерное буффарное излишество также отличают некоторые проекты новых школ.

Перечень подобных примеров отклик на итерерах. Причем все эти издержки в советской архитектуре до сих пор не стали еще предметом широкого обсуждения и развернутой критики ленинградской архитектурной общественности. До сих пор союзу архитекторов не организовал еще обсуждения статьи «Правды» «Налофония в архитектуре». Творческая самозащита пока еще не в большом почете у ленинградских архитекторов.

А без самокритики невозможно настоятельная борьба за создание подлинно-великой монументальной и живительной архитектуры социализма!

ЛЕНИНГРАДЕЦ

«Красная газета». 27 февраля 1936 года

Весной 1936 г. в советской прессе началась массированная кампания против «формализма в искусстве»: художников, музыкантов и архитекторов обвиняли в «безыдейности и трюачестве». В ленинградских и всесоюзных газетах вышла серия статей с жесткой критикой архитектурных работ Бориса Крейцера и его коллег по «Роскинопроекту». Творческий коллектив Крейцера, Смирнова и Пятункина вынуждены уйти из архитектуры.

ВЫСТАВКА НА ПЛОЩАДЬ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕПАРТАМЕНТА

ШТУКАРСТВО В АРХИТЕКТУРЕ

Борьба на строительном рынке шла в борьбе за жилищное строительство. В связи с этим возникла необходимость в развитии архитектурного искусства, в частности в развитии штукатурки.

Следует отметить, что в настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

Нам известно, что в настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

Эскиз фасада здания с арочным окном и балконом. Автор: А. С. Николаев.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

Разоблачить ошибки до конца

ИДЕНТИФИКАЦИЯ 1 марта (от имени редакции) Статьи «Об ошибках» в журнале «Архитектура» (№ 1) и в журнале «Архитектура» (№ 2) были опубликованы в журнале «Архитектура» (№ 3).

Уже неоднократно отмечалось, что в работе архитектурной организации должна быть установлена строгая ответственность за качество работы.

На 1-й странице была допущена ошибка в названии и в содержании. В частности, в названии статьи «Об ошибках» в журнале «Архитектура» (№ 1) и в журнале «Архитектура» (№ 2) были опубликованы в журнале «Архитектура» (№ 3).

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

второй стороны добросовестно отнеслись к делу (см. прошлые номера журнала «Архитектура»).

— Есть ли ошибки в журнале «Архитектура» (№ 1) и в журнале «Архитектура» (№ 2)?

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

материалы не мы дет доложить в редакцию журнала «Архитектура».

Сборная комиссия провела ряд мероприятий по ликвидации ошибок в журнале «Архитектура».

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

задача, что лучше всего было бы сменить редакцию «Архитектура».

Проф. А. С. Николаев в журнале «Архитектура» (№ 1) и в журнале «Архитектура» (№ 2) были опубликованы в журнале «Архитектура» (№ 3).

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

В настоящее время в архитектуре наблюдается тенденция к использованию штукатурки в качестве основного материала для отделки фасадов.

Фотографии из первого дела
Бориса Крейцера. 1938 год

Фотографии, сделанные после
второго ареста. 1949 год

с. 47–48

Страницы из списка
«харбинцев» № 19. Имена
Бориса Крейцера и осужден-
ных вместе с ним Ланской
и Слонимского — в конце
третьей страницы

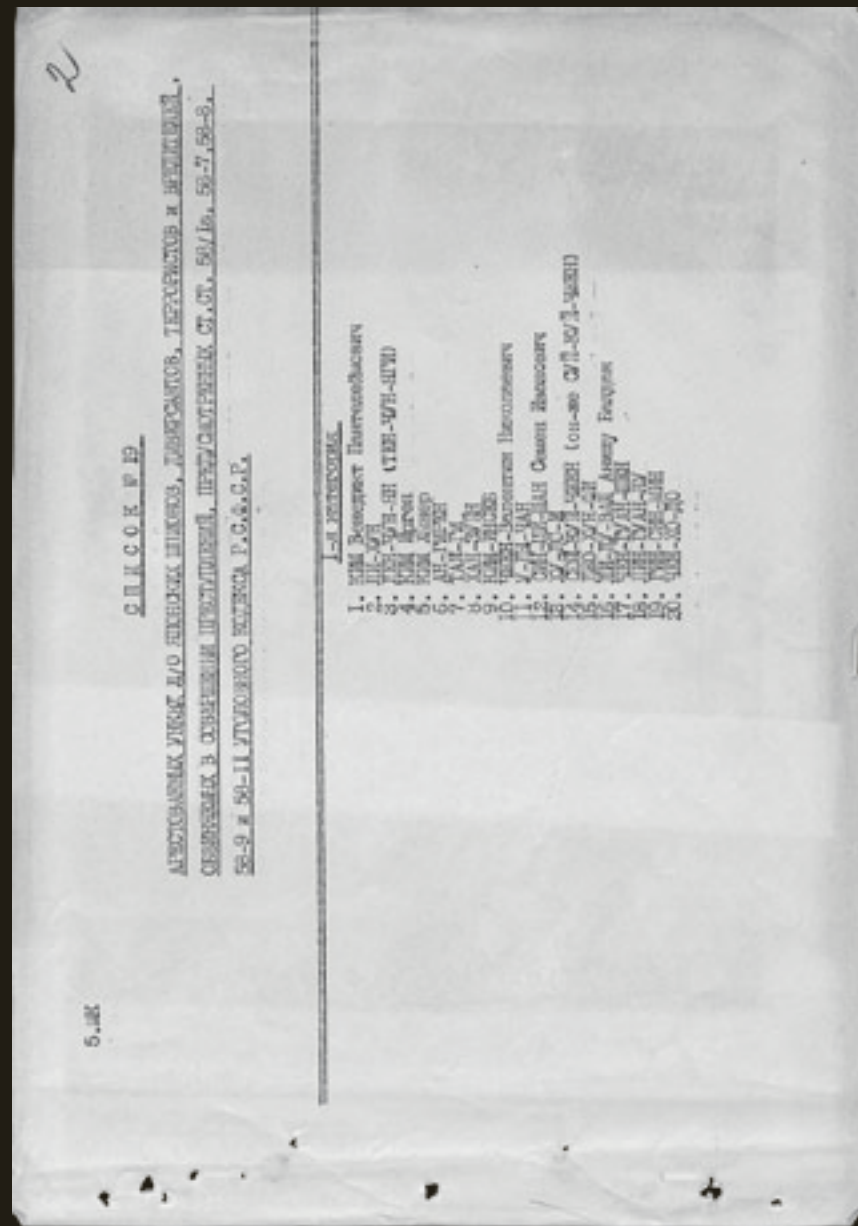
с. 49–52

Справка из «альбома» на
арестованного Крейцера

с. 53–55

Страницы из протокола
заседания «двойки», под-
писанного заместителем
наркома внутренних дел
М. П. Фриновским и заме-
стителем Прокурора СССР
Г. К. Рогинским

Документы предоставлены
архивом Управления ФСБ
России по Омской области

4

3.

51. Сидорова Ирина Дмитриевна
52. Сидорова Ирина Дмитриевна
53. Сидорова Ирина Дмитриевна
54. Сидорова Ирина Дмитриевна
55. Сидорова Ирина Дмитриевна
56. Сидорова Ирина Дмитриевна
57. Сидорова Ирина Дмитриевна
58. Сидорова Ирина Дмитриевна
59. Сидорова Ирина Дмитриевна
60. Сидорова Ирина Дмитриевна
61. Сидорова Ирина Дмитриевна
62. Сидорова Ирина Дмитриевна
63. Сидорова Ирина Дмитриевна
64. Сидорова Ирина Дмитриевна
65. Сидорова Ирина Дмитриевна
66. Сидорова Ирина Дмитриевна
67. Сидорова Ирина Дмитриевна
68. Сидорова Ирина Дмитриевна
69. Сидорова Ирина Дмитриевна
70. Сидорова Ирина Дмитриевна
71. Сидорова Ирина Дмитриевна
72. Сидорова Ирина Дмитриевна
73. Сидорова Ирина Дмитриевна
74. Сидорова Ирина Дмитриевна
75. Сидорова Ирина Дмитриевна
76. Сидорова Ирина Дмитриевна
77. Сидорова Ирина Дмитриевна
78. Сидорова Ирина Дмитриевна
79. Сидорова Ирина Дмитриевна
80. Сидорова Ирина Дмитриевна

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

КОМИТЕТ УЧЕ УЧЕНИКОВ

XI отделом УЧЕ УЧЕНИКОВ 10 октября и ликвидирована японская разведывательная резидентура, созданная в Ленинграде в 1926 году б.и.м. преподавателем института восточных языков, резидентом японской разведки ИСЭКО ХИСАО, заключенным в 1926 году в Японию.

По делу арестованы:

- 1) профессор Борис Георгиевич, адъюнкт "Роснефтепрома", 1905 г.р., ур. гор. Ленинград (Теркина), отец студента Шереметьева-Серебрякова, бывшего в 1926 г. в Японии, г.р. СССР, имеет родственников за границей, в которых японская разведывательная служба;
- 2) ЛАКОСОВ Александр Иванович, инженер Ленинградского института "Аргон", 1889 г.р., ур. г. Ленинград, г.р. СССР, до 1926 г. действительный член ордена и ордена ИМПЕРАТОРА ХИРОИТО;
- 3) СЛОБОДИН Борис Георгиевич, б.и.м. инженер Ленинградского Центрального института, г.р. СССР, бывший член ИСЭКО ХИСАО, который в феврале 1926 г. был заключен в СССР в 1921 г.

Следствием по делу установлено:

- а) что в 1926 году профессор В.Г., будучи студентом Ленинградского института восточных языков в Ленинграде, вместе с преподавателем института восточных языков, японцем ИСЭКО ХИСАО, который в феврале 1926 г. был заключен в Японию, работал на японской разведке в Японии;

12

- 2 -

- б) в конце 1926 года, после отъезда ХИДАО в Японию, КРЕЙДЕР продолжал осуществлять связь с японской разведкой через Зейтсбергера и Лью Ангера, убежавшего японского агента САКАМУРА ХИРО.
- в) в 1931 году КРЕЙДЕР приехал для разведывательной деятельности в СЛОНИМ-СКОТО В.П., через которого провадил сбор японских материалов об оборонной промышленности Маньчжурии.
- г) в 1932 году, после отъезда САКАМУРА ХИРО в Японию, КРЕЙДЕР был оставлен в качестве резидента японской разведки и ему была выдана лицензия на имя САКАМУРА А.И., завербованная лично САКАМУРА.
- д) КРЕЙДЕР при посредстве СЛОНИМ-СКОТО и ДАСКОВ провозмодал сбор и передачу японским разведке японских материалов о заминировании военных промышленных объектов в Балтийском Военно-Воздушном флоте и о военных предприятиях Ленинградского гарнизона.
- Передану японским материалам о 1932 г. и до ареста КРЕЙДЕР оурафетьмак через самозета японской разведки ИЗВЕЖЕНКО А.В. (судился в 1936 г. Военным Трибуналом ЛВО и ВВВ, как германско-японский агент) и польского архитектора, прибывшего в СССР в 1937 году, под видом интрюста, ВЕНА.

По вышеизложенному делу представляется на рассмотрение НКВД СССР по 1-ой категории материал на следующих лиц:

1. КРЕЙДЕР Борис Георгиевич,
2. СЛОНИМ-СКОТО Бориса Георгиевича и
3. ДАНСКОГО Алексея Мефодьевича.

В отношении преступной деятельности назного из них следствием установлено

о.м.Дундрю :

79

КРЕЙДЕР

Борис Георгиевич, 1906 г.р., ур.г. Бийск (Германия), еврей, высшее образование, инженер-механик, инженер 6-го класса, в настоящее время в отпуске по болезни. Имеет в Японии родственников, с которыми поддерживает связь.

До ареста: архитектор "Госкинопроект" в Ленинграде.

Арестован 5/II-38 г. Следствен в Ленинграде 1918.

След. дело № 41718-381.

Х1. ОСАДА ХИ. УИКА АС

КРЕЙДЕР Б. Г. в 1925 году, будучи студентом Ленинградской Академии Художеств, уезжал в Маньчжурию вместе с преподавателем, уезжавшим в Маньчжурию, для участия в конкурсе на строительство японского завода ХИДАО. Уезжая в Маньчжурию вместе с преподавателем, КРЕЙДЕР был арестован в Маньчжурии в августе 1926 г. был заключен в лагерь для шпионов.

В 1931 году КРЕЙДЕР, по велению японской разведки, приезжал для разведывательной деятельности в Японию. В начале 1932 года КРЕЙДЕР был арестован в Японии в связи с делом о шпионстве. В 1932 году КРЕЙДЕР был арестован на территории Маньчжурии в связи с делом о шпионстве. В 1932 году КРЕЙДЕР был арестован на территории Маньчжурии в связи с делом о шпионстве.

В 1932 году КРЕЙДЕР, по велению японской разведки, приезжал в Японию. В начале 1932 года КРЕЙДЕР был арестован в Японии в связи с делом о шпионстве. В 1932 году КРЕЙДЕР был арестован на территории Маньчжурии в связи с делом о шпионстве. В 1932 году КРЕЙДЕР был арестован на территории Маньчжурии в связи с делом о шпионстве.

2. в Балтийском Военно-Воздушном флоте, являлся военным летчиком-испытателем, в составе частей Ленинградского гарнизона, как дислоциция, численности в распоряжении Маньчжурии.
3. об оборонной промышленности Ленинградского гарнизона, являлся интрюстом, численности в распоряжении Маньчжурии.

40

Связь с японской разведкой КРЕЩИН до 1932 года осуществляла через японских агентов ХИРО ХИРОАКИ и ИКАИ-ИУРА ХИРО, а в 1932 г. через японских из-ли Мориса саманетов ИИРАТСУКАЮ (осужден в 1936 г. Военным трибуналом К ВМФ) и японского агента ИКАИ ХИРОАКИ. КРЕЩИН с ними поддерживал постоянную связь вплоть до ареста. от японской разведки через ИКАИ ХИРОАКИ и ИКАИ-ИУРА ХИРОАКИ поддерживалась.

ЗЛОУМНИКОВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ПАВЛОВИЧ и злоумышленник провалялся арестованных СМОЛЕНСКОГО В. Г. и ЛАУСАКА А. И. и агентурными материалами.

Лав Зам. XI Отд. УНКВД до
Калашникова
Иван Иванович
Иван Иванович
Иван Иванович
Иван Иванович

(Альман)

(Фельер)

г. Ленинград

ГК

2

ПРОТОКОЛ № 502

от 12 сентября 1938 года.

- ПРИСУТСТВОВАЛИ: 1. Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР
Генеральный Комиссар Государственной Безопасности тов. Е И О В;
2. Прокурор Союза ССР тов. ВЕЛИКИН И. П.

СЛУШАЛИ:

Материалы на обвиняемых, представленные Управлением НКВД по Ленинградской области в порядке приказа НКВД № 00503 от 20-го сентября 1937 года.

ПОСТАНОВКИ:

1. АВЕЛАНА Всеволода Владимировича,
1908г.р. ур. гор. Ленинграда.
Гр-н СССР.	РАССТРЕЛЯТЬ
2. АН-ГИРЕН,
1905г.р. ур. гор. Хабаровска.
Гр-н СССР.	РАССТРЕЛЯТЬ
3. БУРЯКИНА Анатолия Петровича,
1913г.р. ур. гор. Харбина.
Гр-н СССР.	РАССТРЕЛЯТЬ
4. БУРЯКИНА Петра Максимовича,
1884г.р. ур. гор. Ленинграда.
Гр-н СССР.	РАССТРЕЛЯТЬ
5. ВАН-ЭН-ПУ,
1898г.р. ур. пров. Хэбэй, Китай.
Китайско-подданный.	РАССТРЕЛЯТЬ

- 17. КОГАН Надежда Львовна, 1896г.р. ур. гор.Петропавловска. Гр-ка СССР. РАССТРЕЛЯТЬ
- 18. КОРНИКОВА Вениамина Николаевна, 1898г.р. ур.г.Ленинграда. РАССТРЕЛЯТЬ
- 19. КРЕЙЦЕР Бориса Генриховича, 1906г.р. ур. гор.Винц.Германия. Гр-н СССР. РАССТРЕЛЯТЬ
- 20. КРИУКОВ Николай Павлович, 1899г.р. ур. гор.Нагва.Эстония. Гр-н СССР. РАССТРЕЛЯТЬ
- 21. КУЗНЕЦОВА Ирина Павловна, 1878г.р. ур. Архангельской обл. Ленкурского р-на, дер.Шкулинская. Гр-н СССР. РАССТРЕЛЯТЬ
- 22. ЛАНСКИЕ Адису Мефодьевну, 1908г.р. ур. гор.Варшавы. Гр-ка СССР. РАССТРЕЛЯТЬ
- 23. ЛИ-ДУ-ВАЙ Анну-Белен, 1887г.р. ур. проф.Шандун; Китай. Гр-н СССР. РАССТРЕЛЯТЬ
- 24. ЛИ-ЗИ-КЕН, 1880г.р. ур.г.Бейпин.Китай. Подданный Китая. РАССТРЕЛЯТЬ
- 25. ЛИ-ХУИ, 1892г.р. ур. Корея. Гр-н СССР. РАССТРЕЛЯТЬ
- 26. ЛИ-ЧИ-ХУИ, 1899г.р. ур. Шандунь,Китай. Китайско-подданный. РАССТРЕЛЯТЬ
- 27. ЛИИ-ГУАН-БУ, 1892г.р. ур. проф.Хубей. Китайско-подданный. РАССТРЕЛЯТЬ

- 92. МОКША Дмитрия Арсеньевича, 1915 г.р. ур. Ленинграда. Гр-н СССР. ДЕЛО ДОСЛЕДОВАТЬ
- 93. НЕВСКОГО Николая Львовича, 1903г.р. ур.д.Даврен.Манч-журя. Гр-н СССР. ДЕЛО ДОСЛЕДОВАТЬ
- 94. ОШЕПИНГИН Татьяна Константиновн, 1912г.р. ур. г.Ленинграда. Гр-ка СССР. ДЕЛО ДОСЛЕДОВАТЬ
- 95. САЛМАНОВА Прокофия Федоровича, 1896г.р. ур.с. И-Алексеевски, Воронежского р-на, Кузбашевск. обл. Гр-н СССР. ДЕЛО ДОСЛЕДОВАТЬ
- 96. ТАИЗЕР Александра Копаловича, 1879г.р. ур. г.Вольбруйска.ВССР. Гр-н СССР. ДЕЛО ДОСЛЕДОВАТЬ
- 97. ТУМАНСКОГО Николая Андреевича, 1902 г. р. ур. сл. Петровка. Богучарского р-на, с. Воронежск. губ. Гр-н СССР. ДЕЛО ДОСЛЕДОВАТЬ
- 98. Ц О Е Александра Епимонтьевича, 1898г.р. ур. ДВК, Суифунск.р. с. Корхановка. Гр-н СССР. ДЕЛО ДОСЛЕДОВАТЬ
- 99. ЧЕРВИНСКОГО Михаила Осиповича, 1887г.р. ур. г.Дрисса, с.Вк-тебской губ. Гр-н СССР. ДЕЛО ДОСЛЕДОВАТЬ
- 100. ЧЖАН-Ю-ШАН, он же ЧЖАО-Ю-ТАН, 1899г.р. ур.пров.Гирин.Китай. Китайско-подданный. ДЕЛО ДОСЛЕДОВАТЬ

НАРЕШИТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
 СССР
 (С. С. С. Р.)
 (С. С. С. Р.)

[Handwritten signature]

Комментарии. Вопросы и ответы

Татьяна Полянская,
старший научный сотрудник
Государственного музея истории
ГУЛАГа, кандидат историче-
ских наук

Сергей Прудовский,
исследователь истории «харбин-
ской операции»

Кто такие «харбинцы»?

Большой террор — период наиболее массовых сталинских репрессий в СССР 1937–1938 гг., охвативший все регионы и все без исключения слои общества, от высшего руководства страны до бесконечно далеких от политики крестьян и рабочих.

Значимой частью Большого террора стали так называемые «массовые операции» против «антисоветских элементов» и «национальных контрреволюционных контингентов», или «национальные операции», в результате которых было репрессировано более миллиона человек. Эти операции тщательно планировались и осуществлялись централизованно на основании решений Политбюро под непосредственным руководством И. В. Сталина. В 1937–1938 гг. органами НКВД было проведено более десятка национальных операций против поляков, немцев, румын, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, болгар, македонцев.

Особая операция проводилась против так называемых «харбинцев» — бывших работников Китайско-Восточной железной дороги, вернувшихся в СССР в связи с продажей КВЖД Японии в 1935 г.

20 сентября 1937 г. вышел приказ НКВД СССР № 00593, с приложением сопроводительного письма, подготовленного наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежовым, «о мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев». В сопроводительном письме обосновывалась необходимость репрессий против «харбинцев» и давалась инструкция местным органам НКВД по проведению операции.

Оперативные приказы по «национальным операциям» создали

принципиально новый в практике НКВД процессуальный порядок осуждения. Для рассмотрения дел и вынесения приговоров была создана Комиссия НКВД и Прокурора СССР, так называемая «двойка». В регионах создавались комиссии в составе начальника регионального управления НКВД и местного прокурора (своеобразные региональные «двойки»), которые каждые десять дней составляли списки обвиняемых с кратким изложением сути обвинения, так называемые «альбомы». «Альбомы» отправлялись в Москву, где окончательное решение принималось наркомом внутренних дел СССР и Прокурором СССР или их заместителями. Такой порядок осуждения стал именоваться «альбомным». В репрессивной кампании были также задействованы Особое совещание при НКВД СССР и военные трибуналы.

«Харбинцы» квалифицировались как агента яванской и, реже, китайской разведок.

Карательная операция против «харбинцев» была рассчитана на три месяца: с октября до конца декабря 1937 г. Однако этот срок неоднократно продлевался, и данная операция, наряду с другими репрессивными кампаниями, завершилась в ноябре 1938 г. Совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» объявило о прекращении всех массовых операций.

Достаточно трудно точно определить число людей, арестованных и осужденных в рамках «харбинской операции». В 1956 г., накануне XX съезда КПСС, комиссия по расследованию причин массовых репрессий, работавшая под руководством секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова, представила следующие данные: на 10 сентября

1938 г. судебными органами было рассмотрено 30 938 дел «харбинцев», по которым 19 312 человек осуждены к расстрелу, 10 669 — к другим мерам наказания, передано в суды 251 дело, возвращено на доследование — 706¹.

По данным более поздних исследований, жертвами «харбинской операции» 1937–1938 гг. стали 46 317 человек, из которых 30 992 были приговорены к расстрелу².

Таким образом, число репрессированных по «харбинской линии» значительно превышает количество бывших работников КВЖД (согласно приказу НКВД от 20 сентября 1937 года органами госбезопасности было учтено только 25 000 так называемых «харбинцев»³).

В ходе «харбинской операции» арестовывались также и те, кто поддерживал связь, имел близкое знакомство с эмигрантами из Китая и Японии. Таким человеком оказался и ленинградский художник Борис Крейцер: он жил в одной коммунальной квартире с японскими специалистами, а кроме того, его дядя, известный музыкант Леонид Давидович Крейцер, занимал должность профессора Токийской школы музыки. Этого оказалось достаточно, чтобы Бориса Крейцера обвинили в шпионаже в пользу Японии и включили в «харбинский» список.

Как выносились приговоры по альбому?

Оперативный приказ НКВД № 00593 от 20 сентября 1937 г., положивший начало так называемой «харбинской операции» НКВД, предписывал краевым и областным управлениям НКВД ежедекадно, то есть каждые 10 дней, составлять «альбом» со справками на арестованных «харбинцев» и направлять его на утверждение в НКВД СССР.

Справка на каждого арестованного содержала краткое изложение следственных и агентурных материалов. Справки печатались на листе альбомной ориентации и брошюровались в альбом колленкорового переплета, который также содержал списки арестованных с разбивкой по категориям. Так называемые «альбомы» направлялись в 8-й (Учетно-регистрационный) отдел ГУГБ НКВД СССР, которые руководили старшие майоры государственной безопасности В. Е. Цесарский, а с июня 1938 г. — И. И. Шапиро.

К рассмотрению справок был привлечен ряд начальников отделов (Минаев, Николаев, Журбенко, Федоров, Пассов и др.), которые представляли на них решение: «Р» — расстрел, «10л» — 10 лет ИТЛ, «Доследовать» — дело доследовать, «ВКВС» — дело передать на рассмотрение в Военную коллегию Верховного суда СССР и т. п.

На основании этих решений печатались протоколы, которые без всякой проверки, даже без читки, автоматически

подписывались наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым и Прокурором СССР А. Я. Вышинским или их заместителями (Фриновским и Бельским от НКВД, Рогиным и Леплевским от Прокуратуры).

По данным, полученным в архиве УФСБ России по Омской области, всего Комиссия выпустила 570 харбинских протоколов. В каждом протоколе фигурировало от 1 до 799 арестованных, в среднем — 55 человек.

Копии протоколов направлялись на места с сопроводительным письмом, которым предписывалось немедленное приведение в исполнение приговоров о расстреле.

Оригиналы протоколов, справки о расстреле и уголовные дела первоначально хранились в архиве НКВД/МГБ/КГБ в Москве. Затем в конце 1950-х — начале 1960-х годов архивные уголовные дела осужденных были переданы или в места их создания, или по месту рождения осужденного.

В середине 1960-х годов протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР, а также сопутствующие им документы по всем «альбомным» операциям были перевезены в Омск, где они в настоящее время хранятся в архиве Управления ФСБ России по Омской области.

Что такое Севжелдорлаг?

Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь (Севжелдорлаг) организован 10 мая 1938 г. на территории Коми АССР и Архангельской области. Лагерное управление находилось в поселке Княж-Погост Усть-Вымского района Коми АССР.

Основным направлением производственной деятельности

Севжелдорлага было строительство железной дороги Котлас — Воркута (участка Котлас — Усть-Кожва (728 км) Северо-Печорской железнодорожной магистрали), также проводились строительные работы на участке железной дороги Коноша — Котлас и работы по увеличению пропускной способности участка Вельск — Котлас — Кожва Печорской железной дороги.

В производственную сферу лагеря входило промышленное и гражданское строительство, обслуживание механического завода в Княж-Погосте (с 30.09.1948) и Котласского мостозавода, производство извести на Сырочаевском заводе, изготовление кирпича, лесозаготовки, производство товаров народного потребления.

После завершения строительства Северо-Печорской железной дороги в июле 1950 г. Севжелдорлаг вошел в состав Печорского ИТЛ.

Исследователи приводят следующие данные о численности заключенных Севжелдорлага:

01.10.38 — 25 199 (из них осужденных за контрреволюционные преступления — 13 906, осужденных как СОЭ (социально опасные элементы) и СВЭ (социально вредные элементы) — 3 158 человек),

01.01.39 — 29 405,

01.01.40 — 26 310,

01.01.41 — 84 893,

01.07.41 — 66 926,

01.01.42 — 53 344,

01.01.43 — 29 741 (в том

числе 2 709 женщин, 17 114 осужденных за контрреволюционные преступления),

01.01.44 — 14 757,

01.01.45 — 12 418,

01.01.46 — 13 546,

01.01.47 — 26 599,

01.01.48 — 23 728,

01.01.49 — 29 156,

01.01.50 — 27 686 человек.

1 Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т. 1. М., 2000. С. 322.

2 Аблажей Н. Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 83.

3 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 366.

Наибольшее число заключенных — 84 893 человека — насчитывалось в Севжелдорлаге в январе 1941 г., наименьшее — 12 418 человек — в январе 1945 г.

В 1938 и 1943 гг. более половины заключенных лагеря составляли осужденные за контрреволюционные преступления: 13 906 из 25 199 в 1938 г. и 17 114 из 29 741 в 1943 г.

В военные и послевоенные годы значительную часть занятых в производственной деятельности лагеря составляли немцы, высланные в 1941 г. в Коми АССР и мобилизованные в рабочие колонны. В конце 1942 г. их было 5411 человек¹.

Как расшифровывается ЦБРИЗ?

В структуру ГУЛАГа, наряду со множеством отделов, входило Центральное бюро рационализации и изобретательства (ЦБРИЗ), занимавшееся разработкой и внедрением рационализаторских предложений и изобретений заключенных. Для множества находившихся в заключении специалистов подача в ЦБРИЗ рационализаторских предложений была возможностью улучшить свое положение.

Рацпредложения и изобретения касались самых разных сфер: от строительных работ на железной дороге до производства витаминных препаратов из еловой хвои для лечения распространенной в лагере цинги. В целом по ГУЛАГу в 1947 г. заключенные подали 11 598 рационализаторских предложений, от

реализации которых лагерное производство получило экономию в 48,2 млн руб.²

Во многих крупных лагерях были созданы свои отделы ЦБРИЗ, и Севжелдорлаг не был исключением.

В книге воспоминаний О. Азарова «По тундре, по железной дороге...»³ работе заключенных-изобретателей Севжелдорлага посвящена целая глава с говорящим названием «Лагерные архимеды». Автор рассказывает о том, как в военные и послевоенные годы, в условиях тотального дефицита, благодаря проектам ЦБРИЗ в лагере было создано несколько новых производств (например, зубной пасты из технического мела или писчей бумаги из отходов с местной лесопилки).

В 1942 г. Борис Крейцер подготовил для ЦБРИЗ свои эскизы токарных игрушек. Его проект сочетает в себе простоту технологий и доступные местные материалы, что было особенно важно в годы войны.

1 Источник: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справ. М., 1998. С. 380–381.

2 Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 366.

3 Азаров О. По тундре, по железной дороге... // Покаяние: Матриолог. Т. 2. / Сост. Г. В. Невский. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999.

Производство игрушек в Ракпасском лагерном пункте Севжелдорлага. Фотографии предоставлены отделом истории Национального музея Республики Коми

1 Больше о лагере в поселке Ракпас можно узнать из воспоминаний бывшего заключенного Севжелдорлага, художника Бориса Старчикова: Старчиков Б. А. Мне повезло // Китеж: проза, поэзия, драматургия, воспоминания / Сост. и автор вступ. ст. В. Б. Муравьев. — М.: Возвращение, 2006.

Почему НКВД выпускал игрушки?

Возможно, Борис Крейцер разрабатывал свои эскизы для цеха по производству детских игрушек, расположенного в одном из лагерных пунктов Севжелдорлага — поселке Ракпас Княжпогостского района. Этот лагпункт был одним из так называемых «инвалидных» лагерей, где работали заключенные со слабым здоровьем, занятые на «легких» производствах вроде пошива одежды и обуви, изготовления столярных изделий и т. п.

Ракпасский цех производил детские игрушки по популярной в то время технологии папье-маше. Для работы на этом производстве привлекались профессиональные художники и скульпторы из числа заключенных¹.

Игрушки, изготовленные в «инвалидных» лагерях, создавались не для того, чтобы скрасить жизнь детей из многочисленных детских домов ГУЛАГа. Они были частью плана производства товаров широкого потребления. Лошадки, бегемоты, пингвины, куклы и клоуны, сделанные руками лагерных заключенных, заполняли полки магазинов по всей стране.

Борис Крейцер
Папка с эскизами
токарных игрушек

1942 год

ТОКАРНЫЕ ИГРУШКИ

Все игрушки состоят из одного или нескольких простейших тел вращения. Каждый элемент игрушки вытачивается отдельно (или массовым производством-серийно) на токарном станке. Заготовленные элементы подгоняются, согласно эскизам, пропеваются, шлифуются, склеиваются концы и т. п. Мелкие детали, как напр. буски, пропеллеры и др., вырезаются из фанеры. Монтаж производится на клею. Материал — береза.

ЭСКИЗЫ :

- 1 Пингвин
- 2 Бегемот
- 3 Бурья, цыпленок
- 4 Звезда
- 5 Страус
- 6 Сова
- 7 Муравей
- 8 Утка, утенок
- 9 Жук
- 10 Лист
- 11 Пирамидка
- 12 Самолет
- 13 Котик
- 14 Ванька-встанька
- 15 Биллибики

Конструктор и
художник:
В. КРЕЙЦЕР

2

ГМИГ КП-2754/3

3

ГМИГ КП-2754/4

ГМИГ КП-2754/5

5

ГМИП КИ-2754/6

6

ГМИП КИ-2754/7

7

ГМИП КИ-2754/8

8

ГМИП КИ-2754/9

9

ГМИГ КИ-2754/10

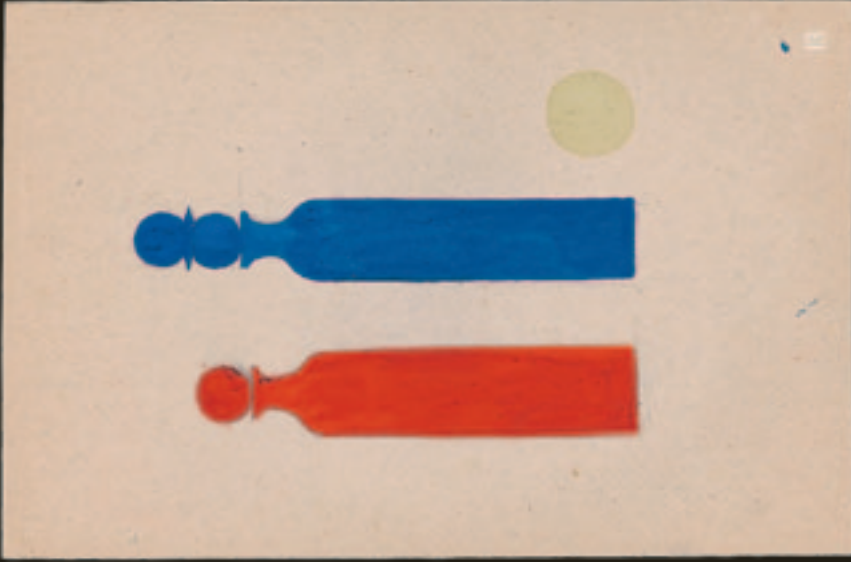

10

ГМИГ КИ-2754/11

ГМИГ КП-2754/12

ГМИГ КП-2754/14

ГМИГ КП-2754/13

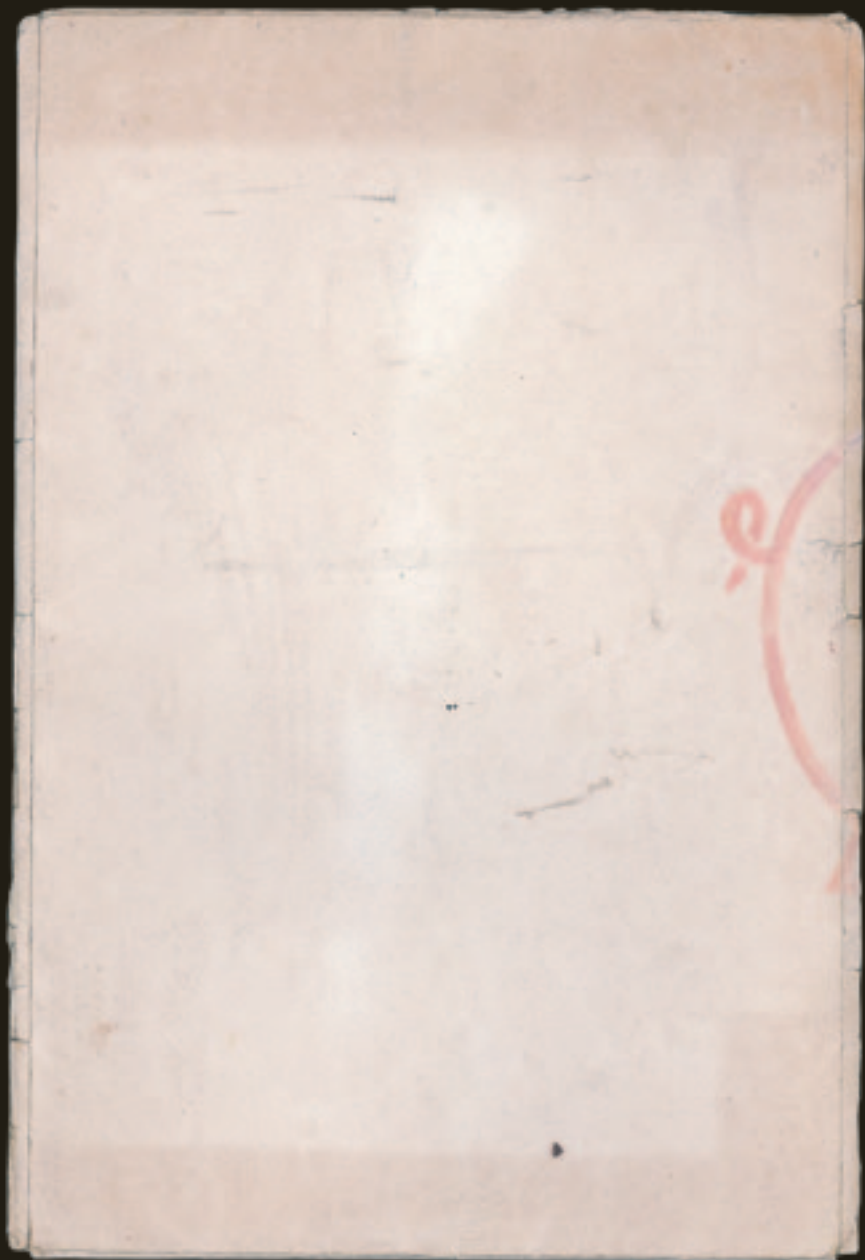
14

ГМИГ КИ-2754/15

15

ГМИГ КИ-2754/16

Проект разработан заключенным Севжелдорлага Борисом Крейцером в 1942 году. Папка содержит 15 бумажных листов размером 31,2 x 20,7 см с выполненными вручную цветными эскизами.

На клапане папки помещен сопроводительный текст к проекту.

Профессионально декорированная надпись «Токарные игрушки» частично переходит с лицевой стороны папки на заднюю сторону и клапан. Этот художественный прием (перетекание рисунков и рукописных текстов с одного элемента издания на другой) Борис Крейцер неоднократно использовал в дизайне своих книг и журнальных обложек.

В верхней части папки помещен логотип ЦБРИЗ, вероятно, также разработанный Борисом Крейцером. ЦБРИЗ (Центральное бюро рационализации и изобретательства) — специализированное инженерное подразделение ГУЛАГа, занимавшееся проработкой и внедрением рационализаторских предложений и изобретений заключенных.

Из дела Бориса Крейцера

Материалы дела № П-22709 представлены центром «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке. Текст печатается по изданию: // Ленинградский мартиролог, 1937–1938. СПб., 2012. Т.12. С. 637–660.

Заявление з/к Крейцера

[Копия: Народному Комиссару НКГБ СССР Меркулову]
[от] з/к Крейцер Бориса Генриховича, 1905 г. рожд.,
осужд[енного] ОСО НКВД СССР по ст. «шп[ионаж]»,
срок — 8 лет, нач[ало] ср[ока] 5.И.1938 г., содержащегося
в Севжелдорлаге, Мостозавод (Архангельская обл., Котлас)

26 июня 1939 г. по протоколу № 23 заседания Особого совещания НКВД СССР мне было определено за шпионаж заключение в исправительно-трудовой лагерь Севжелдорлаг сроком на 8 лет, считая с 5.И.1938 г.

Считаю это постановление ОСО совершенно неправильным, основанным на несоответствующих действительности данных и на искажающих факты материалах, представленных в ОСО лицами, недобросовестно ведшими следствие по моему делу.

Основой моего обвинения является, по видимому, документ, составленный в виде протокола моего допроса и помеченный 8 марта 1938 г.

Я утверждаю, что этот документ, фигурирующий в моем деле в двух экземплярах (написанном от руки и отпечатанном на машинке), не является записью моих показаний.

Я не только никогда не давал таких (записанных якобы от моего имени) ответов, но и записанных в этом протоколе вопросов мне никто никогда не задавал, т. е. весь этот записанный в этом документе диалог (т. е. обмен вопросами и ответами) никогда не имел места в действительности и является целиком вымыслом лиц, ведших следствие по моему делу.

Документ этот был составлен в мое отсутствие и предложен мне к подписи в готовом виде.

Документ этот как лживый я подписать отказался. В дальнейшем меня все же силой заставили его подписать.

Лично мой допрос проводили сотрудники I-го отделения XI-го отдела Управл[ения] НКВД по ЛВО ст. лейтенант Рейнер и лейтенант Вержицкий.

В моем деле имеется протокол моего допроса в конце февраля 1938 г. Это единственный допрос, проведенный Вержицким, а также единственный

протокол, относительно точно записанный в соответствии с моими показаниями.

Последующие допросы проводились ст. лейтенантом Рейнер. Рейнер в первый же день встречи передал мне для прочтения напечатанный на машинке документ. Этот документ был составлен в виде протокола допроса и представлял собой как [бы] ряд вопросов, задаваемых мне следствием, и якобы мои на них ответы. На мой недоуменный вопрос: «Как же так составлен и даже отпечатан протокол никогда не существовавшего в действительности допроса?» Рейнер заявил, что в данном случае [это] не имеет значения, что я должен предстать на суде в качестве обвиняемого по делу японского шпионского центра и он мне [дал] для ознакомления этот документ, чтобы я знал, что я должен говорить на суде.

Из разговора Рейнера с другими сидевшими в комнате лицами я понял, что документ этот должен быть еще как-то дополнен и будет тогда мне предложен к подписи.

В дальнейшем мне еще несколько раз демонстрировали этот же протокол, но каждый раз видоизмененный и каждый раз отпечатанный на машинке. Отличались эти варианты, насколько я помню, главным образом тем, что в них каждый раз фигурировали в качестве якобы моих сообщников разные лица из числа моих знакомых. Фамилии эти были, по-видимому, взяты из моих же показаний (при одном из первых допросов Рейнер просил меня указать, есть ли у меня знакомые, когда-либо бывавшие за границей).

Наконец мне был дан окончательный (как выразился Рейнер) текст протокола, в котором было еще добавлено, что я якобы по происхождению немец и якобы родился в гор. Бинц в Германии.

(Ранее в моих показаниях на вопрос, где я бывал за границей, мною был указан и курорт Бинц на севере Германии, куда меня возили в детстве из России на лето с лечебными целями.)

В действительности я по происхождению еврей, родители мои родились в С.-Петербурге,

а я родился в гор. Грозный в Терской области (ныне — Чечено-Ингушетия).

Рейнер заявил мне, что с этого отпечатанного на машинке экземпляра будет переписан экземпляр от руки, который я и должен буду подписать. Действительно, через некоторое время мне был дан к подписи переписанный с печатного рукописный экземпляр. Когда я дать свою подпись отказался, Рейнер совместно с другими лицами подверг меня избиению, которое продолжалось до тех пор, покуда я протокола не подписал.

(Подтверждением того, что рукописный экземпляр переписан с отпечатанного на машинке экземпляра, может явиться, напр[имер], отсутствие на рукописном экземпляре подписей, которые на отпечатанном экземпляре помечены как существующие на подлиннике.)

Я утверждаю, что этот скрепленный моей подписью протокол в части моей якобы преступной деятельности совершенно не соответствует действительности.

Я никогда ни прямо, ни косвенно шпионской деятельностью не занимался.

Сейчас, спустя более чем 6 лет, трудно вспомнить все детали этого протокола. После моего осуждения, в конце 1939 г. мною было подано Военному Прокурору СССР заявление, в котором перечислялись документы и свидетельства, могущие подтвердить мою невиновность. Это мое заявление, насколько мне известно, приобщено к моему делу.

В этом протоколе, как уже указывалось, искажены даже анкетные данные. Так, в нем указывалось, будто я сын бывшего акционера. Это утверждение ложно. Мой отец жив и по сие время работает в качестве научного работника и никогда акционером не был.

Совершенно не соответствует действительности инкриминируемая мне по этому протоколу совместная преступная деятельность с Шерешевским А., Слонимским Б., Ланской А. и др. лицами.

Совершенно не соответствует действительности мое якобы близкое знакомство с Б. Слонимским,

Председателю Совета Министров СССР
товарищу Сталину, Москва, Знаменская

Крейцер Б. Т.
Средней школы 1905 г. год.
Кременевский край,
Пятичерский округ
с/р. Дубинка.

До 1938 года я работал артистическим в
различных провинциальных театрах Ленингра-
да, а также всемерно и педагогическую
работу. Но мои проекты появились ред-
чайшим манером и фальшивых знаний. Лишь
изданные напечатанные труды по вопросам профес-
сионализма.

5-го февраля 1938 года органами УНКВД по
Лен. обл. я был арестован и заключен в
местонахождение Особого Совета НКВД СССР
заключен в Царскосиневский-Трудовой лагерь
«Севлакторлаг» по ст. «из» сроком на 3 лет.

Я твердо убежден, что это постановление
Особого Совета и обвинение мое в каком-
то тяжком преступлении как и мое дело. Я
не могу объяснить того, что Особый Совет
было введено в заблуждение и что я
просто-напросто правдивым следствием по мо-
ему делу и в соответствии с следствием
дело и живым материалом является
каждый человек. Я был наказан двой-
ным образом, как напечатан, как и
мне же и моему, как и моему, как и
радиацией и т.д. Так в деле предсказано
будет и по национальному ст. моему, радиация
будет и в Германии, что мой ст. моему
запрещено выехать из России и т.д., что
и в моей стране не существует, как и
нашим. Но национализм и ст. моему, а и
радиация в гор. Урал, на Кавказе. Радиация и
ведь радиация в Петербурге. Это дело
делается и т.д. Радиация и т.д.

Страница из письма Бориса
Крейцера И. В. Сталину.
Начало 1950-х годов

который никогда у меня не бывал и с которым я был знаком лишь постольку, поскольку он жил в одной квартире со своей сестрой, женой моего товарища по работе арх[итектора] Б. И. Пятунина.

Также не соответствует действительности указание на мою работу на Балтийском судостроительном заводе. Я никогда на этом заводе не был и никаких там работ не вел.

Фигурирующие в деле показания Б. Слонимского и А. Ланской не соответствуют действительности, и лживость этих показаний легко могла бы быть установлена объективным следствием.

В конце 1938 года мне был вынесен заочный приговор, включающий и конфискацию всего лично мне принадлежащего имущества, каковая и была совершена в сентябре 1938 г.

Так как приговор мне объявлен не был, то официально мне его содержание неизвестно.

(В дальнейшем, при производстве доследования в 1939 г., мне было заявлено, что я тогда был осужден к высшей мере наказания.)

Приговор 1938 г. не был приведен в исполнение ввиду расхождения в анкетных данных: осужден был Крейцер, родившийся в гор. Бинц, а по тюремной карточке я значился (в соответствии с действительностью) как родившийся в гор. Грозном. По-видимому, для того, чтобы приговор все же мог вступить в силу, сотрудником XI-го отдела С. И. Михалёвым в моем присутствии, а также в присутствии зам. нач. тюрьмы № 3 (на Нижегородской ул.), где [я] тогда содержался, был составлен акт моего опознания, устанавливающий идентичность лица, содержащегося в тюрьме и проходящего по делу.

По-видимому, все же весь обвинительный материал моего дела оказался настолько опороченным, что приговор был отменен и дело мое было направлено на доследование.

Доследование осуществлялось лейтенантом Политур.

Но и при доследовании я все же не мог добиться того, чтобы протокол записывался точно с моих слов.

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

КРЕЙЦЕР Бориса ГЕНРИХОВИЧА
архитектора
1905 г. еврей, урож. гор.
Грозный /С. Терская обл./
осыпно-поселенец
Красноярский край, Таймыр-
ский округ, гор. Дудинка
Колыванск. уез. 7-а

ЗАЯВЛЕНИЕ

В 1938 г. тройкой НКВД по Ленинградской обл. я был вклучен осужден к ВМН /расстрелу/ с конфискацией имущества за "агитацию".

Расстрел по приговору тройки НКВД не был приведен в исполнение так как преступники / капитан Мигберг, ст. лейтенанты Рейнер и Вержбицкий / перестарались: во время следствия они ~~нашли~~ в результате изучения, составили Подписку лжамов, или же очный лист, документ, в котором говорилось, что я, якобы, по происхождению немец, родился в Германии в гор. Бинд и что мой отец, в прошлом, фабрикант / акционер / эмигрировавший в Россию из Германии.

В действительности:

Я - еврей и родился в гор. Грозный / Терская обл. Кавказ /

Отец мой - Г.Д.КРЕЙЦЕР, профессор, известный своими многочисленными научными трудами в области дождевотв, агитации и пекон, всю свою жизнь / отец скончался в прошлом году /, проживший на свой трудовой доход, а под старость на персональной пенсии. Моя мать, также как и мать, родилась в С-Петербурге / а также и мой дед. Отец мой никогда не владел никакими предприятиями, никогда не был акционером и никогда не был германским подданным.

Приговор о моем расстреле не мог быть приведен в исполнение так как приговорен был Крейцер, немец, уроженец гор Бинд в Германии, сын немецкого фабриканта т.-е. человек которого в природе не существовало.

В тюрьме Б 3 в Ленинграде такового не было. Там содержался в камере Б 30 Крейцер Б.Г. еврей, ур. гор. Грозный.

Чтобы "исправить" эту "ошибку" в тюрьму БЗ, был направлен их сотрудник Николай Сергей Иванович присутствовавший прежде на некоторых моих допросах.

Я был выведен из камеры Б 30, в которой я содержался, в кабинет зам. зам. НКВД, где С. Михалев, в присутствии начальника следственного УТБ НКВД по ДОН зам. нам. тюрьмы БЗ составил акт моего опознания.

В акте опознания говорилось, что вало-то числа, составлен настоящий акт в том, что содержался в тюрьме БЗ в камере Б 30 Крейцер Б.Г. еврей, урож. гор. Грозный и приговоренный по делу Б.. Крейцер Б.Г. написанный в приговоре как немец урож. гор. Бинд в Германии, несмотря на разницу в месте рождения и национальности, в действительности представлял собой одно и тоже лицо и, что, таким образом, Крейцер Б.Г. содержался в тюрьме БЗ и является осужденным.

Заявление Бориса Крейцера
о пересмотре дела. 1954 год

Прошу Вас учесть все вышенаписанное, дело мое пересмотреть в мою пользу и меня из-под стражи освободить.

Крейцер. 17.XI.44 г.

Процесс реабилитации

Протокол допроса

Гор. Ленинград, 20 июля 1955 г.

Я, ст. следователь след. отдела УКГБ ЛО — капитан Меньшаков допросил свидетеля Крейцера Бориса Генриховича.

ВОПРОС: Расскажите об обстоятельствах составления протокола от 8 марта 1938 года, который, как Вы утверждаете, был составлен 28 февраля 1938 года.

ОТВЕТ: После ареста, примерно в середине февраля 1938 года, я был вызван в кабинет к сотруднику Мигберту, который вместе с другим сотрудником Рейнером (их фамилии я узнал из их обращения друг к другу) объявили мне, что я арестован как участник японо-немецкого шпионско-диверсионного центра, созданного среди ленинградской интеллигенции. При этом они мне заявили, что мое заперательство бесполезно, так как они располагают достаточными материалами, изобличающими меня во враждебной деятельности. Затем они мне предъявили протокол допроса, отпечатанный на машинке и составленный от моего имени.

Я прочитал протокол допроса, в нем говорилось о том, что я завербован в шпионско-диверсионный центр и веду враждебную деятельность. Ознакомившись с протоколом, я заявил, что в нем нет ни одного слова правды. В ответ на это Мигбергт с угрозой сказал, что я напрасно пытаюсь сопротивляться и мне все равно придется подписать этот протокол в процессе дальнейшего следствия.

Затем меня отпустили в камеру.

27 февраля 1938 года меня вызвал на допрос сотрудник Вержбицкий, который вел запись в протоколе согласно моих слов, но кричал на меня

и требовал, чтобы я рассказал о своей враждебной деятельности, о чем я ничего показать не мог, так как никаких преступлений не совершал.

Когда Вержбицкий окончил составление протокола, я ознакомился с ним и подписал его, так как содержание протокола соответствовало действительности.

После окончания допроса меня в камеру не отпустили, а продолжали вести допрос. В нем кроме Вержбицкого принимал участие Рейнер.

Вержбицкий во время этого допроса предложил мне написать собственноручные показания о шпионской деятельности, но я заявил, что мне об этом писать нечего. Тогда он приказал мне встать и продержал стоя до утра или дня 28 февраля. Когда я стоял, то Вержбицкий спрашивал меня о моих знакомых, записанных в записной книжке, изъятой у меня, и о соседях по квартире Ланской, Икеда и Накамура. В записной книжке он нашел фамилию Слонимского, о котором я рассказал, что он приехал из Америки.

При этих расспросах Рейнера не было, он сменил Вержбицкого утром или днем 28 февраля.

Когда пришел Рейнер, то он мне предъявил постановление, в котором говорилось о том, что я являюсь японским шпионом.

Предъявленное мне постановление я подписал, так как в нем говорилось, что я должен быть с ним ознакомлен.

Затем Рейнер дал мне для ознакомления напечатанный протокол допроса, в котором говорилось о том, что меня завербовал японец Икеда, а я, в свою очередь, завербовал француженку Гельбо и еще кого-то. После моего ознакомления с протоколом Рейнер предложил мне его подписать, но я отказался.

В это же время появился Вержбицкий, который по поводу протокола имел какую-то беседу с Рейнером. После этой беседы Рейнер на меня стал кричать, обвиняя в том, что я обманываю следствие и скрываю свои настоящие шпионские связи. Затем Рейнер ушел и унес протокол допроса. Через какое-то время он вернулся и дал мне снова прочитать напечатанный

протокол допроса, в котором говорилось, что я завербовал не Гельбо, а Слонимского и что я имел преступные связи после моей вербовки Икеда с Накамура, Ланской, Шершевским и Блюмом, то есть это был тот протокол, который в настоящее время находится в моем деле. После ознакомления с этим протоколом Рейнер снова предложил мне его подписать, но я отказался. Отобрав от меня протокол, Рейнер передал его Вержбицкому и приказал ему написать протокол от руки. Когда Вержбицкий это сделал и передал протокол Рейнеру, тот сам ушел, и я его больше не видел. После ухода Вержбицкого Рейнер вновь предложил мне подписать протокол, но уже не напечатанный, а составленный от руки Вержбицким, при этом он сказал, что если я желаю, то перед подписанием протокола могу получить еду. Я отказался и от еды, и от подписания протокола. Это было поздно вечером 28 февраля.

После моего отказа от подписания протокола Рейнер стал меня всячески обзывать, грозить кулаками и бить по щекам ладонями. В это же время в кабинет вошли два неизвестных мне сотрудника, которые вместе с Рейнером стали требовать, чтобы я подписал протокол. Когда я отказался, они стали бить меня кулаками по бокам, а затем повалили на пол и продолжили избивание ногами. Будучи доведен до ужасного состояния, я согласился подписать протокол и подписал его, в котором не было ни слова правды и даже место рождения было указано не город Грозный, а город Бинц. Подписывал я тот протокол, который был написан рукой Вержбицкого. Подписывая протокол, я надеялся восстановить истину в суде.

После этого допроса меня больше на допросы не вызывали. Затем я был отправлен в тюрьму № 3, из которой меня хотели куда-то отправить, но найдя разницу в моих словах и документах о моем месте рождения и национальности, мое отправление отставили и впоследствии возвратили в тюрьму «Кресты», где следователь Политур вел следствие по моему делу.

ВОПРОС: Как Вы познакомились с Икеда?

ОТВЕТ: Моя сестра Крейцер Екатерина училась в Институте восточных языков, и когда

она по окончании института выехала в Москву в 1925 году, то институт по причинам, которые я не помню, поселил в комнате сестры японца Икеда Хисао, работавшего преподавателем в этом Институте. С ним я виделся редко и то как с жильцом в квартире. Знакомства, о котором указано в протоколе 1938 года, я с ним не имел, и вообще между нами никаких отношений близкого характера не было.

ВОПРОС: Как появились в Вашей квартире Накамура с Ланской?

ОТВЕТ: Их также поселил Институт после выезда Икеда. С ними я имел отношения лишь как с жильцами. Я слышал от кого-то, что Накамура работает в Институте восточных языков, большего же я ни о нем, ни о Ланской не знал.

ВОПРОС: Что Вы еще можете показать по существу показаний, подписанных Вами 28 февраля 1938 года?

ОТВЕТ: Кроме того, что я показал выше, я могу показать, что я никогда никаких шпионских сведений не собирал и диверсионных актов не готовил. В протоколе допроса было указано, например, что я бывал на Балтийском судостроительном заводе, собирал на нем шпионские сведения и готовил диверсионный акт. Я никогда на Балтийском заводе не бывал и диверсионного акта совершить на нем поэтому не мог, так же как и собирать шпионские сведения о нем указанным в протоколе методом.

Со Слонимским я был знаком, но поверхностно, как с родственником моего сослуживца Пятунина. С ним я познакомился на квартире последнего и видел его всего несколько раз, когда был сам Пятунин или его родственники. Почти никаких бесед я со Слонимским не имел и даже не знал, где он работает. Почему он мною был записан в записную книжку — я не помню.

Слонимского я никогда не вербовал и никаких сведений я от него не получал. В моей квартире он никогда не бывал.

С Шершевским я был знаком как с родственником, а с Блюмом как с польским архитектором, которого знакомил со строительством в Ленинграде,

по указанию ВОЖСа или Ленинградского филиала Союза архитекторов. С Блюмом я виделся всего около двух дней и при этом все время присутствовал Мейсель, секретарь филиала союза или другие лица.

С Шершевским я встречался у себя дома, он посещал моих родителей. С Шершевским я имел 4–5 встреч, но все они происходили в присутствии моих родственников или знакомых, которых я в настоящее время не помню.

Каких-либо данных я им не передавал, и они их от меня никогда не требовали. По какой причине был арестован Шершевский — мне неизвестно. Об его аресте мне было известно со слов отца, который отказался делать ему передачи.

Так же как и им, я никаких сведений Икеда и Накамура не передавал и никаких сведений от Ланской не получал.

Все записанное в протоколе, подписанном мною 28 февраля 1938 года, является вымыслом, созданным Рейнером, который не имеет никакой реальной почвы под собой.

ВОПРОС: Вам проводились очные ставки с Ланской и Слонимским?

ОТВЕТ: Нет, не проводились, хотя я и просил следователя Политура, чтобы мне дали очные ставки с ними. Впоследствии, ознакомившись с делом, я видел документ, в котором говорилось о том, что они были осуждены к расстрелу.

ВОПРОС: Что Вы можете показать о показаниях свидетелей, допрошенных по Вашему делу?

ОТВЕТ: В отношении показаний Ланской и Слонимского я могу сказать, что они являются ложью, которая была построена на показаниях, составленных Рейнером и подписанных мною. Их показания ни в какой мере не соответствуют действительности, так как я с ними никаких связей не имел и от них никаких данных не получал.

Почему они оговорили себя и меня — я сказать затрудняюсь.

Свидетель Гершун, мой дальний родственник, оговорил меня в силу ревности, так как мы оба

ухаживали за некой Стракач. В дальнейшем, как мне было известно от моей матери, он писал заявление, в котором указывал, что его показания обо мне являются ложными. Это заявление он подал в УНКВД ЛО, и какова была дальнейшая судьба заявления — мне неизвестно. Сам Гершун умер в 1953 или 1954 году.

Другие свидетели, которые заявляли, что я являюсь антисоветским человеком, никаких доводов об этом не приводили, и поэтому их заявления я не считаю серьезными. Подобные показания дали мои соседи по квартире, которые, вероятно, хотели очернить меня, но почему — мне неизвестно.

Где они находятся в настоящее время — я не знаю.

Свидетель Рославлев (умер в 1950–1951 году) показывал, что я критически относился к нашей строительной технике и строительным материалам. Это было в действительности. Я говорил, что нам в стране, где ведется большое строительство, необходимо применять новые виды материалов — крупные блоки и в соответствии с этим менять строительную технику.

Некоторые товарищи относились к моим заявлениям критически, и поэтому Рославлев показал об этом на допросе, как о том, что я охаиваю советское строительство. Других пояснений я не имею к показаниям свидетелей.

Протокол допроса

Гор. Ленинград, 1955 г. ноября мес. 30 дня.
Я, ст. следователь след. отдела УКГБ ЛО — капитан Меньшаков допросил в качестве свидетеля Рейнера Абрама Ароновича.

ВОПРОС: Где и кем Вы работали в марте 1938 года?

ОТВЕТ: В марте 1938 года я работал начальником 1-го или 3-го отделения XI отдела УНКВД ЛО.

ВОПРОС: Что входило в Ваши обязанности?

ОТВЕТ: В мои обязанности в указанный период входило руководить отделением, которое

оперативными методами обслуживало морские научно-исследовательские и учебные заведения, а также вело следствие по лицам, арестованным на этих объектах.

ВОПРОС: Сотрудников Михалёва, Меклера и Мигберта Вы помните?

ОТВЕТ: Сотрудник Михалёв был моим подчиненным. Меклер также был непродолжительное время в моем подчинении, а затем его перевели в другое отделение.

Мигберт был начальником отдела и руководил всей работой отдела. Где находятся перечисленные выше лица в настоящее время, мне неизвестно.

ВОПРОС: Сотрудника Вержбицкого Вы помните?

ОТВЕТ: Вержбицкий тоже был моим подчиненным, где он находится в настоящее время я не знаю.

ВОПРОС: В одном из документов, имеющих в распоряжении следствия и датированным 4 февраля 1938 года, записано: «Согласен: начальник I отделения XI отдела Меклер». Эта запись соответствует действительности?

ОТВЕТ: Я не могу дать точного ответа на поставленный мне вопрос. В порядке же пояснения я могу рассказать следующее.

В начале 1938 года XI отдел еще только формировался, и поэтому в его деятельности были некоторые неполадки. Так, я хорошо помню, что руководство управления НКВД ЛО на должность начальника отделения выдвигало меня, а Мигберт пытался назначить на эту должность Меклера. В связи с этим я могу лишь предположить, что подпись Меклера вместо моей могла оказаться под документом в силу тех неурядиц, которые имели место, и предпочтения к нему со стороны Мигберта.

ВОПРОС: Вы сами вели следствие по делам?

ОТВЕТ: Да, я лично проводил следствие по делам, но до указанного выше периода времени. /подпись/

ВОПРОС: Вы помните дело по обвинению Крейцера Бориса Генриховича, являвшегося архитектором «Роскинопроекта»?

ОТВЕТ: Нет, дела по обвинению Крейцера я не помню, так же как и самого обвиняемого.

ВОПРОС: Вам предъявляется протокол допроса Крейцера Борис Генриховича от 8 марта 1938 года, под которым стоит подпись начальника I отделения XI отдела УНКВД ЛО — лейтенанта Рейнера. Что Вы можете сказать в отношении этой подписи и лица, составившего протокол допроса?

ОТВЕТ: Ознакомившись с предъявленным мне протоколом допроса Крейцера от 8 марта 1938 года, я подтверждаю, что его протокол допроса подписан мною. Кем он был составлен — я не знаю, но протокол написан не мною.

Над моей подписью я вижу, что в протокол допроса вписан как участник допроса Крейцера Мигберт, но его подпись под протоколом отсутствует. Почему Мигберт не подписал протокола — я не знаю.

ВОПРОС: Вам предъявляется протокол допроса Крейцера от 27 февраля 1938 года, составленный оперативным уполномоченным Вержбицким. Ознакомившись с этим протоколом допроса, Вы можете что-либо сказать о протоколе Крейцера от 8 марта 1938 года?

ОТВЕТ: Ознакомившись с протоколом допроса, составленным Вержбицким, точнее, не с содержанием протокола, а с почерком, которым он написан, я хочу высказать свое мнение, что, как мне кажется, протокол допроса Крейцера от 8 марта 1938 года составлен рукой Вержбицкого, так как почерка в том и другом протоколах допроса очень похожи. Но почему в таком случае Вержбицкий не подписал протокола допроса Крейцера от 8 марта 1938 года, я объяснить не могу, потому что не помню обстоятельств допроса Крейцера. /подпись/

ВОПРОС: Возможно, теперь Вы припомнили, что допрашивали Крейцера?

ОТВЕТ: Я не помню ни дела Крейцера, ни его самого. Но по существу моего участия в допросе Крейцера я могу сказать, что я, вероятно, заходил в момент его допроса и помогал допрашивать, а потому допрашивавший Крейцера включил меня в допрос как участника его допроса.

ВОПРОС: Под протоколом допроса Крейцера от 8 марта 1938 года и под копией этого протокола стоят

Ваши подписи, подтверждающие, что Вы являетесь ответственным за содержание этого протокола. Вы согласны с этим?

ОТВЕТ: Да, я согласен с тем, что, подписав протокол допроса Крейцера от 8 марта 1938 года и копию этого протокола, подтвердил тем самым правильность составленного протокола допроса Крейцера от 8 марта 1938 года, а также взял на себя ответственность за объективность его содержания. /подпись/

ВОПРОС: В копии протокола допроса Крейцера от 8 марта 1938 года, заверенной Вами, записаны установочные данные Крейцера, которых в подлиннике нет, и, более того, в этих установочных данных указано, что Крейцер Борис Генрихович является уроженцем города Бинца (Германия), когда в других материалах дела он значится уроженцем города Грозного. В силу каких причин Вами допущена фальсификация материалов дела?

ОТВЕТ: Я не могу объяснить причин этой ошибки, а также как она появилась. Во всяком случае, я ее не заметил, а поэтому заверил копию протокола допроса, но если бы я ее заметил, то обязательно исправил. /подпись/

ВОПРОС: Почему на допросе 8 марта 1938 года Вы ставили Крейцеру вопрос: «...Напоминаем, что Вам не удастся ничего скрыть. Почему Вы на протяжении всего допроса скрываете свою связь с японцами?» В то же время из протокола допроса от 27 февраля 1938 года видно, что Крейцер уже на этом допросе показывал о своих связях с японцами.

ОТВЕТ: С момента допроса Крейцера прошло 17 лет, и мне трудно объяснить, какие обстоятельства заставляли ставить ему такой вопрос при наличии его показаний об имевшейся у него связи с японцами.

При этом я хочу дополнить, что я не помню — я или кто иной ставил Крейцеру такой вопрос. /подпись/

ВОПРОС: На каком основании на том же допросе Вы заявляли Крейцеру: «Нам точно известно, что Вы до последних дней поддерживали контрреволюционную связь с Японией. Предлагаем дать правдивые показания».

ОТВЕТ: Такое заявление со стороны следствия Крейцеру могло быть сделано на основании имевшихся оперативных и следственных материалов. /подпись/

ВОПРОС: Вам предъявляется архивное дело № 499, в котором сосредоточены оперативные материалы на Крейцера Бориса Генриховича. Есть ли в этих материалах данные, которые могут служить основанием подозревать Крейцера в контрреволюционной связи с Японией?

ОТВЕТ: Я ознакомился с предъявленными мне материалами дела № 499 с 1 листа по лист 47 включительно. Из материалов дела, с которыми я ознакомился, видно, что Крейцер имел обширные связи среди иностранцев, в том числе и среди японцев, но о его контрреволюционной связи с иностранцами данных нет. Однако я считаю, что даже лишь наличие связи с иностранцами давало основание подозревать, что эта связь является контрреволюционной, и ставить Крейцеру прямой вопрос с требованием от него признания этой связи, чтобы разоблачить его. /подпись/

ВОПРОС: Из материалов предъявленного Вам дела не видно, что Крейцер имел контрреволюционную связь с Японией, а поэтому следует считать, что Ваше заявление Крейцеру о наличии у следствия данных об этом является ложным. Вы согласны с этим?

ОТВЕТ: Нет, не согласен. Руководствуясь указаниями начальников о борьбе с врагами в то время, наличие связи у Крейцера с иностранцами убеждало меня в том, что он имел контрреволюционную связь, а поэтому я и считал возможным ставить ему прямой вопрос с целью его разоблачения. При этом я еще раз повторяю, что я не помню, кто ставил ему такой вопрос, я или кто другой, участвовавший в его допросе. /подпись/.

ВОПРОС: На указанный выше вопрос Крейцер дал признательные показания и в дальнейшем рассказал о своей шпионской деятельности в пользу Японии. Вы подвергли проверке его показания?

ОТВЕТ: Я не помню, проверялись ли показания Крейцера.

ВОПРОС: С Вашей стороны к Крейцеру применялись незаконные методы следствия?

ОТВЕТ: Ни к Крейцеру, ни к другим арестованным я никогда противозаконных методов следствия не применял.

Протокол допроса

Гор. Ленинград, 3 декабря 1955 г.

Я, ст. следователь след. отдела УКГБ ЛО — капитан Меньшаков допросил свидетеля Крейцера Бориса Генриховича.

ВОПРОС: Как долго жил в Вашей квартире Икеда Хисао?

ОТВЕТ: Я помню, что Икеда поселился в нашей квартире в 1925 году и жил у нас несколько лет, но сколько лет он жил и когда выехал, я этого не помню.

ВОПРОС: Сколько времени в Вашей квартире проживал Накамура Хиде?

ОТВЕТ: Он жил в нашей квартире несколько месяцев, но не больше года, примерно в 1929 или 1930 году.

ВОПРОС: Когда Вы познакомились со Слонимским Борисом Георгиевичем?

ОТВЕТ: Со Слонимским Борисом Георгиевичем я познакомился в 1933–34 годах, когда стал посещать Пятунина Бориса Ивановича, который проживал в квартире Слонимских как муж сестры Слонимского — Пятуниной Феодосии Григорьевны.

До 1933–34 года я в квартире Слонимских не бывал и их семьи совершенно не знал. Мое знакомство с ними состоялось по общности работ, проводимых мною совместно с Пятуниным в квартире Слонимских.

ВОПРОС: Слонимский бывал у Вас на квартире?

ОТВЕТ: Со Слонимским Борисом я встречался лишь при посещении их квартиры, и то эти встречи были всегда случайными и при этом очень редкими.

В других местах, в том числе и в моей квартире, я с ним встреч не имел.

ВОПРОС: Расскажите, что Вам известно о польском архитекторе Блюме.

ОТВЕТ: Польский архитектор Блюм (имени и отчества не знаю) совместно с двумя другими польскими архитекторами Сигалиным и Любеткиным в 1932–1933 годах разрабатывал конкурсный проект Дворца Советов. Конкурс был объявлен Советским правительством. За разработанный ими проект они были награждены поощрительной премией и в 1935 или 1936 году на полученные ими деньги приехали в СССР в качестве туристов. При посещении ими Ленинграда я встречался с Блюмом и Сигалиным и в присутствии других архитекторов имел с ними беседы по вопросам строительства.

Встреч один на один с Блюмом я не имел и других бесед с ними не вел. В послевоенный период я об архитекторе Блюме ничего не слышал, где он и что с ним, мне неизвестно.

Архитекторов Сигалиных в Польше три — Юзеф, Грегорж и Роберт, один из которых — Юзеф является главным архитектором Варшавы.

Кто из них был в СССР в 1935 или 1936 году, я не знаю.

О судьбе Любеткина мне также ничего неизвестно. И, как я припоминаю, он в СССР не приезжал, а приезжали только Блюм и Сигалин.

В отношении судьбы Блюма я могу лишь высказать предположение, что он был уничтожен немцами в период войны, так как он по национальности являлся евреем.

Протокол допроса

Гор. Ленинград. 17 декабря 1955 г.

Я, ст. следователь след. отдела УКГБ ЛО — капитан Меньшаков допросил свидетеля Крейцера Бориса Генриховича.

ВОПРОС: Какие следственные действия проводились по Вашему делу после допроса Вас Рейнером?

ОТВЕТ: После допроса меня Рейнером я несколько дней никуда не вызывался, а затем меня вызвал он же и сообщил, что следствие по моему делу закончено и оно будет направлено на рассмотрение в Военный трибунал. Это было примерно в марте или апреле 1938 года, после чего в первых числах мая 1938 года меня перевезли в тюрьму, которую называют «Кресты». В этой тюрьме я пробыл до сентября 1938 года. За это время меня никто не вызывал и не допрашивал.

В средних числах сентября того же года меня перевели в тюрьму № 3, находящуюся на Нижегородской улице.

В тот же день, в который меня привезли в тюрьму № 3, я около двух часов ночи был вызван и поставлен в коридоре, где находилось много других неизвестных мне лиц, преимущественно дальневосточных национальностей.

Все эти лица, а также и я, стояли попарно. Когда все были выстроены, то от нас отобрали личные вещи, которые свалили в одну кучу. Затем какой-то сотрудник из обслуживающего персонала тюрьмы связал мне веревкой за спиной руки, после чего другой, спрашивавший биографические данные у стоявших в коридоре заключенных, подошел ко мне и стал спрашивать мои фамилию, имя, отчество, год рождения, место рождения, национальность и другие данные.

Когда при этом опросе я заявил, что я уроженец города Грозного, то спрашивавший несколько раз переспросил меня о моем месте рождения. После этого мне развязали руки и отвели в кабинет к начальнику тюрьмы (это я определил по надписи на двери). Начальник тюрьмы снова переспросил меня о моем месте рождения, на что я ответил, что я являюсь уроженцем города Грозного. Получив этот ответ, начальник тюрьмы мне заявил, что не являюсь ли я уроженцем города Бинца, находящегося в Германии. Я на это ответил отрицательно. Затем меня отвели в камеру 39, где я содержался длительное время и меня никуда не вызывали. Возможно, в октябре 1938 года меня вызвали в какой-то кабинет, где в присутствии сотрудника НКВД Михалёва Сергея

Ивановича произвели мое опознание и составили протокол, в котором было записано, что я являюсь Крейцером Борисом Генриховичем, уроженцем города Грозного, а не Бинца. Оpoznавал меня, вероятно, Михалёв, так как он видел меня в здании УНКВД ЛО, когда там еще вели следствие по моему делу.

В ноябре 1938 года меня вместе с другими арестованными перевезли в «Кресты», где вскоре я был вызван на допрос сотрудником Политуром, который мне объявил, что по моему делу будет производиться следствие.

На первом же допросе я заявил, что от ранее данных мною показаний я отказываюсь, так как они не соответствуют действительности и были мною подписаны в силу применения ко мне мер физического воздействия. Но Политур последнее мое заявление во внимание не принял и записал, что я подписал протокол из-за страха, что ко мне применят репрессии.

На этом и на следующем допросе он предъявил мне показания ряда свидетелей, которых я не подтвердил.

Затем, кажется в феврале 1939 года, Политур мне объявил, что следствие по моему делу закончено, и после этого меня больше не допрашивали.

В августе 1939 года мне было объявлено, что Особым совещанием я осужден к 8 годам лишения свободы.

ВОПРОС: Какие дополнения Вы имеете к своим показаниям?

ОТВЕТ: Дополнений к показаниям я не имею.

Протокол допроса

Гор. Ленинград, 17 декабря 1955 г.

Я, ст. следователь след. отдела УКГБ ЛО — капитан Меньшаков допросил свидетеля Рейнера Абрама Ароновича.

ВОПРОС: На предыдущем допросе Вы заявили, что не заметили ошибки в установочных данных

Крейцера, записанных в копии его протокола допроса, а поэтому и подписали последнюю. Вам предъявляется архивно-наблюдательное дело № 160270, в котором находятся составленные Вами документы в отношении Крейцера с теми же извращениями в его биографических данных. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ОТВЕТ: Я ознакомился с предъявленным мне архивно-наблюдательным делом № 160270, в котором находятся обвинительное заключение и справки для Комиссии НКВД по делу Крейцера, Слонимского и Ланской.

Я подтверждаю, что эти документы составлены мною и что в них неправильно записано место рождения Крейцера. Как появилась эта грубая ошибка в документах — я объяснить затрудняюсь. Во всяком случае, она появилась без умысла.

ВОПРОС: В процессе проверки материалов дела установлено, что показания Крейцера, составленные Вами 8 марта 1938 года, не соответствуют действительности. Так, в протоколе указано, что Икеда жил в квартире Крейцеров только в 1925–26 годах, когда в действительности он жил с 1925 года по 1929 год. Далее Вы писали, что Накамура у тех же Крейцеров жил с 1926 года по 1932 год, а нами установлено, что он жил у них всего несколько месяцев только в 1930 году. Что Вы можете сказать по поводу этих документов?

ОТВЕТ: В связи с упрощенными методами ведения следствия в тот период времени, что делалось согласно указаниям руководства, показания Крейцера проверке не подвергались, а поэтому его собственные показания, не соответствующие действительности, и не получили уточнений в процессе допросов, которые бы могли иметь серьезное значение в выяснении обстоятельств его преступной деятельности.

ВОПРОС: Из добытых в процессе проверки материалов видно, что Слонимский и Ланская были арестованы на основании показаний Крейцера. Почему Вы испрашивали разрешения на их арест без проверки показаний Крейцера?

ОТВЕТ: Это мною было сделано на основании указаний Мигберта и, возможно, его заместителя Утикаса, которые не требовали проверки показаний арестованных и считали, что непроверенных показаний последних достаточно для ареста других, названных ими, лиц.

Протокол очной ставки

Я, ст. следователь след. отдела УКГБ ЛО — капитан Меньшаков провел очную ставку между свидетелями Крейцером Борисом Генриховичем и Рейнером Абрамом Ароновичем.

ВОПРОС РЕЙНЕРУ: Вы знаете сидящего перед Вами гражданина?

ОТВЕТ: Нет, сидящего передо мной гражданина я не знаю. Рейнер.

ВОПРОС КРЕЙЦЕРУ: Вы знаете находящегося перед Вами гражданина?

ОТВЕТ: Да, узнаю. Это Рейнер, который в 1938 году вел следствие по моему делу. Он допрашивал меня в 822 или 828 кабинете УНКВД Ленинградской области. Личных счетов с Рейнером я не имею. Крейцер.

ВОПРОС РЕЙНЕРУ: Теперь Вы не припомнили, кто находится перед Вами?

ОТВЕТ: Я подтверждаю, что я работал в 822 или 828 кабинете УНКВД ЛО в 1938 году и допрашивал в одном из этих кабинетов арестованных. Я припоминаю, что сидящего передо мной гражданина мне приходилось допрашивать в 1938 году, но его фамилии я в настоящее время не помню. С этим гражданином я никакой связи в личной жизни не имел и поэтому личных счетов к нему не имею. Рейнер.

ВОПРОС КРЕЙЦЕРУ: Назовите свою фамилию.

ОТВЕТ: Я, Крейцер Борис Генрихович. Крейцер.

ВОПРОС КРЕЙЦЕРУ: Расскажите, каким образом Рейнер вел следствие по Вашему делу.

ОТВЕТ: Я был арестован 5 февраля 1938 года. После ареста я длительное время не вызывался на допрос. 26-27 февраля 1938 года я был вызван на допрос сотрудником Вержбицким, фамилию которого я узнал из обращения к нему других сотрудников. Вначале он меня провел в свой кабинет, где краткое время беседовал со мной по моим биографическим данным, а затем отвел в другой кабинет, где работал начальник XI отдела Мигберт, кто он такой, я узнал из обращения к нему подчиненных. Мигберт заявил мне, что я обвиняюсь в принадлежности к разведывательному германо-японскому центру и что в недалеком будущем должен буду дать на суде показания, которые мне покажут. Через некоторое время в кабинет к Мигберту кто-то внес протокол, который Мигберт подал мне для ознакомления. При этом он мне сказал, что это еще не окончательная редакция протокола и в него можно внести необходимые изменения. Ознакомившись с протоколом, который был напечатан на пишущей машинке, я увидел, что он составлен без моего ведома и что я якобы признаю себя виновным в принадлежности к иностранной разведке, резидентом которой я являлся в Ленинграде. Просмотрев бегло протокол допроса, я сказал Мигберту, что запись в протоколе является сплошной клеветой. В ответ на это Мигберт мне заявил, что есть путь совместной работы с ними и есть путь борьбы против них, на последний из которых он не советует вставать, так как я изйду кровью, но будет так, как надо им. Затем меня увели в камеру или на допрос в кабинет к Вержбицкому.

ВОПРОС КРЕЙЦЕРУ: Рейнер присутствовал при беседе Мигберта с Вами?

ОТВЕТ: Да, присутствовал.

ВОПРОС КРЕЙЦЕРУ: Продолжайте свои показания.

ОТВЕТ: На допросе, который проводил Вержбицкий, я показывал о своих родственниках, знакомых и связях с иностранцами. В период допроса в кабинет к Вержбицкому неоднократно заходил Рейнер, который, когда Вержбицкий уже закончил мой допрос,

дал мне напечатанный на машинке протокол допроса. В этом протоколе были вопросы следствия и мои ответы на них, но мне таких вопросов никто и никогда не ставил и на них никогда я ответов, записанных в протоколе, не давал. Я помню, что в этом протоколе говорилось о моей принадлежности к какой-то разведке и о том, что у меня на связи состоят агенты Хельбо или Гельбо и еще кто-то. Рейнер предложил мне подписать этот протокол допроса, но я это сделать категорически отказался. Тогда Рейнер стал меня расспрашивать о моей национальности. Я ему сказал, что я еврей, но имя у меня, а также и у отца не еврейское — Борис, а у отца — Генрих. Рейнер заявил, что он еврей и имя у него еврейское Абрам, стал утверждать, что я немец. В это же время им или Вержбицким протокол был унесен и вскоре принесен обратно, но уже в нем было указано, что я уроженец города Бинца.

На новое предложение Рейнера подписать протокол я ответил отказом. Затем я помню, что Рейнер и Вержбицкий стали опрашивать меня по моим знакомым, которые были записаны в записную книжку. При этом Рейнер очень ругался и требовал признательных показаний. Вместе с ним ругался и стучал по столу кулаком Вержбицкий. Когда они в записной книжке нашли фамилию Слонимского, то очень подробно о нем расспросили, и я рассказал им, что он прибыл из Америки. Как протекал далее допрос, я точно не помню, но помню, что мне Рейнер предлагал подписать печатный протокол в новой редакции, в которой говорилось, что меня завербовал Икеда и после него я имел связь с Накамура и другими лицами, и что у меня на связи были Слонимский и Ланская. Я отказался подписать и этот протокол. Тогда Рейнер и Вержбицкий стали применять ко мне физическую силу. Они ставили меня в согнутом виде руками к полу, но я отказывался стоять в таком виде. После этих издевательств Рейнер ушел, а Вержбицкий остался со мной. Он длительное время заставлял меня стоять. В это же время или позднее, когда пришел Рейнер, Вержбицкий по приказу последнего

переписал своей рукой печатный протокол, якобы составленный с моих слов.

Когда пришел Рейнер, то Вержбицкий вскоре ушел и Рейнер стал требовать, чтобы я подписал написанный рукой Вержбицкого протокол. Я отказался. Тогда Рейнер несколько раз ударил меня рукой по щекам и кулаком в бока. Он также подтаскивал меня к столу и совал мне ручку, чтобы я подписал протокол, но я отказывался. В это же время он предлагал мне еду, но я продолжал отказываться. Затем в кабинет вошли или, может быть, они были и раньше, но я их не замечал, два или три неизвестных мне сотрудника, которые в присутствии Рейнера стали меня избивать. Один из них ударил меня ногой меж ног, и я упал. Они продолжали меня бить ногами. После этого мне Рейнер снова предложил подписать протокол, и я подписал, рассчитывая на то, чтобы прекратились издевательства. Когда я подписал протокол, меня отправили в камеру, и после этого я больше Рейнера не видел. Крейцер.

ВОПРОС РЕЙНЕРУ: Вы подтверждаете показания Крейцера?

ОТВЕТ: Показания Крейцера я слышал, но их не подтверждаю.

Я никогда и ни к одному из арестованных незаконных методов не применял.

Крейцер меня оговаривает по неизвестным для меня причинам. По существу же обстоятельств его допроса с моим участием я ничего показать не могу, так как не помню. Рейнер.

ВОПРОС КРЕЙЦЕРУ: Вы настаиваете на своих показаниях?

ОТВЕТ: Да, я свои показания подтверждаю полностью и на них настаиваю. Я подтверждаю, что Рейнер применял ко мне незаконные методы следствия, в результате которых я подписал ложный протокол допроса. Крейцер.

На вопросы следствия, имеют ли свидетели друг к другу вопросы, свидетель Рейнер заявил —

ВОПРОС КРЕЙЦЕРУ: Почему Вы не заявили Политуру о том, что я применял к Вам незаконные методы следствия?

ОТВЕТ: Я заявлял об этом Политбюро, но он отказывался это записывать в протокол. Я проявил в этом малодушие и не стал настаивать на записи этих фактов. Крейцер.

Других вопросов свидетели не заявили.

Заключение по архивно-следственному делу № 624726

Гор. Ленинград, 25 января 1956 года.

Я, старший следователь Следственного отдела Управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области — капитан МЕНЬШАКОВ, рассмотрев материалы архивно-следственного дела № 624726 по обвинению — КРЕЙЦЕРА Бориса Генриховича, 1905 года рождения, уроженца гор. Грозного, еврея, гр-на СССР, беспартийного, с незаконченным высшим образованием, работавшего в «Роскинопроекте» архитектором, проживавшего в г. Ленинграде, арестованного 5 февраля 1938 года, — нашел:

КРЕЙЦЕР Б. Г. арестован бывшим Управлением НКВД Ленинградской области с санкции Военного прокурора Ленинградского военного округа по подозрению в шпионской деятельности в пользу Японии (т. 1, л. д. 1).

Какие материалы послужили основанием к его аресту, из дела не видно.

Просмотром оперативных документов на КРЕЙЦЕРА, имевшихся до его ареста и хранящихся в Учетно-архивном отделе УКГБ по Ленинградской области, установлено, что он, будучи допрошен в органах государственной безопасности 11 января 1937 года, показывал о своих родственниках, находящихся за границей, и о связях с иностранцами. При этом он указывал, что был знаком с японцем Икеда Хисао, который проживал в их квартире (т. 2, л. д. 141–146).

Материалов, изобличающих КРЕЙЦЕРА во враждебной деятельности, в оперативных документах нет. Однако из находящейся среди этих документов справки на КРЕЙЦЕРА явствует, что он

подлежал аресту как агент иностранной разведки, предоставлявший по ее заданию свою квартиру для конспиративных встреч японскому разведчику Икеда Хисао (т. 2, л. д. 140, 147).

На первом допросе после ареста, состоявшемся 27 февраля 1938 года, КРЕЙЦЕР дал показания о своих родственниках и знакомых, проживавших в Советском Союзе и за границей, о своей преступной деятельности он не допрашивался (т. 1, л. д. 10–18).

На допросе 8 марта 1938 года КРЕЙЦЕР, признавая себя виновным, заявил, что для шпионской деятельности в СССР он был завербован в 1926 году проживавшим в его квартире резидентом японской разведки Икеда Хисао на почве солидарных с ним антисоветских убеждений, заключавшихся во враждебном отношении к Советской власти и возвеличивании Японии, стремившейся расширить свои владения за счет территории СССР (т. 1, л. д. 22–24).

Далее КРЕЙЦЕР пояснил, что шпионскую связь с Икеда Хисао он имел только в 1926 году, а затем последний выехал в Японию и передал его на связь другому резиденту японской разведки, поселившемуся в комнате, ранее занимаемой им, Накамура Хиде, который руководил его шпионской деятельностью до 1932 года, а затем также выехал в Японию, поручив КРЕЙЦЕРУ поддерживать связь с японской разведкой через курьеров, которые к нему придут впоследствии (т. 1, л. д. 26, 28).

Являясь агентом японской разведки, как показал КРЕЙЦЕР, он собрал и передал Икеда различную советскую литературу по военному и гражданскому строительству, по технике и военному делу, сведения о местонахождении предприятий и отдельных воинских частей, а также секретные данные о ходе работ на Балтийском судостроительном заводе и верфях, собранные им через случайных лиц (т. 1, л. д. 24, 25).

Поддерживая преступную связь с Накамура, КРЕЙЦЕР сообщал последнему различные секретные сведения о наводных и подводных кораблях военно-морского Балтийского флота, об их технической оснащенности (т. 1, л. д. 26).

В целях активизации своей шпионской деятельности КРЕЙЦЕР в 1931 году привлек к сотрудничеству инженера Ленинградского института технико-экономической информации СЛОНИМСКОГО Б. Г., который передал ему в 1931 году сведения о технико-экономическом состоянии Ленинграда и области и в 1932 году данные о продукции, выпускаемой оборонными предприятиями, и характеристику технико-экономической возможности оборонной промышленности (т. 1, л. д. 26–28).

В конце 1932 года, как утверждал КРЕЙЦЕР на допросе, уезжавший в Японию Накамура поселил вместо себя ЛАНСКУЮ А. М. и отрекомендовал ее КРЕЙЦЕРУ как агента японской разведки, которая должна будет в дальнейшем передавать ему, КРЕЙЦЕРУ, собранные ею шпионские данные (т. 1, л. д. 28).

После отъезда Накамура в Японию, как заявил КРЕЙЦЕР, в 1935 году по указанию Икеда установил с ним связь некий ШЕРШЕВСКИЙ Александр, которому он до 1936 года передал ряд сведений о промышленном строительстве в Ленинграде (т. 1, л. д. 29–30).

В феврале 1937 года встретившийся с КРЕЙЦЕРОМ польский архитектор БЛЮМ от имени японской разведки потребовал от него активизации разведывательной деятельности по вооруженным силам СССР и проведения подготовки к совершению диверсионных актов в случае возникновения войны. На следующей встрече, состоявшейся в конце 1937 года, КРЕЙЦЕР передал БЛЮМУ собранные им с помощью СЛОНИМСКОГО и ЛАНСКОЙ данные о расположении воинских частей в Ленинграде, об аэродромах и боевых самолетах на них, а также об укреплениях на границе с Финляндией и Эстонией. Кроме того, КРЕЙЦЕР тогда же информировал БЛЮМА о своем намерении в случае возникновения войны уничтожить ряд оборонных новостроек (т. 1, л. д. 30–31).

Допрошенный 2 января и 3 февраля 1939 года КРЕЙЦЕР от своих показаний, данных им 8 марта

1938 года, отказался и заявил, что эти показания, являющиеся вымышленными, были представлены ему в готовом виде и подписаны им в силу боязни применения к нему репрессий.

На тех же допросах ему были предъявлены показания свидетелей ГЕРШУНА А. А., ЕРМАКОВОЙ К. М., СМЕРНОВА В. Ф., РОСЛАВЛЕВА М. И., которые он не подтвердил и тогда же выставил ходатайство о проведении ему очных ставок с обвиняемыми по другим делам ЛАНСКОЙ и СЛОНИМСКИМ, которые, как он заявил, дали в отношении него ложные показания (т. 1, л. д. 66–71).

Из приобщенных к делу копий показаний обвиняемых по другим делам ЛАНСКОЙ А. М. от 26 марта 1938 года и СЛОНИМСКОГО Б. Г. от 4 апреля 1938 года видно, что они, признавая себя виновными, изобличали КРЕЙЦЕРА в принадлежности к японской разведке.

ЛАНСКАЯ вначале отрицала принадлежность Накамура к японской разведке, а затем, после предъявления ей показаний КРЕЙЦЕРА, заявила, что с 1925 года является агентом этой разведки, в которую ее завербовал Накамура Хиде. Со слов Накамура она показала, что он был связан с японским разведчиком Икеда Хисао, который, выезжая в 1926 году в Японию, поселил его в квартире КРЕЙЦЕРА Б. Г. и передал последнего на связь Накамура как агента японской разведки.

Далее она заявила, что до отъезда Накамура в Японию в 1932 году она собрала и передала ему сведения о расположении военно-учебных заведений, 115, 120 и 169 зенитно-артиллерийских полков, зенитно-пулеметных соединений, двух прожекторных и авиационных частей в Ленинграде, а также данные о ряде военных заводов, в том числе об авиационных заводах № 23 и 47.

После отъезда Накамура в Японию, как показывала ЛАНСКАЯ, она установила связь в КРЕЙЦЕРОМ, по заданию которого через случайных знакомых в 1933–1934 гг. собрала сведения о строящихся судах и подводных лодках

на Балтийском судостроительном заводе и в 1936–1937 гг. — данные о расположении номерных заводов в Ленинграде.

Называя соучастников своей шпионской деятельности, она показала, что КРЕЙЦЕР имел шпионскую связь со СЛОНИМСКИМ Б. Г., о чем ей было известно со слов самого КРЕЙЦЕРА (т. 1, л. д. 72–79).

Обвиняемый по другому делу СЛОНИМСКИЙ Б. Г., как видно из копии его протокола допроса, также вначале отрицал свою принадлежность к японской разведке, а затем, после предъявления ему показаний КРЕЙЦЕРА Б. Г., последние подтвердил и заявил, что был завербован КРЕЙЦЕРОМ на основе общности антисоветских взглядов в 1931 году.

Далее он рассказал, что, работая в Институте технико-экономической информации и будучи связан по службе с большинством ленинградских предприятий, он по заданию КРЕЙЦЕРА с 1932 по 1937 год собрал и передал ему данные, характеризующие мощность и техническую оснащенность заводов им. Кирова, «Вперед», «Ленлитмех», им. 2-й Пятилетки, «Центролит», им. К. Маркса, им. Ф. Энгельса и им. Свердлова (т. 1, л. д. 80–83).

Кроме КРЕЙЦЕРА, он никого из своих соучастников не назвал, заявив, что последний о них ему не говорил.

Допрошенные по делу в декабре 1938 года свидетели — ЕРМАКОВА К. М., СМИРНОВ В. Ф. и КРЫЛОВА К. М. заявили, что семья КРЕЙЦЕРОВ является враждебной Советской власти, но каких-либо конкретных фактов, подтверждающих это, не приводили (т. 1, л. д. 89–91, 95–96, 97–99).

Свидетель ГЕРШУН А. А. показывал, что КРЕЙЦЕР недоброжелательно отзывался о политике ЦК КПСС и Советского правительства. Одновременно с этим ГЕРШУН, как и свидетель РОСЛАВЛЕВ М. И., заявлял, что КРЕЙЦЕР охаивал советскую строительную технику, качество строительных материалов и архитектуру (т. 1, л. д. 86–87, 102).

В то же время свидетели РОСЛАВЛЕВ М. И., ПЯТУНИН Б. И. и СМИРНОВ Б. А. утверждали, что

они за КРЕЙЦЕРОМ никаких антисоветских проявлений не замечали (т. 1, л. д. 101, 104, 109).

Ходатайство КРЕЙЦЕРА о проведении ему очной ставки с ЛАНСКОЙ и СЛОНИМСКИМ удовлетворено не было, так как последние были расстреляны.

При ознакомлении с делом 1 февраля 1939 года КРЕЙЦЕР никаких ходатайств не заявил.

По указанию Военного прокурора Ленинградского военного округа дело по обвинению КРЕЙЦЕРА было направлено на Особое совещание при НКВД СССР, которое 26 июля 1939 года его осудило за шпионаж к 8 годам ИТЛ (т. 1, л. д. 128).

В заключении Военной прокуратуры Ленинградского военного округа от 21 сентября 1940 года об отказе КРЕЙЦЕРУ Б. Г. в пересмотре его дела указано, что свидетель ГЕРШУН А. А. в поданной им жалобе на имя Главного военного прокурора СССР от данных им на предварительном следствии показаний в отношении КРЕЙЦЕРА отказался. Жалобы ГЕРШУН А. А. в деле нет (т. 1, л. д. 129–130).

После отбытия срока наказания, 26 июля 1949 года, КРЕЙЦЕР был осужден Особым совещанием за прошлую деятельность к ссылке на поселение (архивно-следственное дело № П-278934, л. д. 27).

В своих заявлениях с просьбой о пересмотре дела, которые неоднократно подавались им после осуждения в 1939 и в 1949 годах, КРЕЙЦЕР указывал, как и на следствии в эти годы, что показания от 8 марта 1938 года являются вымыслом следственных работников и подписаны им в результате применения к нему мер физического воздействия (т. 2, л. д. 7–72; арх.-след. дело № П-278934, л. д. 15–22, 29–30).

Допрошенный в настоящее время КРЕЙЦЕР Б. Г. свои заявления о применении к нему мер физического воздействия с целью получения от него подписи под протоколом допроса от 8 марта 1938 года подтвердил (т. 2, л. д. 80–92).

Произведенной в настоящее время проверкой по архивам органов государственной безопасности г. г. Ленинграда, Владивостока и архивам МВД СССР установлено, что последние не располагают данными

о принадлежности КРЕЙЦЕРА, Икеда Хисао и Накамура Хиде к японским разведывательным органам (т. 2, л. д. 140, 164, 168–172, 174).

Анализ показаний КРЕЙЦЕРА от 11 января 1937 года, 27 февраля и 8 марта 1938 года свидетельствует о том, что сотрудники, составлявшие протокол допроса от 8 марта 1938 года, допустили в нем записи, не соответствующие уже имевшимся данным.

Так, на допросах 11 января 1937 года и 27 февраля 1938 года КРЕЙЦЕР Б. Г. показывал о своих родственниках и знакомых, среди которых он называл: дядю — КРЕЙЦЕРА Леонида Давыдовича, являвшегося музыкантом и посетившего Ленинград в 1934 году при его поездке из Берлина в Токио, троюродного брата — Шершевского Александра, приехавшего из Германии в Ленинград в 1932 году и арестованного органами государственной безопасности в 1936 году, японцев — Икеда Хисао и Накамура, проживавших в его квартире (т. 1, л. д. 14, 16–18; т. 2, л. д. 141–146).

В противоречие этим показаниям в протоколе допроса от 8 марта 1938 года в вопросах, поставленных КРЕЙЦЕРУ, говорится о том, что он пытается скрыть свои встречи и связи с КРЕЙЦЕРОМ Л. Д. и японцами (т. 1, л. д. 19, 21).

В отношении же Шершевского якобы со слов самого КРЕЙЦЕРА записано как о неизвестной ему личности: «...Осенью 1935 года ко мне явился по паролю от Икеда Хисао и Накамура отрекомендовавший себя Шершевским Александром Борисовичем, лет 38–39, который сообщил мне, что прибыл он из Германии, но имеет поручение от японской разведки». И далее: «...до 1936 г. я регулярно поддерживал с ним связь, затем он внезапно исчез и больше я его не видел» (т. 1, л. д. 29–30).

Кроме того, в протоколе от 27 февраля 1938 года записано, что Накамура, занявший комнату Икеда в квартире КРЕЙЦЕРОВ в 1926 году и выехавший из нее примерно через месяц, поселился вместе с ЛАНСКОЙ А. М., оставшейся проживать в этой же комнате после отъезда Накамура, а в протоколе от 8 марта

1938 года указано, что последний вселил ЛАНСКУЮ в названную комнату только при своем отъезде и не в 1926–27 году, а в 1932 (т. 1, л. д. 17, 28–29).

Записанные сотрудниками якобы со слов КРЕЙЦЕРА показания о его преступной деятельности в одной части не соответствуют действительности, а в другой — являются сомнительными.

Так, в его показаниях записано, что он познакомился с Икеда Хисао в 1925 году, предоставил ему свою жилую площадь по адресу: Кировский проспект (бывшая ул. Красных Зорь), дом № 54/31, или Песочная ул., дом 31/54, кв. 56, на которой он проживал до конца 1926 года, после чего якобы в целях конспирации вначале переехал на жительство в другой адрес, а затем выехал в Японию, поселив тогда же вместо себя японца Накамура (т. 1, л. д. 22–23, 26).

Проверкой по архиву МВД Ленинградской области и ОВИРу гор. Ленинграда установлено, что Икеда Хисао, 1897 года рождения, подданный Японии, занимавшийся в Ленинграде изучением русского языка и литературы, проживал в квартире КРЕЙЦЕРОВ с сентября 1925 года по август 1929 года, после чего, оформив надлежащие документы, выехал в Японию (т. 2, л. д. 161, 164, 176).

Что касается Накамура Хиде, 1898 года рождения, то он на 18 сентября 1929 года проживал в г. Ленинграде по Демидову пер., дом № 7, кв. 10, и работал токарем на заводе им. Ленина, а затем совместно с ЛАНСКОЙ А. М. до 13 августа 1930 года проживал в квартире КРЕЙЦЕРОВ, после чего выехал в Москву. Из справки домовой конторы видно, что ЛАНСКАЯ А. М. проживала в квартире КРЕЙЦЕРОВ с 6 октября 1929 года и была выписана из этой квартиры 31 марта 1938 года (т. 2, л. д. 162, 164–166, 173).

Эти официальные данные в определенной мере соответствуют показаниям КРЕЙЦЕРА от 27 февраля 1938 года и подтверждают показания свидетелей ГЕРШУН А. А., ЕРМАКОВОЙ К. М. и КРЕЙЦЕР О. Г. (т. 1, л. д. 87, 91; т. 2, л. д. 100).

При этом свидетель КРЕЙЦЕР О. Г. 26 октября 1955 года показала, что Накамура к ним был вселен

жактом, а Икеда — по направлению Института восточных языков. Последний факт подтверждается оперативными документами и показаниями КРЕЙЦЕР Е. Г. (т. 2, л. д. 100, 134).

Материалами проверки взаимосвязь между Икеда и Накамура не установлена.

В протоколе допроса от 8 марта 1938 года утверждалось, что КРЕЙЦЕР был знаком со СЛОНИМСКИМ Б. Г. с 1927 года и что при вербовке в 1931 году информировал его о своей связи с Накамура (т. 1, л. д. 27).

Проверкой по ОВИР Ленинградского управления милиции установлено, что СЛОНИМСКИЙ Б. Г. с 31 октября 1927 года по 24 января 1928 года находился в Ленинграде в гостях у своих родственников, а затем выехал в Америку, откуда возвратился на постоянное жительство в Ленинград 21 октября 1931 года, т. е. тогда, когда Накамура уже не было (т. 2, л. д. 167).

Допрошенные по делу свидетели ПЯТУНИН Б. И. и ПЯТУНИНА Ф. Г., подтверждая показания КРЕЙЦЕРА Б. Г., заявили, что последний познакомился со СЛОНИМСКИМ примерно в 1933 году и до этого в их квартире, в которой проживал СЛОНИМСКИЙ с ними как с родственниками, он не бывал. Далее они показали, что встречи КРЕЙЦЕРА со СЛОНИМСКИМ были случайными и происходили в их присутствии, причем, как они указали, между ними близких отношений не было, и они от них ничего предосудительного не слышали (т. 2, л. д. 96–98, 123–125).

В показаниях КРЕЙЦЕРА указано, что прибывший к нему на связь в 1935 году ШЕРШЕВСКИЙ рассказывал о себе как о лице, являвшемся агентом германской разведки с 1925 года по 1932 год и вступившем в 1935 году в шпионскую связь с агентом японской разведки Адачи, который ему якобы от имени Икеда велел связаться с КРЕЙЦЕРОМ (т. 1, л. д. 30).

Прозритель архивно-следственного дела по обвинению арестованного в 1936 году ШЕРШЕВСКОГО А. Б. установлено, что он, признавая свою принадлежность с 1925 по 1935 год к германской разведке,

показывал об установлении им летом 1936 года связи с агентом японской разведки Лящук, который передавал ему просьбу японского офицера Адачи о встрече с ним в целях налаживания шпионской связи, но от этого предложения ШЕРШЕВСКИЙ в целях конспирации отказался. Арестованный же Лящук в этой части показания ШЕРШЕВСКОГО ни на очной ставке, ни в суде не подтвердил. О преступной связи с КРЕЙЦЕРОМ ШЕРШЕВСКИЙ не допрашивался (т. 2, л. д. 156–157).

Пребывание в Ленинграде польского архитектора БЛЮМА, являвшегося соавтором конкурсного проекта Дворца Советов, подтверждено показаниями свидетеля МЕЙСЕЛЯ М. Н., который при этом заявил, что КРЕЙЦЕР встречался с представителями иностранных делегаций только в присутствии других официальных лиц и переводчиков (т. 2, л. д. 94–95).

Материалов, компрометирующих БЛЮМА, в процессе проверки не добыто.

При этом следует отметить, что в показаниях КРЕЙЦЕРА, с одной стороны, и в показаниях ЛАНСКОЙ и СЛОНИМСКОГО, с другой, имеются существенные противоречия.

Так, в показаниях КРЕЙЦЕРА записано, что он в 1937 году передал БЛЮМУ собранные СЛОНИМСКИМ и ЛАНСКОЙ данные, которые относились к воинским частям, расположенным в Ленинграде, а из их показаний явствует, что они в этот период таких материалов не собирали и КРЕЙЦЕРУ не передавали (т. 1, л. д. 31, 78, 83).

Показания СЛОНИМСКОГО о собранных им секретных данных вызывают сомнение, так как институт, в котором он работал, как видно из справки архива МВД Ленинградской области, названными материалами располагать не мог (т. 2, л. д. 178–180).

Как видно из обнаруженных в архиве УКГБ ЛО материалов и архивно-следственного дела по обвинению ЛАНСКОЙ и СЛОНИМСКОГО, последние были арестованы на основании показаний КРЕЙЦЕРА, и в сентябре 1938 года материалы их дела вместе с материалами дела КРЕЙЦЕРА рассматривались

Комиссией НКВД и Прокурора СССР, которая вынесла решение об их расстреле (т. 2, л. д. 148–155).

СЛОНИМСКИЙ и ЛАНСКАЯ 11 сентября 1938 года были расстреляны, а исполнение решения в отношении КРЕЙЦЕРА было задержано в связи с проверкой его биографических данных. В дальнейшем это решение исполнено не было, так как дело по его обвинению было возвращено на доследование (т. 2, л. д. 91–92, 152, 153).

Допрошенный в качестве свидетеля по делу бывший сотрудник УНКВД ЛО РЕЙНЕР на допросах и очной ставке с КРЕЙЦЕРОМ показаний последнего о применении им к нему мер физического воздействия не подтвердил, а также не признал фактов фальсификации им материалов дела (т. 2, л. д. 116–122, 136–139).

Передопрошенные в настоящее время свидетели ПЯТУНИН Б. И. и СМИРНОВ В. Ф. показаний о враждебной деятельности КРЕЙЦЕРА не дали, а свидетели МЕЙСЕЛЬ М. Н. и СМИРНОВ Б. А. положительно охарактеризовали последнего (т. 2, л. д. 96–98, 113–115).

Таким образом, проверкой установлено, что КРЕЙЦЕР Б. Г. был арестован в 1938 году без наличия материалов, изобличающих его во враждебной деятельности, и что основанием к его осуждению послужили противоречивые и непроверенные его собственные показания и показания свидетелей, опровергнутые в настоящее время.

На основании изложенного — полагал бы:

Архивно-следственное дело № 624726 по обвинению КРЕЙЦЕРА Бориса Генриховича вместе с настоящим заключением направить Военному прокурору Ленинградского военного округа для возбуждения ходатайства об отмене решения Особого совещания НКВД СССР от 26 июля 1939 года с последующим прекращением дела по пункту 5 ст. 4 УПК РСФСР.

старший следователь следотдела
УКГБ ЛО — капитан МЕНЬШАКОВ /подпись/

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДОТДЕЛА
УКГБ ЛО — майор НЕКРАСОВ /подпись/
«СОГЛАСЕН» — НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО
ОТДЕЛА УКГБ ЛО — подполковник РОГОВ /подпись/

Определение № 143-Н-56

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА в составе: Председательствующего — генерал-майора юстиции ПИСАРЬКОВА и членов: полковников юстиции САМСОНОВА и ПАРФЁНОВА,

рассмотрел в заседании от 20 февраля 1956 г. протест в порядке надзора Военного прокурора Лен. ВО на Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 26 июля 1939 года по делу — КРЕЙЦЕР Бориса Генриховича, 1905 года рождения, уроженца гор. Грозный, — заключенного в ИТЛ за шпионаж сроком на 8 лет.

За это же преступление Крейцер 6 июля 1949 года Особым совещанием при МГБ СССР был сослан на поселение.

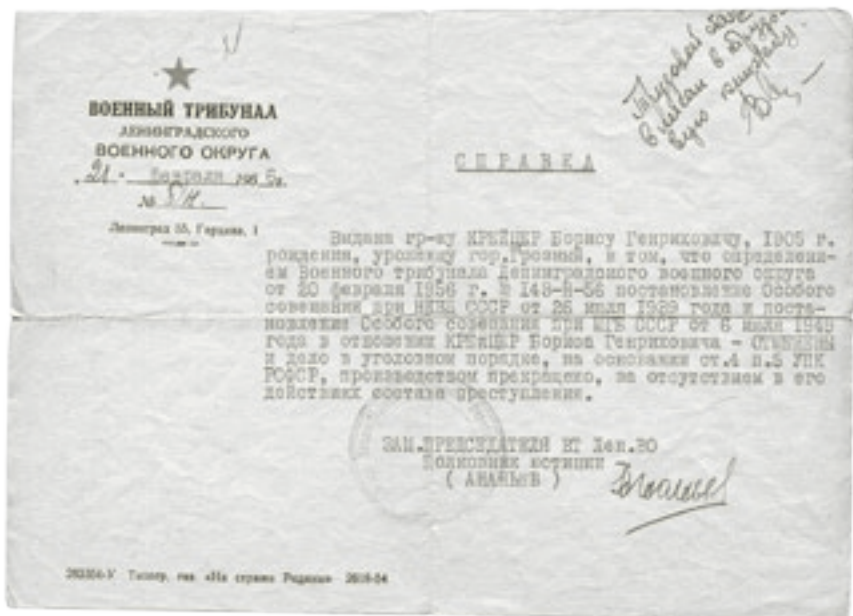
Заслушав доклад тов. ПАРФЁНОВА и заключение помощника военного прокурора Лен. ВО подполковника юстиции НИКУТОВА об удовлетворении протеста, — установил:

По выводам обвинительных заключений Крейцеру вменялось в вину то, что он с 1926 года являлся агентом японской разведки, по заданию занимался шпионской деятельностью на территории СССР.

Военный прокурор округа в своем протесте просит оба постановления Особого совещания при НКВД СССР в отношении Крейцера отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления, по следующим мотивам. —

Как видно из материалов дела, обвинение Крейцера было основано на его показаниях, данных им в начале предварительного следствия, от которых он впоследствии отказался (т. 1, л. д. 66–68, 69–71).

Приобщенные же к делу Крейцера показания Ланской Л. Н. и Слонимского Б. Г. в виде копий

Справка о результатах просмотра дела. 1956 год

протоколов допроса не могут служить доказательством вины Крейцера, так как Ланская и Слонимский были арестованы на основании одних только показаний Крейцера, которым якобы они были завербованы в качестве агентов японской разведки.

Причем показания Ланской и Слонимского о том, что по шпионской работе они были связаны с Крейцером, неконкретны, содержат в себе существенные противоречия и в ходе следствия по делу Крейцера проверены не были.

Предъявленное обвинение Крейцеру в том, что он установил связи в 1935 году с агентом германской разведки Шершевским, а в 1937 году с агентом японской разведки польским архитектором Блюмом, было также основано на показаниях самого Крейцера, и его виновность в этом, как материалами дела, так и материалами дополнительной проверки, не установлена.

Передопрошенные в процессе дополнительной проверки свидетели Пятунин Б. И. и Смирнов В. Ф.

какой-либо антисоветской деятельности со стороны Крейцера не подтвердили, а свидетели Мейсель М. Н. и Смирнов Б. А. охарактеризовали Крейцера только с положительной стороны (т. 2, л. д. 96–98, 113–115).

Приобщенные к материалам дела характеристики и отзывы на Крейцера свидетельствуют, что по работе он характеризуется также положительно.

При этих обстоятельствах, указывается далее в протесте, следует признать, что Крейцер Особым совещанием был осужден неосновательно.

Проверив материалы дела и соглашаясь с доводами, изложенными в протесте, а также принимая во внимание, что по делу не добыто доказательств, подтверждающих виновность Крейцера в антисоветской деятельности, что при расследовании дела Крейцера были допущены грубейшие нарушения социалистической законности (т. 2, л. д. 138), Военный трибунал округа, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, — определил:

Протест Военного прокурора округа удовлетворить.

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 26 июля 1939 года и Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 6 июля 1949 года в отношении КРЕЙЦЕРА Бориса Генриховича — ОТМЕНИТЬ и дело в уголовном порядке, на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР, производством прекратить, за отсутствием в его действиях состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ ВТ Лен. ВО
Полковник юстиции — ПАРФЁНОВ /подпись/

Борис Крейцер с женой
Тамарой. 1949 год

Борис и Тамара Крейцеры
в ссылке. Дудинка.
1950-е годы

Борис и Тамара Крейцеры
в ссылке. Дудинка.
1950-е годы

Тамара Крейцер. Норильск.
1949 год

Борис и Тамара Крейцер.
Дата и место съемки неиз-
вестны

Борис Крейцер за росписью
вазы «Леший». Завод
Стройфаянса. 1959 год

Борис и Тамара Крейцеры
в квартире-мастерской на
улице Блохина. Ленинград.
1965 год

Тамара Крейцер.
Ленинград, 1965 год

Борис и Тамара Крейзеры.
Ленинград, 1970-е годы

У них была одна жизнь на двоих

Толстая Анна Игоревна,
друг семьи и хранитель архива
Бориса Крейцера

С Борисом Генриховичем Крейцером и его женой Тамарой Николаевной наша семья познакомилась в середине 1950-х годов, когда они вернулись в Ленинград из ссылки. Это знакомство переросло в близкие отношения, которые со временем становились все прочнее.

Борис Генрихович родился 7 мая 1905 года в Грозном, где в то время работал его отец. Отец, коренной петербуржец, Генрих Давидович Крейцер, был инженером, специалистом по асфальтам и битумам, мать, Ольга Григорьевна, занималась воспитанием детей. У Бориса Генриховича была сестра Екатерина и брат Андрей. Отец много работал за границей, и семья подолгу жила то во Франции, то в Германии. В 1916 году они вернулись в Петроград.

Борис Генрихович окончил четыре курса архитектурного факультета Академии художеств, работал как архитектор, одновременно пробуя свои силы в живописи и книжной графике. Богемная благополучная молодость закончилась в 1937 году, когда его арестовали.

Он никогда, конечно, не упоминал ни об избияниях, ни о пытках, которые ему пришлось пережить в тюрьме. Борис Генрихович в разговорах часто вспоминал о тюрьме и ссылке, но обычно это были какие-то забавные эпизоды. Я помню, как моя мама однажды все-таки решилась спросить: «Борис Генрихович, как это было — сидеть в камере смертников?» Он ответил: «Да, Вера Александровна, все как-то спокойно, идет жизнь, баланду приносят. Каждую ночь, конечно, кого-то забирают. А потом, днем, опять все тихо, как всегда. Только на руках шесть пальцев. Сосредоточусь, пересчитываю: раз, два, три, четыре, пять. Чуть отвлекусь, смотрю — шесть! Вот такую странную штуку мозг выкидывал».

Спасло его почти чудо. Когда конвой пришел забирать приговоренных для перевозки в тюрьму, где исполнялись смертные приговоры, произошла неувязка. Принимая осужденных для расстрела, конвой был обязан проверить анкетные данные: имя,

фамилия, отчество, год и место рождения. По их сопроводительной бумаге приговорен был немец Б. Г. Крейцер, родившийся в городе Бинце. В тюрьме же сидел еврей Б. Г. Крейцер, родившийся в Грозном. Ему велели отойти в сторону. Также в сторону отправили и какого-то китайца, который считал свой возраст не от рождения, а с момента зачатия. Их вернули в тюрьму. Пока дело выяснялось, в верхах произошли изменения, «тройки» были отменены, их приговоры стали недействительны. Куда девать недорасстрелянного Крейцера, было непонятно. Пересмотрев дело, Особое совещание приговорило его к восьми годам лагерей.

Бориса Генриховича отправили этапом в Котлас, в Севжелдорлаг. Когда его вместе с еще одним политическим заключенным втолкнули в теплушку, все их вещи мгновенно исчезли. Полный вагон уголовников, а на верхних нарах — пахан. Увидев интеллигентно-очкарика, он спросил: «Романы толкать можешь?» «Да, — ответил Борис Генрихович, — могу». И стал рассказывать. По-моему, начал он с «Трех мушкетеров». Рассказывал несколько часов, а затем на остановке в вагон вдвинули ведро каши. Все достали миски, ложки. А у Бориса Генриховича нет ничего. Пахан понял, обвел всех тяжелым взглядом, и тут же все вещи волшебным образом вернулись. Даже два шарфа лишних оказалось. Миска нашлась, а есть все равно нечем. Ну, запропастилась куда-то ложка. Тогда пахан вытащил из-за голенища свою: «На, бери мою». Эта ложка долго служила Борису Генриховичу, пока не потерялась где-то на пересылках.

Так они доехали до пересыльного пункта, оттуда их двоих должны были доставить в лагерь. От железнодорожной станции до лагеря несколько километров. Конвою идти в такой путь ради двоих заключенных не хочется. «Вы сами дойдете?» — спрашивают. Они говорят: «Дойдем!» «Ну, идите!» И они вдвоем пошли к месту отсидки. Пришли к лагерю, стучат в ворота, говорят, мы такие-то и такие-то, пришли в ваш лагерь. А их не пускают — заключенным конвой полагается, где ваш конвой? Они просят:

«Пустите! Мы тут замерзаем! Мы пришли в лагерь сидеть». С трудом допросились, попали лагерь. Этот рассказ я, конечно, прекрасно помню.

Борис Генрихович был заключен в Севжелдорлаг до 1946 года. После освобождения какое-то время работал там же вольнонаемным, а затем, в 1947 году, переехал в Сыктывкар.

В Сыктывкаре Борису Генриховичу повезло — нашлось место по профессии. Это было действительно счастливое стечение обстоятельств: в том же бюро работала чертежницей только что окончившая школу Тамара Ключкина. Ее отец, журналист, приехал в Сыктывкар из Подмосковья по вербовке на работу в местную газету. Вообще-то, родители ее обманули: вывезли в Сыктывкар, сказав, что там есть высшие учебные заведения. А когда приехали, выяснилось, что в городе есть только сельскохозяйственный техникум. И Тамара стала работать чертежницей. Чертила она очень хорошо. Как-то сотрудники попросили Бориса Генриховича принести свои работы. Он сказал: «Ну, какие у меня в лагере могли быть работы! Не те условия». Но все-таки принес несколько рисунков, в том числе небольшой женский портрет. Его спросили: «А это кто?» Он ответил: «Ну... так я представляю себе свою будущую жену». И тут кто-то воскликнул: «Так это же Томочка из шестого отдела!» И это действительно была Томочка из шестого отдела! Через много лет Тамара рассказывала мне: «Борис Генрихович вошел в наш отдел, я на него посмотрела, и у меня сердце остановилось! Я не знала, как на ногах устоять».

Тамаре было 19, Борису Генриховичу — 41. Ее родители были, мягко говоря, против такого брака. Ссылный, на двадцать с лишним лет старше, без какого бы то ни было положения, да еще и еврей! Ужас! Страшное дело! Ее даже запирали, не выпускали из дома. Но, несмотря на сопротивление родителей, в 1949 году они поженились. Силу этой любви доказала вся их последующая жизнь.

Тамара была удивительно честна во всем. Без всякой дистанции, без экивоков, без сложных

рассуждений. Будучи очень чувствительным и ранимым человеком, она могла проявлять необыкновенную твердость, когда требовалось поступить так, как надо. И не раз в жизни она спасала его одним своим присутствием, своей молодой верой в него и любовью, своей бесконечной, почти наивной честностью и человеческой правильностью. Он, конечно, погиб бы в этих ссылках, не будь у него Тамары. У нее всегда было очень слабое здоровье, но она обладала какой-то особенной душевной силой, которая помогала ей выжить в самых чудовищных условиях.

В том же 1949 году начали брать по второму кругу, и Борис Генрихович понял, что лучше сменить место жительства. Они переехали в Псков. Борис Генрихович вспоминал, что в Пскове они жили в бывшей монастырской келье с полукруглой деревянной дверью, запиравшейся на большой засов. У них почти ничего не было. Борис Генрихович несколько раз нелегально приезжал в Ленинград (он не имел права жить в крупных городах). Отношения с родителями у него были сложными, но здесь оставались его вещи. Он брал свои книги и пытался их продать, чтобы выручить немного денег.

Однажды он застрял в городе — не успел на последний псковский поезд. Надо было где-то переночевать, и Борис Генрихович стал звонить из автомата своим знакомым. И все ему отказали: одни идут в театр, у других больна мама, третьи сейчас уедут, четвертые — «нет, ты знаешь, сегодня неудобно». Я помню, как он рассказывал, что в тот момент впервые подумал о самоубийстве. Все от него отвернулись. Все боялись его принять. Но там, в Пскове, его ждала Томочка, и это не давало ему окончательно впасть в отчаяние. В конце концов, нашлась знакомая, которая его приняла, он у нее переночевал и утром уехал в Псков.

А потом была удивительная история, которую я, к сожалению, не помню в деталях. Они продолжили жить в Пскове, но угроза повторного ареста не исчезла — как ни меняй место жительства, все равно достанут. И однажды, в мае 1949 года, пришла

Тамара Клюкина. 1946 год

«Портрет будущей жены», нарисованный Крейцером в лагере, за несколько лет до знакомства с Тamarой

телеграмма, будто бы от родителей Тамары из Сыктывкара. Телеграмма была подписана так, как они обычно подписывались сами, сочетанием их имен (что-то вроде Табо или Бота). Тамариных родителей эти «выпендрёжные штучки» раздражали, они их не одобряли и никогда бы не стали так подписывать, тем более свою телеграмму. В тексте ничего особенного — обычная телеграмма, как будто от Тамариных родителей. На следующий день Бориса Генриховича вызвали в НКВД. Пустой разговор о том о сем — как он живет, чем занимается. Не получали ли они каких-нибудь писем? Телеграмм, может быть? «Ну, была только телеграмма от родителей моей жены. Совершенно нейтрального содержания». И его отпустили. Придя домой, он стал внимательно изучать

телеграмму и понял, что она зашифрована. Я не помню, как именно он ее расшифровал. Помню только, что он начал с того, что выбрал самое значимое слово и взял от него первую букву. Но когда он закончил, у него получилась фраза «Ждите ареста». Он встал, чтобы закрыть на засов дверь и в этот момент с другой стороны ее потянули — за ним пришли.

Бориса Генриховича арестовали, а Тамара осталась одна в этой келье без работы, без денег. Тамара говорила мне: «Ты понимаешь, я не могла устроиться на работу, потому что передачи принимали только в рабочее время. Когда приносишь передачи, можно получить хоть какую-то информацию, хотя бы «вашу передачу приняли». Аня, ты, наверное, не поверишь, но двадцать дней я вообще ничего не ела. У меня не было денег на еду». Она покупала хлеб, резала его на четыре части и по четвертушке передавала ему каждый день. Борис Генрихович очень быстро это понял, потому что в первый день ему передали свежий кусочек хлеба, во второй — слегка засохший, третий — изрядно черствый, и наконец, вообще сухарь. Он прекрасно понимал, что происходит с Тамарой. Она каждый день приходила к тюрьме. Иногда он мог махнуть ей рукой из окошка, она знала, где его окно... Тамара вспоминала: «Если на вышке дежурил мужчина, то еще можно было махнуть рукой, но если женщина, то сразу «отойди, стрелять буду!». Однажды она в очередной раз пришла к тюрьме, и вдруг Борис Генрихович крикнул ей в окно: «Томочка, ссылка!» Она мне говорила: «Ты не можешь себе представить, какое это было счастье! Мы ведь ждали расстрела. А ссылка — да о чем говорить!» И его отправили в ссылку. А она переехала к его родителям и ждала, когда он даст знать, куда именно его отправили, куда ей ехать. Было ей, между прочим, девятнадцать лет — совсем девочка без какого-нибудь жизненного опыта. Но когда выяснилось, что это Норильск, она связала вещи в узел и поехала. У нее не было даже зимнего пальто — какие-то друзья сшили ей пальто из плюшевой оконной занавески.

Тамара добралась до Норильска. Как потом она вспоминала, в Норильске с трудом, но можно было жить, это все-таки был достаточно большой город. Но тут случилась еще одна история: Бориса Генриховича вызвали в НКВД и предложили ему сотрудничать. Он отказывался, на него наседали — все это знакомо нам по литературе. Наконец офицер НКВД сказал: «Я на вашем месте не отказывался бы. У вас молодая жена, а у нас полярная ночь, контингент вы знаете какой. Вы бы о ней все-таки подумали». И он сдался. Он подписал эту бумагу и пошел домой. Тамара вспоминала: «Я никогда-никогда в жизни потом не видела своего мужа в таком состоянии! Совершенно серый и ничего мне не говорит!» Естественно, с него взяли подписку о неразглашении. Не знаю, сколько он выдержал — до вечера или до следующего дня, но, в конце концов, он все ей рассказал.

Тамара ответила просто: «Бобочка, это невозможно. Это исключено. Ни ты с этим не сможешь жить, ни я с тобой не смогу жить. Тут и обсуждать нечего». Борис Генрихович сказал: «Поздно, уже все подписано. Как теперь можно дать задний ход?» «Я знаю, что делать, — ответила Тамара со своей святой верой в то, что всегда нужно поступать правильно. — Мы завтра пойдем, и ты напишешь заявление об отказе». Естественно, Борис Генрихович в отчаянии возражал: «Ты ничего не понимаешь! Так не делается! Такого не бывает! Я вообще не имел права тебе ничего говорить». «Нет, — отвечала Тамара, — ты им как раз скажешь, что все мне рассказал. Мы пойдем вдвоем, и ты напишешь заявление о том, что ты отказываешься». И они пошли.

Деревянное одноэтажное здание Норильского НКВД, крашеные полы, по одну сторону длинного коридора скамейки, по другую — двери кабинетов. «Я села на скамью напротив двери, Борис Генрихович вошел внутрь. Сначала было тихо, потом крик, шум, ругань. Вдруг дверь кабинета открылась, выглянул сотрудник НКВД, оглядел меня с удивлением. Опять дверь захлопнулась, опять слышны крики, стук кулаком по столу. Потом энкавэдэшник снова дверь

открыл и еще раз на меня внимательно посмотрел. И снова крики за дверью. Наконец Борис Генрихович вышел и сказал: «Заявление я написал». Я никогда не спрашивала его о том, что там было в кабинете. Ему и так пришлось трудно. И за все годы нашей совместной жизни мы больше никогда ни единым словом к этому дню не возвращались».

Тот сотрудник НКВД заявление Бориса Генриховича якобы принял. Но думаю, что он просто уничтожил первое — ему в послужном списке такой эпизод тоже был ни к чему. И все-таки он им отомстил — поменял место ссылки с Норильска на Дудинку. Еще и этапом их послал, хотя они были ссылными и могли передвигаться сами.

Дудинка тогда — маленький одноэтажный поселок. Борис и Тамара оказались там без каких бы то ни было средств к существованию. Негде жить, нет ни денег, ни работы. Я помню их рассказы о том, как сложно было там выживать. Был один особенно страшный случай: им совсем негде было ночевать. Хоть ложись на улице и помирай в тридцатиградусный мороз. И какой-то знакомый, который работал в инструменталке зоны (там, конечно, была зона), предложил переночевать там. Эта инструменталка имела два помещения и два входа: один из зоны, через него эки получали инструмент, а второй с улицы, откуда входили вольнонаемные работники. Знакомый сказал: «Приходите к концу рабочего дня, я вас закрою внутри; дверь зоны тоже будет закрыта, а в шесть утра я приду и вас выпущу». Так и сделали. Они улеглись на деревянные стеллажи для инструментов, прижались друг к другу, чтобы было теплее. И вдруг за дверью со стороны зоны раздались громкие голоса — там собрались охранники. Дверь между двумя помещениями была закрыта, но охранники были с собаками, которые могли их учуять. У охранников веселье, пьянство, мат... Тамара вспоминала: «Мне никогда в жизни не было так страшно!» Все что угодно могло с ними быть, если бы их обнаружили. Могли и пристрелить на месте. Не говоря уже о том, чем бы это грозило пустившему их знакомому ссылному.

Но возможно, из-за запаха машинного масла собаки ничего не почуяли, и эта жуткая ночь, в конце концов, закончилась, утром пришел знакомый и их выпустил. Им предстояло прожить в Дудинке еще пять лет.

Через некоторое время Тамара нашла работу — она считала выходящие из карьера грузовики. В том же, продуваемом насквозь, пальто из плюшевой занавески. Работавшие в карьере уголовники говорили: «Тамара Николаевна, зайдите в будочку! Мы сами сосчитаем». К ней очень хорошо относились, всегда называли по имени-отчеству. Это сейчас мы почти полностью перешли на имена, а в то время уважительным было обращение по имени и отчеству.

С детства я помню, как Борис Генрихович и Тамара Николаевна говорили: «А потом мы устроились в филиал Норильского комбината, и нам дали комнату. И вот тогда стало чуточку легче». Всю жизнь я полагала, что это была маленькая, но все-таки настоящая комната... Случайно, уже в самом конце жизни, Тамара Николаевна показала мне фотографии из Дудинки: «А вот это наша комната». Среди моря грязи маленькая, обшитая горбылем хибарка на две семьи, то ли избенка, то ли сарай — и это «стало легче»...

Борис Генрихович никогда не переставал писать заявления о своей невиновности, прошения и просьбы о пересмотре дела. Писал Сталину, писал Берии. А уж после смерти Сталина писал, и писал, и писал, и добился своего!

В 1955 году он получил устное разрешение приехать в Ленинград и хлопотать здесь самому. В считанные дни они распродали все, что у них было. Лучшее всего шли использованные лезвия от бритв. В Дудинке их было почти невозможно достать, поэтому, когда лезвия становились совсем тупыми, Борис Генрихович аккуратно складывал их в особую коробочку — вдруг еще пригодятся. И вот эти лезвия разошлись, как горячие пирожки. Продали все и поехали в Ленинград, где Борис Генрихович продолжил добиваться реабилитации.

Реабилитирован он был в 1956 году. Им дали комнату на Петроградской стороне. Помню, как они купили шкаф: Тамара Николаевна поверить не могла, что все шесть полок — ее! Сюда можно белье положить, сюда — пододеяльники. Такой роскоши в их совместной жизни еще не было.

Борис Генрихович, который в молодости всегда был очень элегантен, вернулся из ссылки в таком уродливом ширпотребовском пальто, что это запомнилось всем его знакомым. Но он был полон решимости восстановить свою жизнь, и это ему удалось. Надо сказать, окружающие очень его поддерживали.

Жизнь начала налаживаться, но бывали и трудные времена, когда не было заказов, и тогда они ели только творог и картошку. Я об этом узнала много позже из рассказов Тамары Николаевны. Это действительно никогда не афишировалось. Но как только появлялись деньги, Борис Генрихович тратил их все на книги по искусству. И говорил: «Томочка, это твое наследство». Думаю, Тамара Николаевна и тогда понимала, что много за книжки по искусству стран народной демократии не выручишь, но книги были необходимостью для Бориса Генриховича. Тамара говорила: «Бобочка, нужно сшить тебе новый костюм! Ты же ходишь черт знает в чем». «Томочка, у меня прекрасный костюм! — я помню, как он это говорил. — Ты еще меня в нем похоронишь, и все будут говорить: «Как элегантно Борис Генрихович выглядел в гробу!» До ареста у него была колоссальная библиотека, и ему хотелось ее восстановить. Восстановить свою жизнь с того момента, когда она разрушилась.

Через несколько лет ему дали мастерскую на улице Блохина. Сдав комнату государству, Борис Генрихович смог перевести мастерскую в статус квартиры и прожил в ней все оставшиеся годы. Его профессиональная деятельность шла по двум направлениям. Первым была графика, иллюстрации и оформление книг. Другое направление — керамика: фарфоровые блюда, вазы, графины, настенные панно. В 1962 году в Ленинграде состоялась его

персональная выставка. Когда Тамара говорила: «Скоро откроется наша выставка», в художественных кругах иронизировали: «Что это еще за «наша выставка»? Томочка-то тут при чем?» Но это, действительно, была их выставка! Потому что у них была одна жизнь на двоих. Тамара всегда была с ним рядом. Она была с ним на улице, в гостях, в поликлинике. Когда он болел, она сама ездила принимать заказы, сдавать его работы. У нее не было художественного, да и вообще никакого образования, но был врожденный тонкий художественный вкус.

Пара они были удивительная: Борис Генрихович — небольшого роста, с сильными «минусовыми» очками, совсем не красавец, и молоденькая, гораздо моложе его, беленькая, кругленькая Тамара с громадными голубыми глазами.

Борис Генрихович был всегда безупречно элегантен, остроумен, энергичен. Его разносторонняя образованность, глубокая воспитанность и жизнерадостный юмор делали его интереснейшим собеседником. Про его многолетние ночные кошмары, когда ему снился расстрел, про то, что он годами вздрагивал от любого звонка в дверь, не знал никто. Эту дистанцию между светским общением и собственными переживаниями он держал аристократически.

Умер Борис Генрихович 10 января 1979 года, до самого конца сохранив полную ясность ума. Он работал до последнего дня. Когда не стало сил сидеть за столом, продолжал работать лежа в постели.

У Тамары Николаевны родственников не было. После смерти Бориса Генриховича она одиноко (если не считать нашей семьи) жила в мастерской, оставив там все так же, как было при их совместной жизни, но взяв с нас обещание, что после ее смерти мы сохраним архив Крейцера. Тамара Николаевна умерла 7 октября 2011 года.

1905 г. Борис Крейцер родился в городе Грозном.

1920–1925 гг. Учится в Петрограде: в училище Штиглица (по другим сведениям — в коммерческом училище Шидловской), затем на архитектурном факультете Академии художеств (в то время — петроградский ВХУТЕИН)

1925–1938 гг. Пробует себя в области книжной и станковой графики, в соавторстве с Борисом Смирновым создает иллюстрации для детского журнала «Ёж». Работает архитектором в ряде проектных организаций Ленинграда, в том числе в «Роскинопроекте», проектирует промышленные и гражданские здания, кинотеатры. Занимается преподавательской работой.

Михаил Фроман. Хлеб. — Ленинград: Ленгиз, 1926 (Совместно с А. Барутчевым)

Проект кинотеатра в г. Бежице, начало 1930-х годов. Авторы — Борис Смирнов, Борис Крейцер и Борис Пятунин

Журнал «Ёж». — Ленинград: Молодая гвардия, 1931. На обложке — рисунок Бориса Крейцера

Генрих Гейне. Германия. Зимняя сказка. — Ленинград: ГИХЛ, 1933. Дизайн и иллюстрации Бориса Смирнова и Бориса Крейцера

1933–1936 гг. Борис Крейцер и Борис Смирнов издают несколько теоретических трудов по архитектуре (проектирование больничных сооружений).

1936 г. Архитектурные работы Крейцера и его коллег по «Роскинопроекту» подвергаются критике в печати в рамках кампании против формализма в искусстве.

«...Ведущая группа архитекторов мастерской — Крейцер, Смирнов, Пятунин — идет по явно ложному пути. Надуманность форм, отрыв от действительности — вот характерные черты творчества этой группы архитекторов, усугубленные малопонятными графическими выкрутасами...»

Из статьи «Сумбурные „принципы“ и вредная практика». «Архитектурная газета», 3 апреля 1936 года

5 февраля 1938 г. Борис Крейцер арестован по подозрению в шпионаже в пользу Японии.

2 сентября 1938 г. Комиссией НКВД и Прокурора СССР Борис Крейцер приговорен к расстрелу в составе списка «харбинцев» № 19.

10 сентября 1938 г. Выдано предписание на расстрел по списку «харбинцев» № 19. Расстрел Крейцера отложен из-за расхождения в записях анкетных данных.

Ноябрь 1938 г. Приговоры, вынесенные «двойками», отменены. Дело Крейцера вместе с делами других «недорасстрелянных» направлено на доследование.

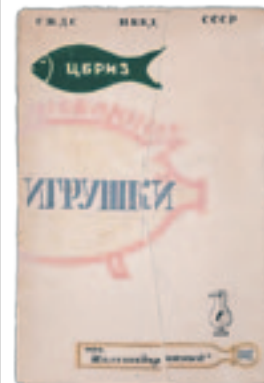
26 июля 1939 г. Борис Крейцер осужден Особым совещанием при НКВД СССР к 8 годам исправительно-трудовых лагерей за шпионаж.

1939–1946 гг. Отбывает наказание в Севжелдорлаге (Архангельская область, г. Котлас), работает инженером Мостозавода.

«С 1941 г. работал в качестве инженера, а затем старшего инженера проектного отдела Мостозавода. За шестилетнюю работу на Мостозаводе я в большей или меньшей степени участвовал в конструировании почти всех металлических мостов по линии Котлас–Кожва и Коноша–Котлас».

Борис Крейцер. Из заявления о пересмотре дела

Папка с эскизами токарных игрушек, разработанными з/к Крейцером, 1942

27 июля 1946 г. Крейцер освобожден из лагеря, но продолжает работать там же по вольному найму.

1947 г. Борис Крейцер переезжает в Сыктывкар. Работает архитектором, преподает в строительном техникуме, сотрудничает с местными театрами. Знакомится Тамарой Клюкиной и вскоре женится на ней.

1948 г. Переезжает с женой в Псков. Заведует бюро экспертизы Псковского облотдела по делам архитектуры, по совместительству работает старшим архитектором Облпроекта.

12 мая 1949 г. Повторно арестован.

6 июля 1949 г. Осужден Особым совещанием при МГБ СССР «за прошлую деятельность» к ссылке на вечное поселение в Красноярский край. Отправлен по этапу в Норильск, оттуда на место ссылки — в Дудинку. Тамара следует за мужем.

1949–1955 гг. Борис и Тамара живут в Дудинке, работают в местном филиале Норильского комбината.

1955 г. Борис Крейцер возвращается в Ленинград и начинает процесс реабилитации.

20 февраля 1956 г. Военный трибунал Ленинградского ВО отменяет оба постановления Особого совещания и прекращает дело Крейцера за отсутствием состава преступления.

Эскиз логотипа сыктывкарского театра, 1947

1956–1979 гг. Борис Крейцер живет в Ленинграде, иллюстрирует и оформляет книги, создает плакаты и художественную керамику, работает в составе художественных советов. Работы Крейцера принимают участие в 23 выставках, в том числе в четырех международных.

Хочу всё знать! Научно-художественный альманах для детей. — Ленинград: Детгиз, 1959

Борис Розен. Материалы тысячи назначений. — Ленинград: Детгиз, 1960

Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. — Ленинград: Детгиз, 1960

1962 г. В зале Ленинградского отделения Союза художников РСФСР проходит персональная выставка Бориса Крейцера.

Каталог персональной выставки Бориса Крейцера, 1962

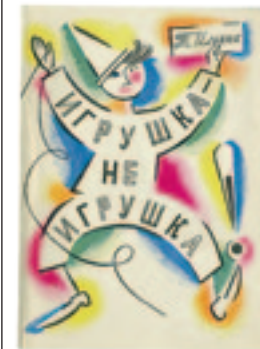
Юлий Тонин. Каменный друг: Рассказы о том, как города меняют лицо. — Ленинград: Детгиз, 1962

Нина Гернет, Григорий Ягдфельд. Катя и чудеса: Сказка для театра. — Ленинград: Детгиз, 1963

Татьяна Ильина. Игрушка — не игрушка. — Ленинград: Искусство, 1964

Леонид Борисов. Щедрый рыцарь. — Ленинград: Детгиз, 1964

Леонид Рахманов. Очень разные повести: печальная, добрая, старинная, военная, озорная. — Ленинград: Советский писатель, 1965

Хочу всё знать! Научно-художественный альманах для детей. — Ленинград: Детгиз, 1965

Нина Гернет, Григорий Ягдфельд. Пропал дракон: Киноповесть. — Ленинград: Детская литература, 1968

Набор посуды для рыбы, керамика, 1960-е

Сергей Погореловский. Вот что с буквами случилось. — Ленинград: Художник РСФСР, 1969

Даниил Хармс, Иван Иванович Самовар, Иван Топорышкин. — Ленинград: Художник РСФСР, 1973

Самуил Маршак. Эпиграммы. — Ленинград: Художник РСФСР, 1978

10 января 1979 г. Борис Генрихович Крейцер умер в Ленинграде.

Карло Гоцци. Король-олень: Трагикомическая сказка для театра в 3-х действиях. — Ленинград: Искусство, 1979

Конец первой части

991

304

Конец второй части

Тесто режуг и катают,
Тесто мнут и загибают,

Ставят формы для хлебов,
Наполняют до краев.

Заплетают крендельками
Манут маслом и желтками.

А для тех, кто лаком,
Посыпают маком.

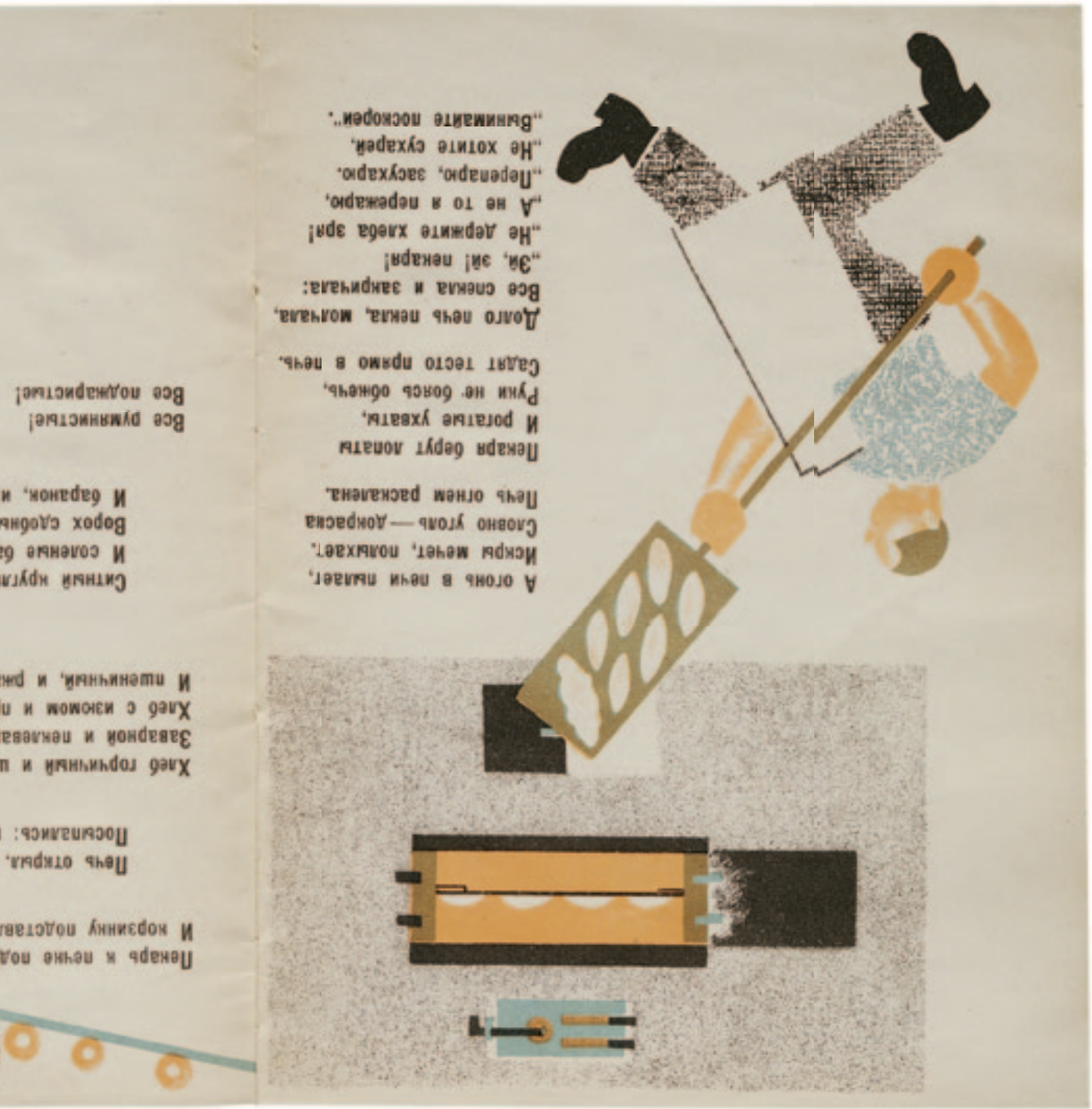
Земля дрожит:
Паровоз бежит,
А за ним вагончики —

Красные фургончики,
А вагончики гремят,
А колесики стучат:

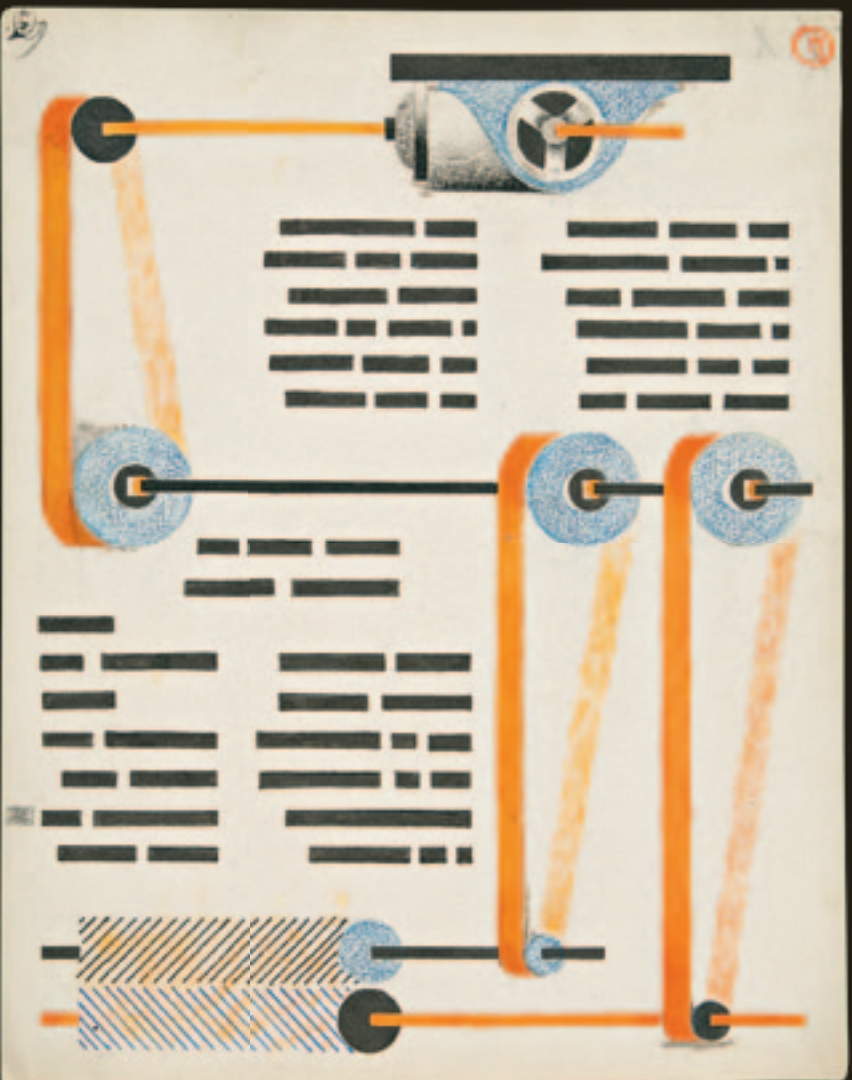
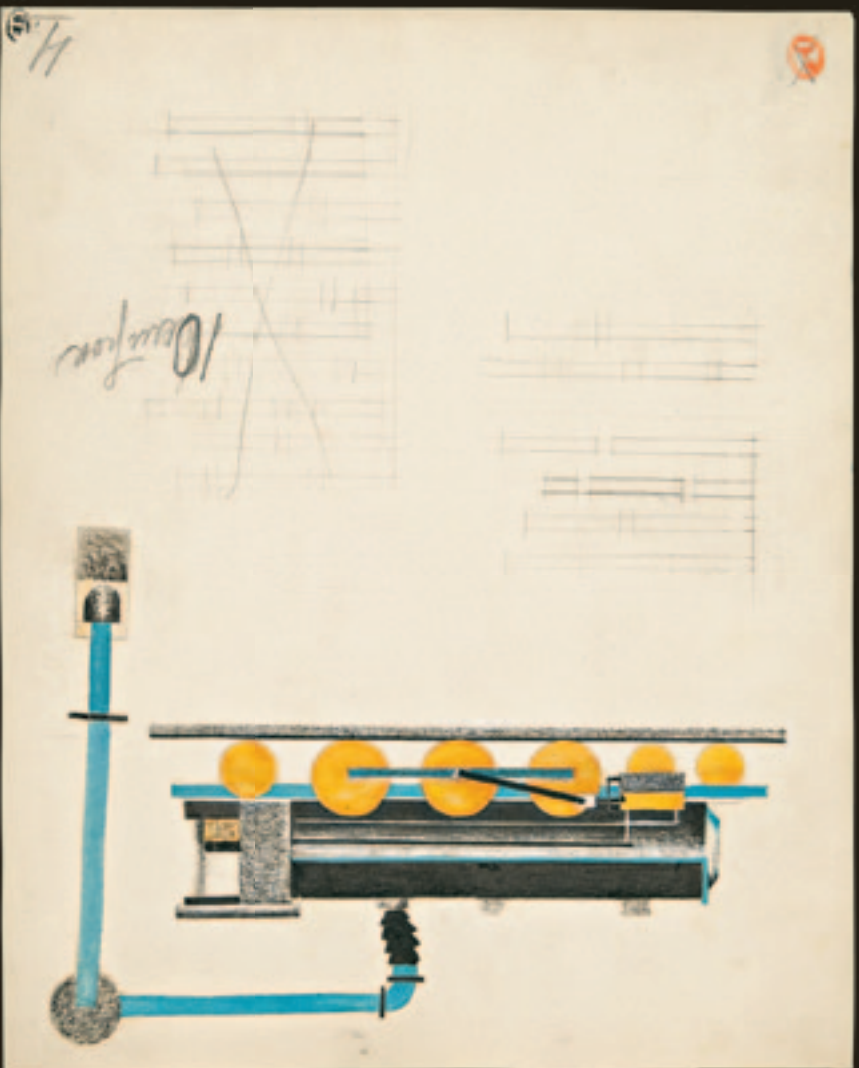
„Скоро ли, скоро ли, скоро ли,
„Мы приедем в Ленинград?
„Скоро ли, скоро ли, скоро ли,
„Отдохнем мы?“ — говорит.
А трехглазый паровоз

Отвечает на вопрос:
„У-гу-гуу! Теперь уж скоро!
„Подъезжаем мы, друзья!
„Показались семафоры,
„Водокачку вижу я“.

Михаил Фроман. Хлеб. —
Ленинград: Ленгиз, 1926.
Оформление и иллю-
страции — Борис Крейцер
и Армен Барутчев

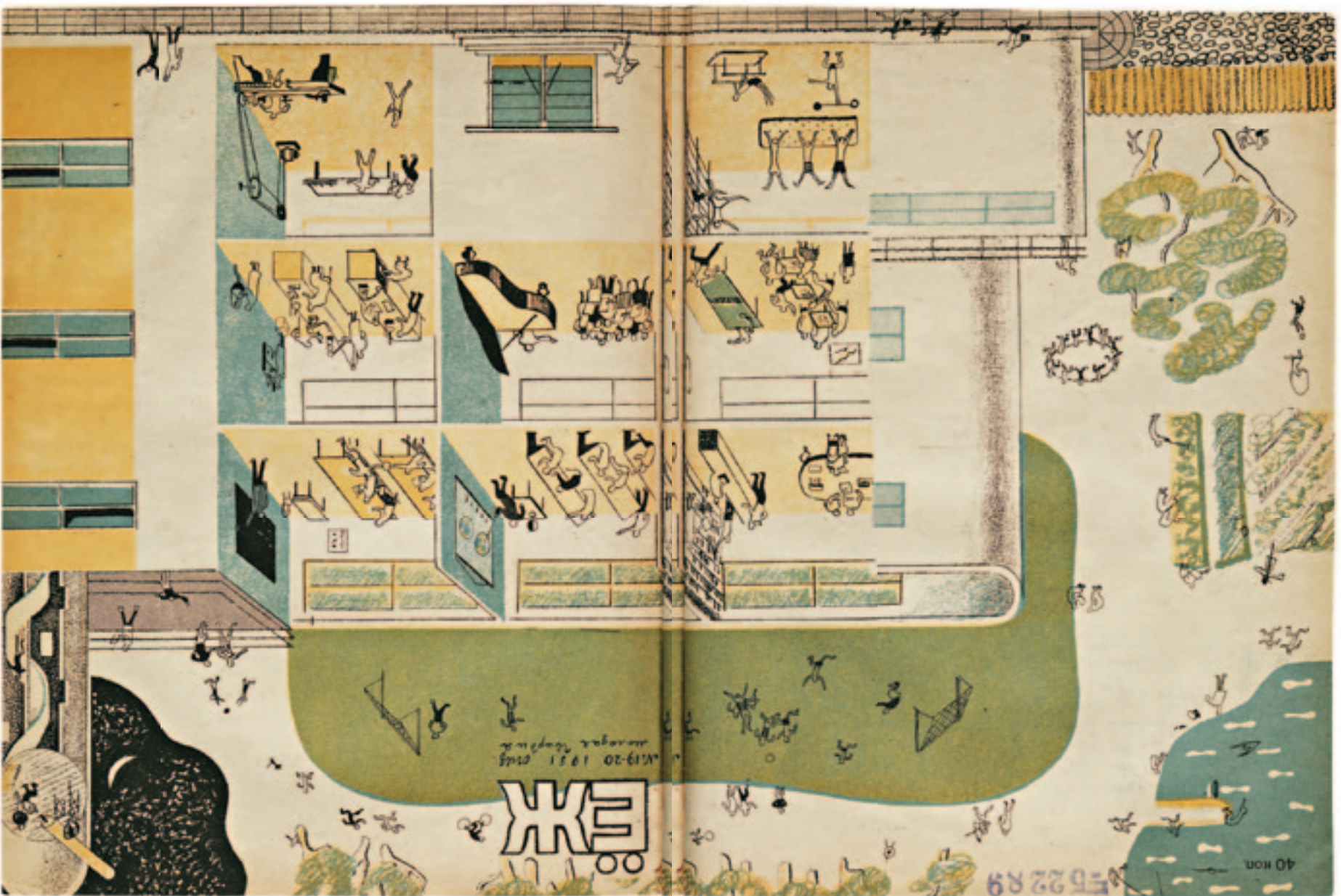
Макет книги «Хлеб»

из собрания Русского музея

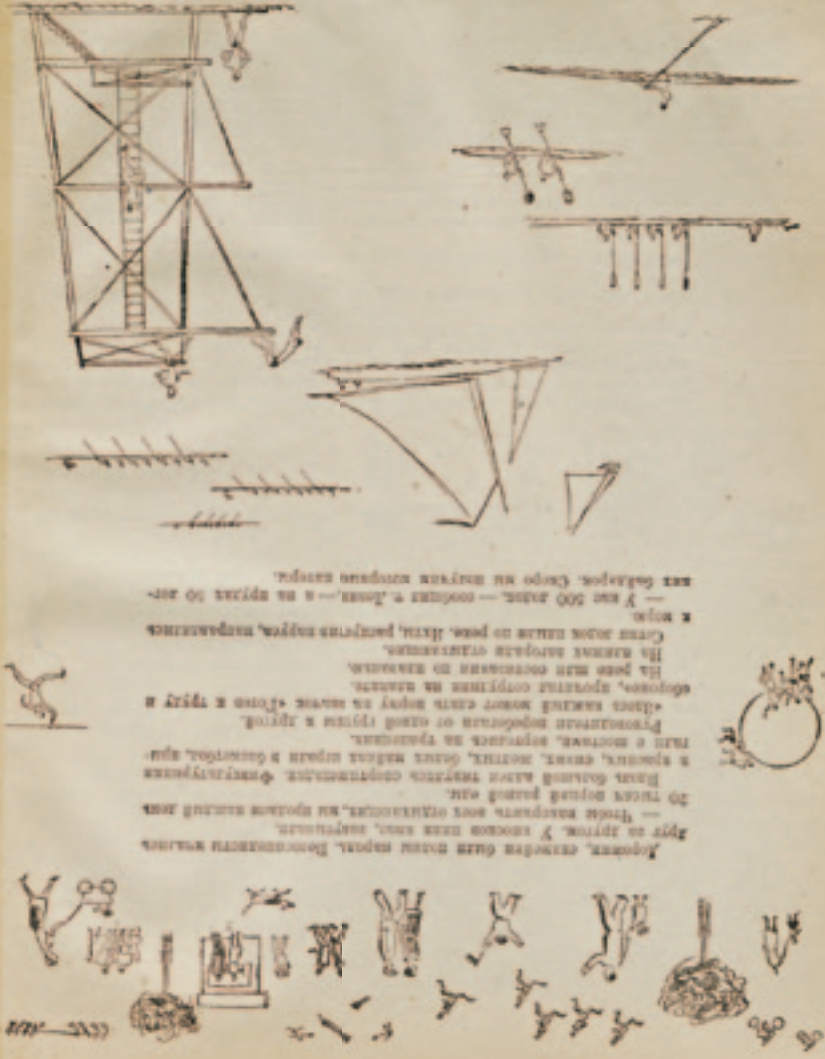
Наталья Козырева,
заведующая отделом рисунка
Государственного Русского музея

В отделе рисунка Русского музея хранятся 15 листов, представляющих собой макет (иллюстрации и варианты) детской книжки «Хлеб». Автор текста — Михаил Фроман, соавторы-иллюстраторы — Борис Крейцер и Армен Барутчев. В нижней части обложки имеется надпись: «Ленин 1925». Книга действительно вышла в Государственном издательстве, но годом позднее, в 1926 г. Макет поступил в собрание Русского музея в 1984 г. от вдовы художника Тамары Николаевны Крейцер.

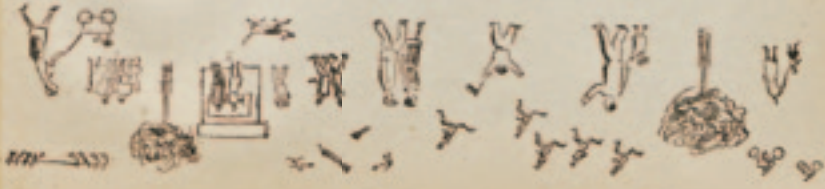
Иллюстрации, созданные очень молодыми авторами, студентами архитектурного факультета Академии художеств, можно назвать характерным примером новой советской детской книги, которая в эти годы стала местом приложениия лучших художественных сил Ленинграда. В макете «Хлеб» отчетливо просматриваются черты образного решения книг, созданных в 1920-е годы В. В. Лебедевым и авторами его школы. Обобщенность и яркость образов, лаконизм графического языка, строгая конструктивность организации страниц и разворотов, включающих изображение и текст, единство ритма живописно-пластических масс и силуэтов на белом листе, — все эти качества присущи стилю в издании 1926 года.

Журнал «Эж». — Ленинград:
 Молодая гвардия, 1931.
 Обложка В. Крейцера

Лопата, прикрепляемая к концевому выключателю
 крюка на шпиль. У крюков нет концевых выключателей,
 но крюки имеют концевые выключатели. При работе
 крюков концевые выключатели должны быть включены
 в работу, иначе, когда крюк выйдет за пределы,
 тали и механизм, работающий на тросе,
 выйдут за пределы своей работы. При работе
 тали и механизма концевые выключатели должны
 быть включены в работу. При работе тали и
 механизма концевые выключатели должны быть
 включены в работу. При работе тали и механизма
 концевые выключатели должны быть включены
 в работу. При работе тали и механизма концевые
 выключатели должны быть включены в работу.

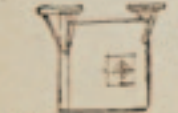
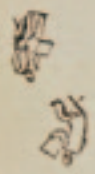
— При работе тали и механизма концевые выключатели
 должны быть включены в работу. При работе тали и
 механизма концевые выключатели должны быть
 включены в работу. При работе тали и механизма
 концевые выключатели должны быть включены
 в работу. При работе тали и механизма концевые
 выключатели должны быть включены в работу.

— При работе тали и механизма концевые выключатели
 должны быть включены в работу. При работе тали и
 механизма концевые выключатели должны быть
 включены в работу. При работе тали и механизма
 концевые выключатели должны быть включены
 в работу. При работе тали и механизма концевые
 выключатели должны быть включены в работу.

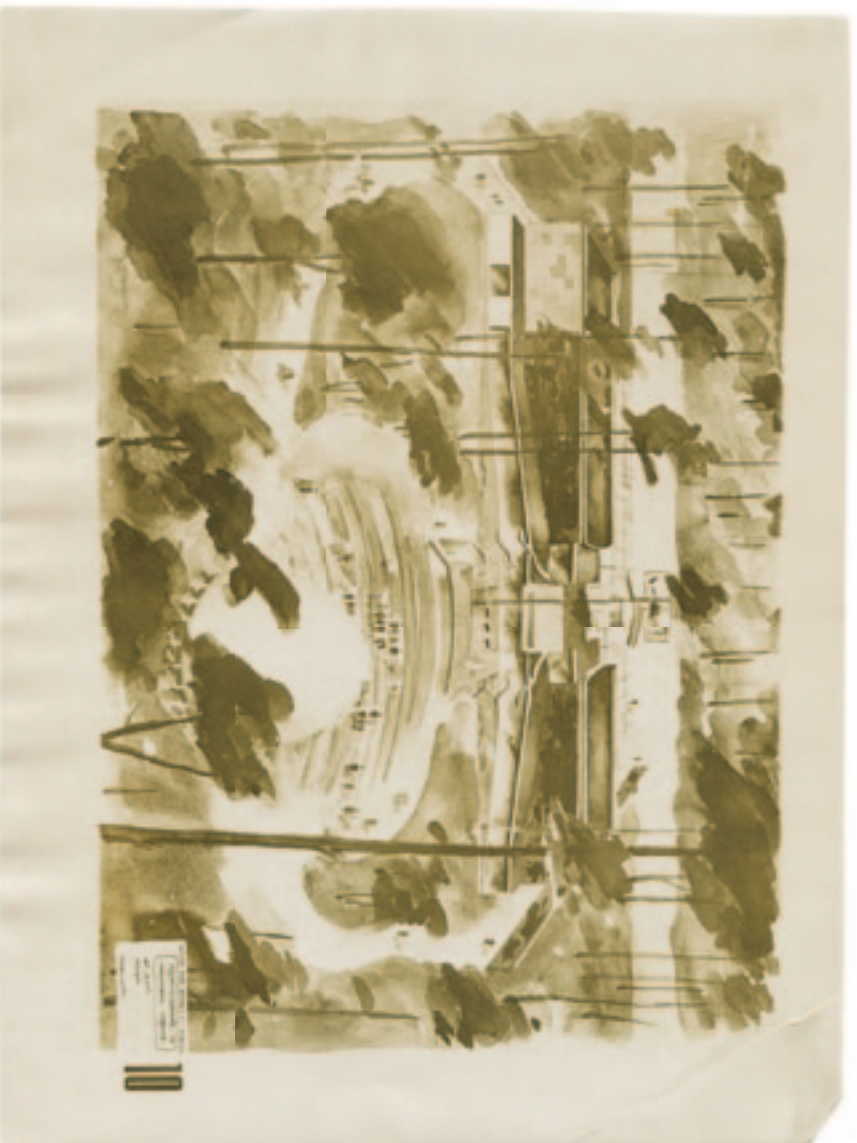
— При работе тали и механизма концевые выключатели
 должны быть включены в работу. При работе тали и
 механизма концевые выключатели должны быть
 включены в работу. При работе тали и механизма
 концевые выключатели должны быть включены
 в работу. При работе тали и механизма концевые
 выключатели должны быть включены в работу.

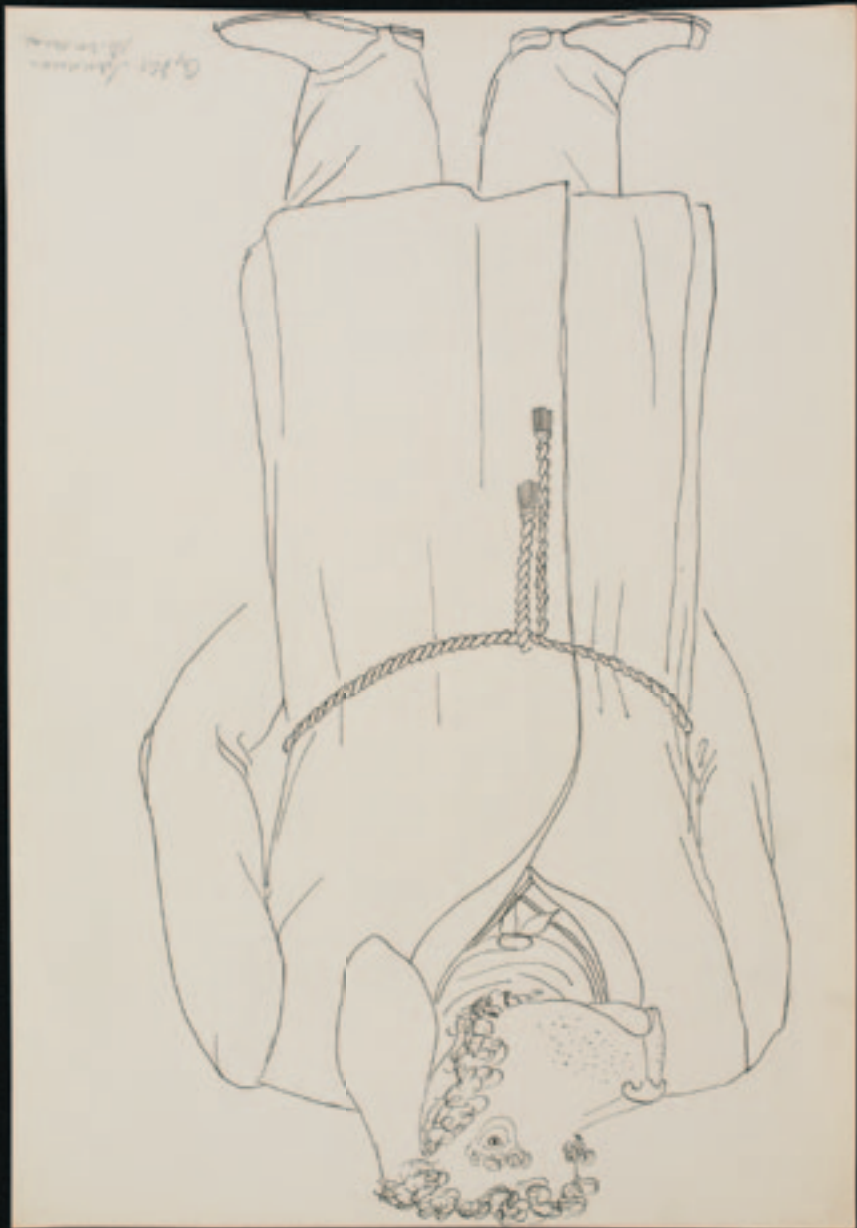
II

Проект кинотеатра
в г. Бежице, первая
половина 1930-х годов.
Авторы — Борис
Смирнов, Борис Крейцер
и Борис Пятунин

10

Бувица и иллюстрация к роману
Франсуа Рабле «Гаргантюа
и Пантурюэль», первая половина
1970-х годов

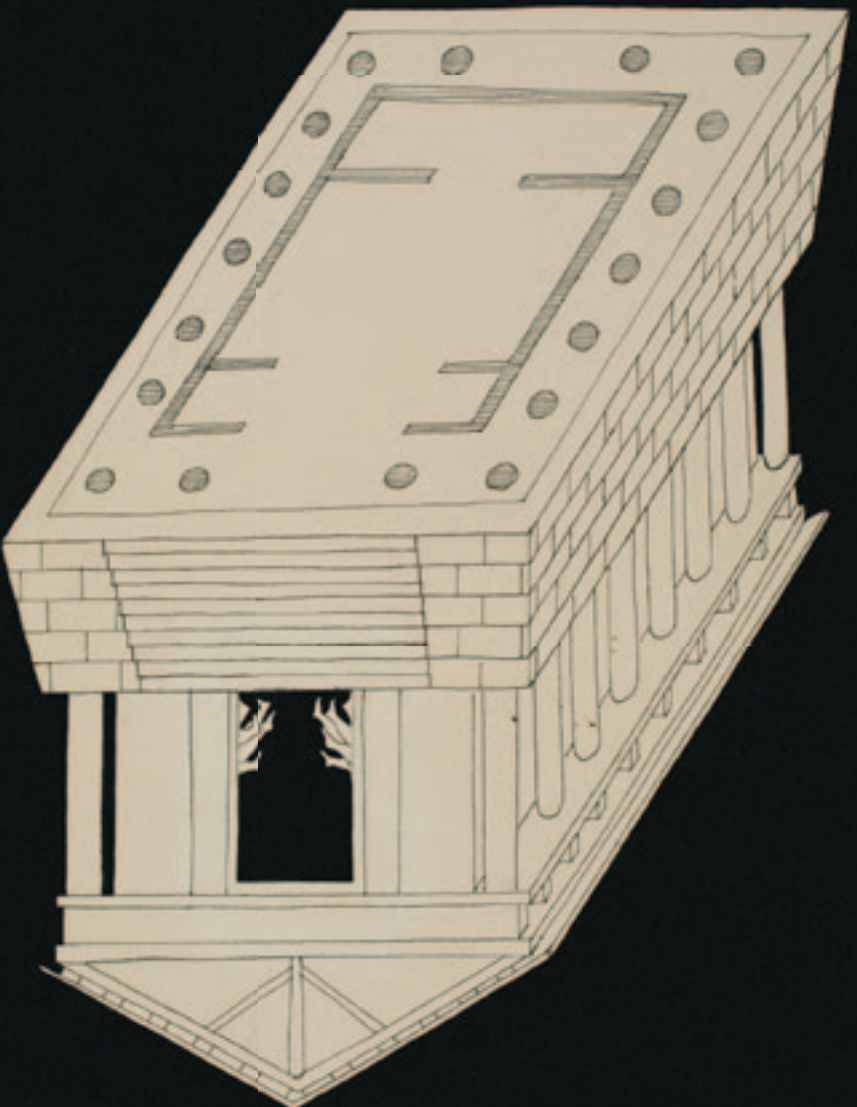

278

Часть вторая

279

«Война мышей и лягушек», звери Гоголя»

и другие иллюстративные циклы из собрания
Третьяковской галереи

Екатерина Архипова,

хранитель музейных предметов,
отдел графики XX века, Госулар-

твенная Третьяковская галерея

Ирина Лейтес,

хранитель музейных предметов,
отдел графики XX века, Госулар-

твенная Третьяковская галерея

В собрании Третьяковской галереи хранятся четыре иллюстративных цикла Бориса Крейцера. Два ранних — иллюстрации к пародийной древнерусской поэме «Война мышей и лягушек» («Ватрахомино-махия») и «Общечеловеческие звери Гоголя» — созданы в середине 1930-х годов, поступили в нашу коллекцию в 1993 году от вдовы художника, Т. Н. Крейцера. В этих работах художник намеренно выбирает необычные ракурсы и интересен изображением героя с звериными чертами. Прием пользуется образами животных. Примечательно, что звериными масками вместо лиц весь ма оригинален, хотя и сам Гоголь неоднократно сравнивал своих персонажей с различными животными. Весь этот «звериный мир» Крейцер представляет в изысканном черном, линарном исполнении, напоминающем о традициях «Мира искусства».

Два других цикла относятся к гораздо более позднему времени — к первой половине 1970-х годов. Это иллюстрации и элементы книжного оформления, созданные для романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (поступили в собрание галереи в 1980 году из ВХИИК) и для сказок К. Гоппи «Принцесса Турандот» (приобретены у автора в 1978 году). Работы отличаются яркими красками и подчеркнутой театральностью (особенно это ощущается в иллюстрациях к «Принцессе Турандот», что естественно, ведь Гоппи опирается на традицию комедии дель арте). А рисованные буквицы к роману Рабле своим озорством и веселым напоминанием работы французских миннатуристов эпохи Возрождения можно сказать, что и в этих поздних циклах художника находит свой исток в тех методах, которые использовали мастера «Мира искусства» с их любовью к историческим манерам изображения.

Генрих Гейне. Германия. Зимняя сказка. 2-е изд. — Ленинград: ГИХЛ, 1934. Дизайн Смирнова и Бориса Крейцера

Формление, предложенное в 1933 г. Крейцером и Смирновым для книги Л. Гейне «Германия. Зимняя сказка», включает футляр, супер-обложку и дублирующий переплет. Конструкция книги усложняется, чтобы подарить читателю новый опыт взаимодействия с текстом и иллюстрациями. Чтение превращается в приключение.

262

Часть вторая

263

Эскизы костюмов для комедии «Учитель танцев»

из коллекции ЦТМ им. А. А. Бахрушина

Мария Липатова,
старший научный сотрудник
отдела декорационно-изобра-
зительных материалов ЦТМ
им. А. А. Бахрушина

В 1989 году вдова художника

Бориса Генриховича Крейцера,
Т. Н. Крейцер, передала в собрание

Государственного центрального
театрального музея им. А. А. Бах-
рушина шесть листов с эскизами
костюмов. Еще семь листов из этой

же серии остались в частном
собрании.

Эскизы костюмов к комедии
«Жюль Верн «Учитель танцев»
Лопе де Вега созданы Борисом Крейцером
в 1955 году. Изображенные персона-

жи — знатные синьоры, дворянки,
музыкант — прописаны реалистично
и подробно, не только костюмы,

но и лица и даже жесты, позы, ми-
мика. В целом персонажи решены
слишком образно, что нехарактерно
для театральных художников, по-

скольку не требуется для пехов,
изготавливающих костюмы.
Тонкая изысканно-оттра-

ненная художественная манера
Б. Г. Крейцера сравнима с изящными
графическими листами позднего

периода творчества художников об-
единения «Мир искусства», многие
из которых продолжали в это время

работать в театре.
Исследователям жизни
и творчества Б. Г. Крейцера удалось
выяснить, что до второй половины
1940-х годов художник в театре

не работал. Поэтому, вероятно
все, эскизы из коллекции ЦТМ
им. А. А. Бахрушина являются
примером «воображаемого театра».
Художник, стремившийся найти
новую нишу для творчества, за-

думался о театрально-декорацион-
ном искусстве. Показывал ли он
кому-либо в театре свои эскизы?
Почти ли свои мечты режиссеру?
Или, может быть, даже получил
предложение нарисовать несколько
эскизов «на пробу», для чего и из-

готовил
данные
листы?
Эти
вопросы
пока
остаются
открытыми.

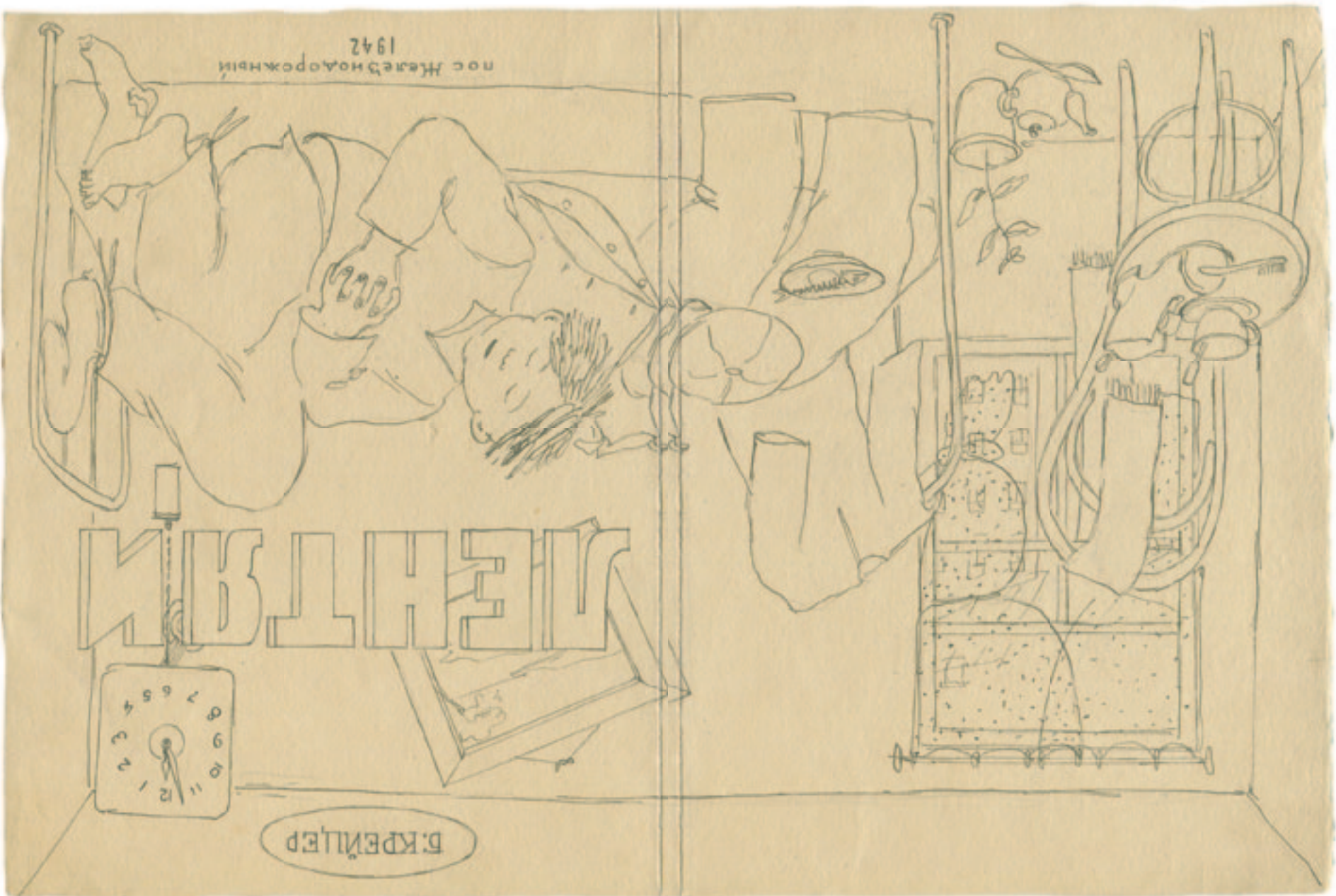
Любопытно, что в 1930-е

Крейцер сотрудничал с ленинград-
скими журналами «Чиж» и «Бж»,
вокруг которых тогда объединились

поэты-обарипуты и близкие им
художники. Обарипуты проявили
свои способности не только в поэзии
и прозе, но и в драматургии, они

даже создали несколько уникальных
театральных экспонатов. Однако
влияние их на Б. Г. Крейцера ока-
залось незначительным, он выбрал
самостоятельный путь и собственную
творческую линию литературы.

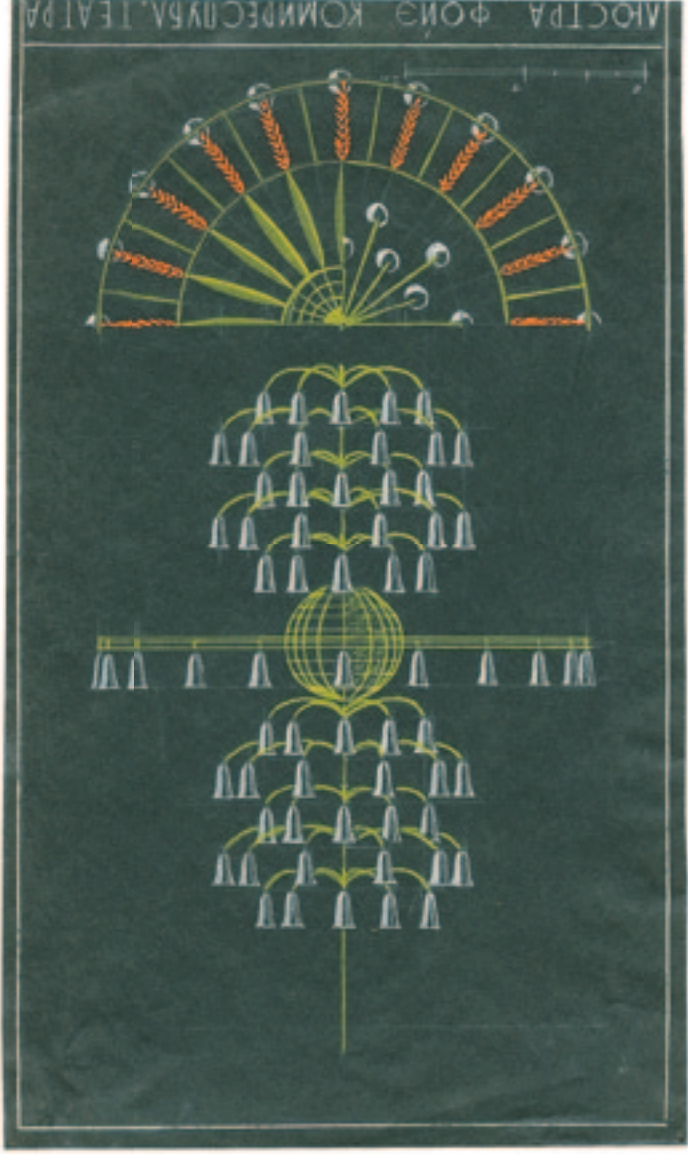
Примеры «воображаемого теа-
тра» в среде художников XX века не
единичны. Б. Г. Крейцер подтверж-
дает и дополняет своими работами
этот творческий феномен.

Эскизы логотипов
Композитивного театра
и Русского
драматического театра
в Сыктывкаре, 1947

Проект логотипа для фойе
Композитивного театра,
1947

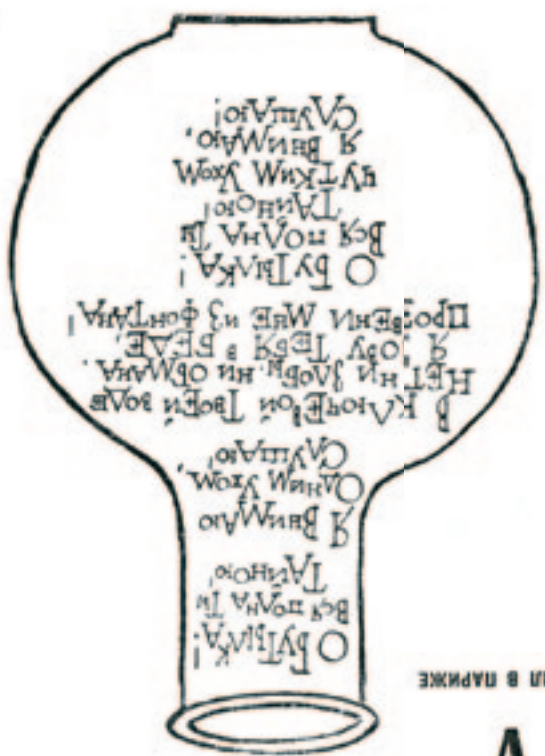
После освобождения из лагеря Борис
Крейцер не имел права вернуться
в Ленинград или поселиться в дру-
гом крупном городе, поэтому он
нашел работу в Сыктывкаре. В этот
недолгий период между лагерем
и сельской художник тесно соотруд-
ничал с сыктывкарскими театрами.

Хочу всё знать!
Научно-художественный
альманах для детей. —
Ленинград: Детиз, 1959

Хочу всё знать!
Научно-художественный
альманах для детей. —
Ленинград: Детиз, 1965

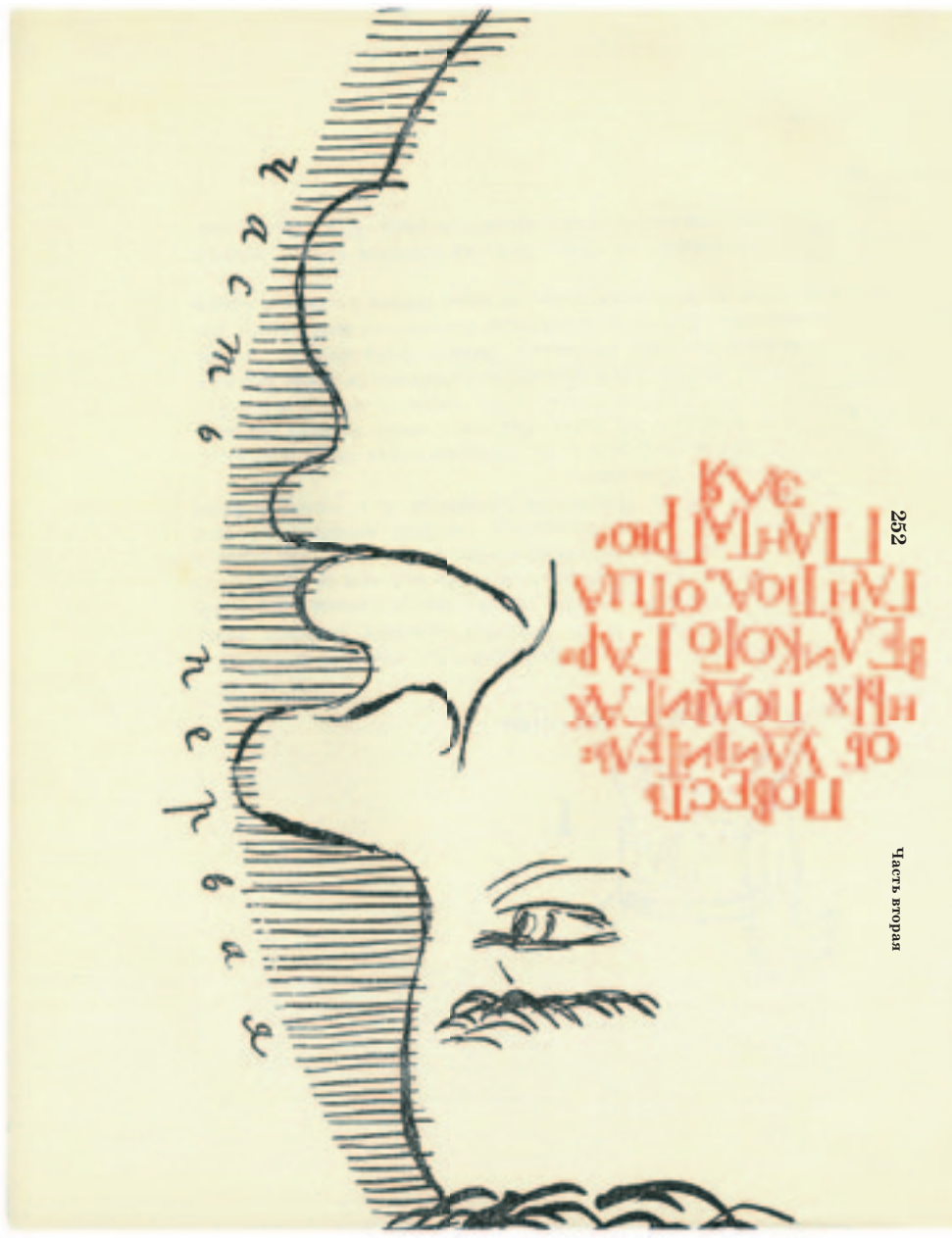
О том, как Гаргантюа жил в Париже

О том, как Гаргантюа был послан в Париж

На том
самом месте
где тебе бывало
ника, бесноватая,
лицо на земью
типована челе от
ки: при этом алет
когдам и оловин
зап-ело заглави и
закарини в уксусе и с
соуно. Все корви, тер:
полн, важки и соматри
помяте, что в жарко
время кушать зана без
укрва оуе-нр вдевно.

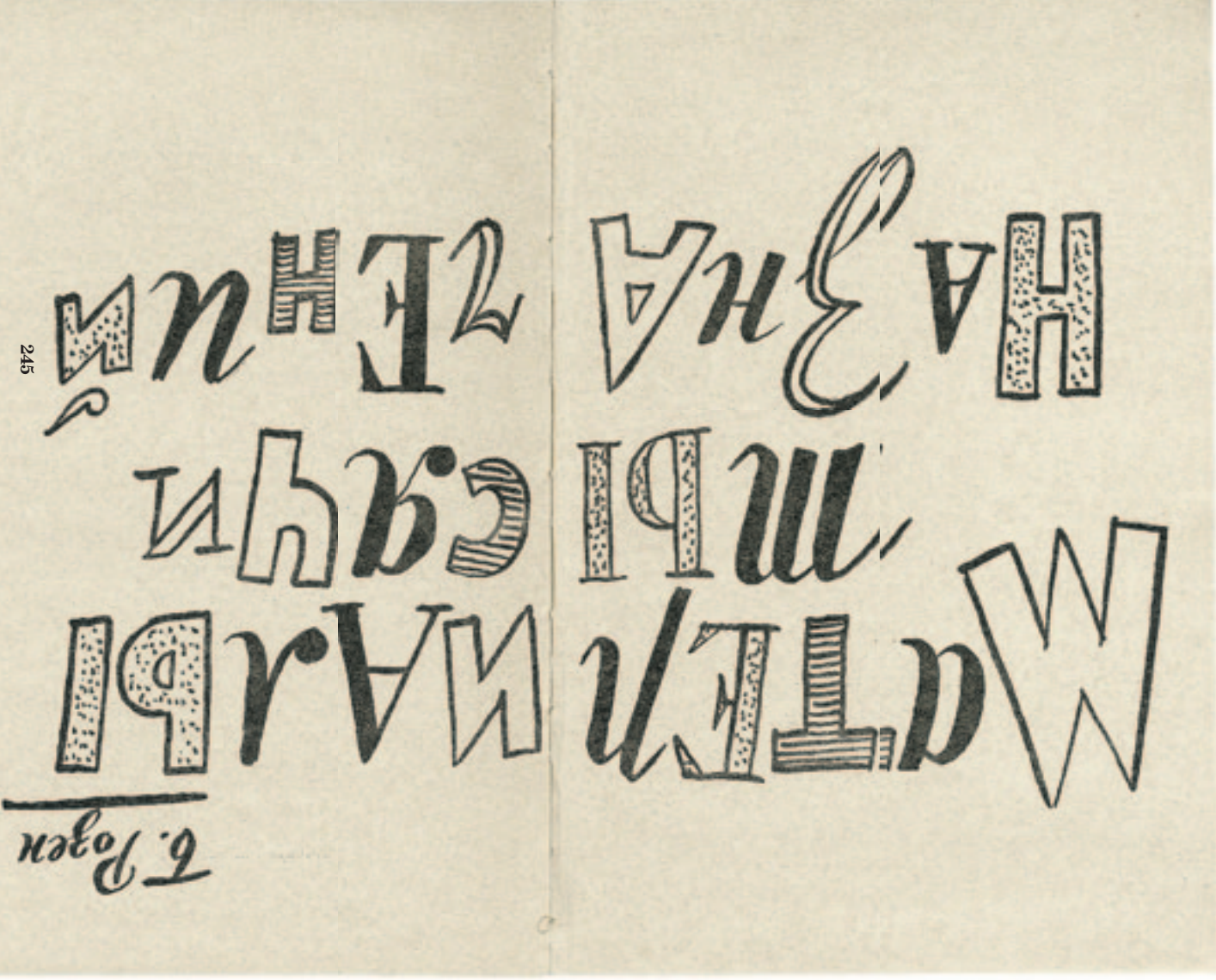
P V C
 P O I
 V T
 H V I I

n

 T O I
 H V I
 P V I I

ПОРБЕЦЬ ОБ
ВАНБНТАХ БВАНКО
ТАНТЮА, ОТУА
ТАПЮА,
ПОРБЕЦЬ О
ВАНБНТЕВНОН
НИ ΔΟΒΡΟΤΟ Π
ΠЮА, СЫНА ТАР

Еще не так давно в нашей стране лишь Москва и Ленинград печатали такие дорогие издания как «Ленинград и ней Киев и Харьков, Вязь и Таинный, Горький и Ижевск». А ведь за ними следуют Одесса, Саратов, Свердловск, Куйбышев, Минск, Рязань, Воронеж, Иваново и другие города, а вот как число изданий перешагнуло за полмиллиона.

Хорошо это или плохо?

Вряд ли кто-нибудь возмется дать на этот вопрос прямой ответ: хороший или плохой? Все зависит, что в меру.

Конечно, маленькому городу трудно, а иногда и невозможно «обслужить» самого себя. Да и большинство городов, особенно в таком городе, в нем не найти рабочих или других предприятий, нет никакой сети дорог, достать можно только некоторые промышленные и другие продукты.

Дать в большом городе, где быстрое развитие промышленности и торговое хозяйство, просто можно потерять все одно, и два, и три недели.

Ден и ночью над таким городом висит огромное серое облако, отравляет все вокруг и скрывает от жителей синий цвет неба. А шум, выхлопные газы, загрязнение воздуха, и шумность, и шумность, и шумность — все это можно пережить, но пережить все неприятности большого города!

Что же, получается заморозанный круг, из которого выйти никак невозможно?

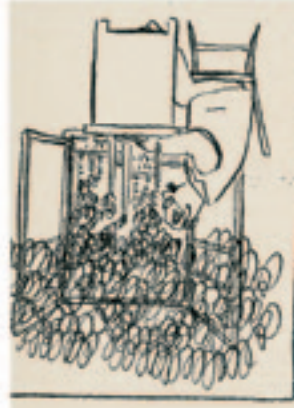
Нет, выдох есть! О нем говорили все, наступившие в мае засуха и дождь в Краснодарском крае. И в особенности встали новые улицы.

И основные поселки наших товарищей, побывавших на Всемирной выставке в Брюсселе. Сам вывоз из города в город, города думского года. Плановая программа своих размеров, но мало было денег, кому хотелось бы в этом городе жить.

Их программа встреч с французским архитектором Корбюзье. Кому исполнилось тогда семилетие лет. Давно — строить город так, чтобы люди были в нем счастливы.

Старая жизнь с горечью вспоминал о своих проектах — так буднично городом и спрашивал:

— Вы видите эти города?

Первое знакомство

Бухар!

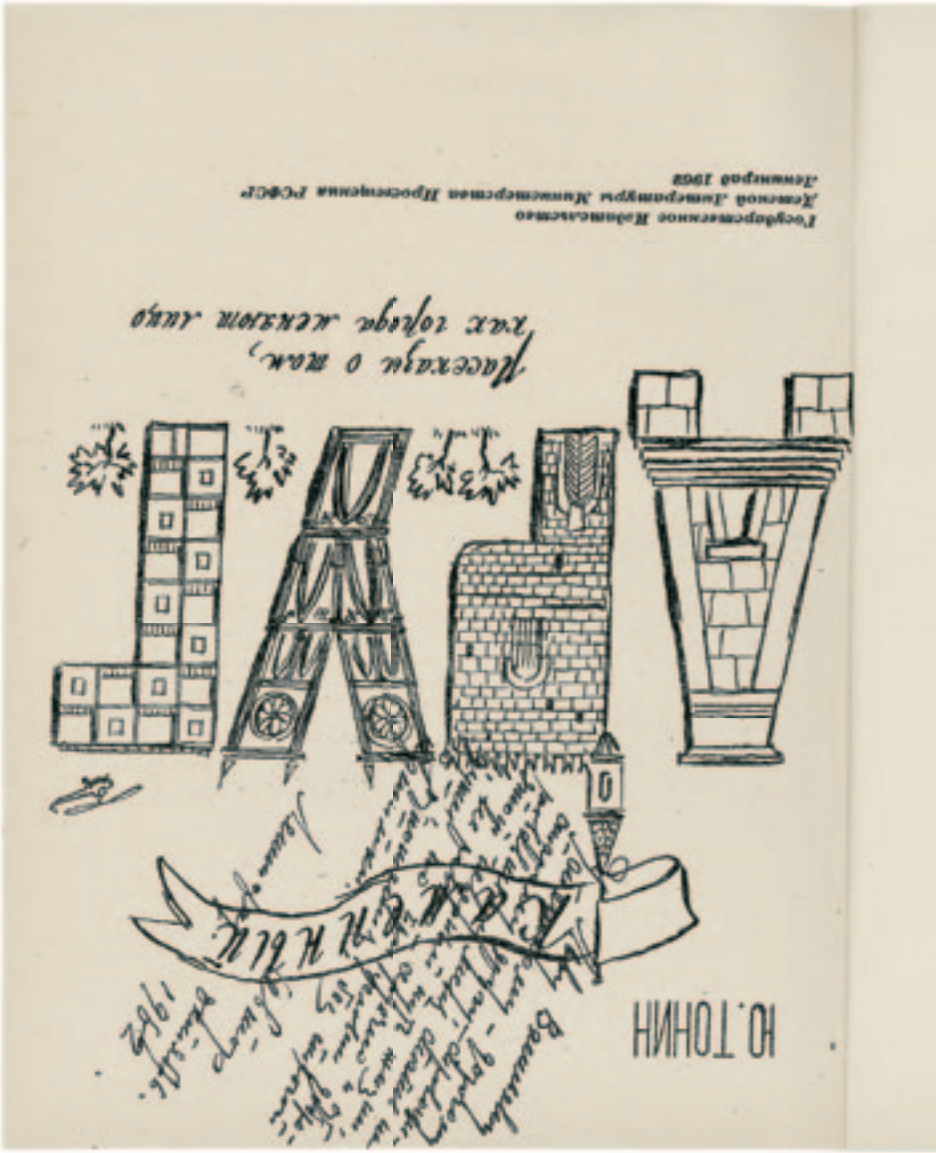
Сколько незабываемых воспоминаний осталось в моей памяти этот поистине необыкновенный город, прозванный его безжалостными правителями — ажарками — «городом великого княжеского круга! С кем сравнить первое «знакомство» поездки за пределы Катанга. С кем сравнить мою охоту и любовь к другим народам, так не похожим на тот, который меня окружал в нашем маленьком городе, воспринятом русскими и армянами Малай-Кум. Катанга, среднестатистический, взаимосвязанный сообщением в газетах о Катанге и Бухаре, было одно, о котором мне хотелось обязательно рассказать. Произошло это в 1918 году. В нашем городе это была советская власть. А Бухара, находившаяся от Катанга в двести километров от железнодорожной станции, была частым местом для наших друзей — Саид Амин-хана. Стучу можно часто приходилось бывать в Бухаре, и я, конечно, все еще оставалась притягательным местом и новатором жизни. Катанга, среднестатистический, взаимосвязанный сообщением в газетах о Катанге и Бухаре, было одно, о котором мне хотелось обязательно рассказать. Произошло это в 1918 году. В нашем городе это была советская власть. А Бухара, находившаяся от Катанга в двести километров от железнодорожной станции, была частым местом для наших друзей — Саид Амин-хана. Стучу можно часто приходилось бывать в Бухаре, и я, конечно, все еще оставалась притягательным местом и новатором жизни.

Иногда хочу сказать, должен быть с собой! ..

Бухар! Какое это было удивительное знакомство! И отец, я еще этого не помню, как будто не случилось ничего приятного. И отец, я еще этого не помню, как будто не случилось ничего приятного.

Юлий Тонин. Камениый
друт: Расказы о том,
как города мяняют
лицо. — Ленинград:
Детиз, 1962

Часть вторая

9

6

8

9

9

9

9

9

9

9

Каталог персональной выставки Бориса Крейцера, 1962

ЛЕНИНГРАД
1962

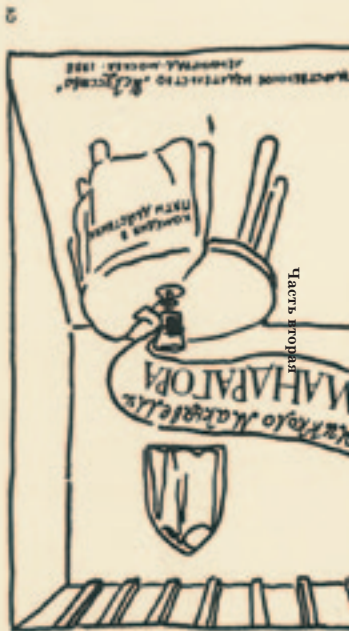
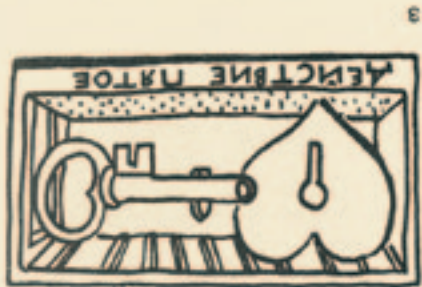
Борис Генрихович
КРЕЙЦЕР
Выставка
произведений

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
СОЮЗА
ХУДОЖНИКОВ
РСФСР

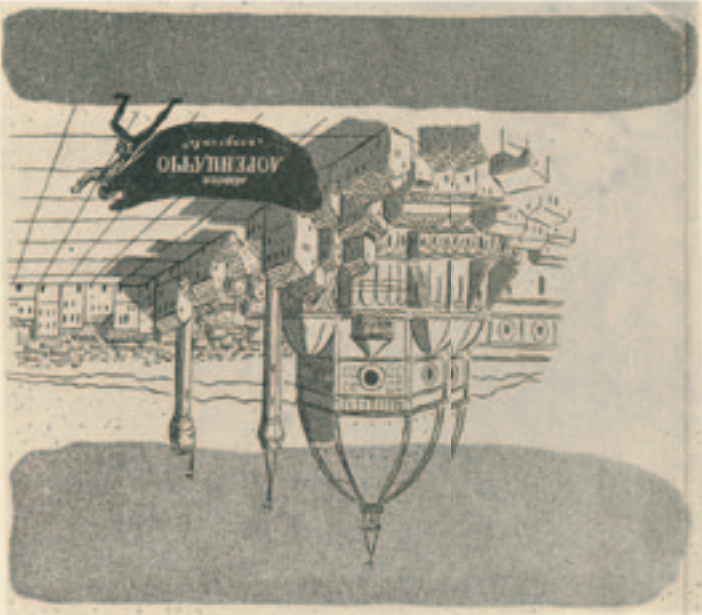
Музей Ленинграда
Сови́т дру́жеского сою́за
поздравляет Вас с юбилеем
100-лети́я (1917-1917) и
10-лети́я со дня рождения
Бориса Крейцера.
Ваша выставка в Музее
Ленинграда является
важным событием в жизни
города и страны.

Пригласительный билет на персональную выставку Бориса Крейцера, 1962

Часть пропада

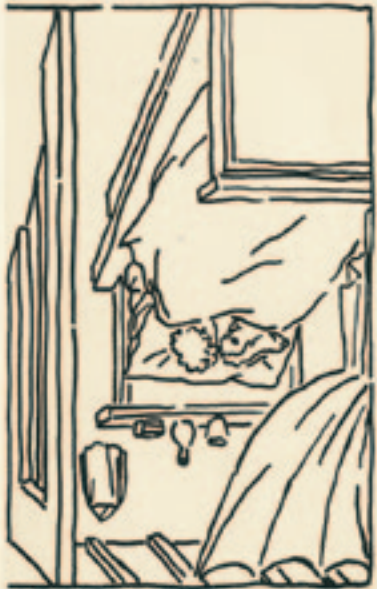
Редактор В. Д. Сурков.
 Подписано в печать 20/IX 1962 г.
 Формат 20х30 см.
 Л. 0,5. Уч.-изд. л. 0,64.
 Тираж 1000. М-60270 Зак. 816.
 «Художник РСФСР»,
 Типография № 4 УПП
 АСНХ.
 Цена 5 коп.

Крестин

Вот именно так, но опираясь на высокую типографскую технику, можно делать книги и современные художественные книги. Однако, что по техническим принципам это почти всегда недоступно.
 Почему-то во многих издательствах утвердилось мнение, что всего лучше мне удается работа над переводной или классической литературой. Стараюсь доказать, что могу справиться и с современной советской темой.
 Хотя больше всего работаю в книжной графике, но не хочу замыкаться в одной этой области. Вот почему работаю и над плакатами, промграфикой, керамикой.
 Анализа, а тем более оценки своих работ, конечно, дать не могу. Надеюсь, что это сделает зритель.

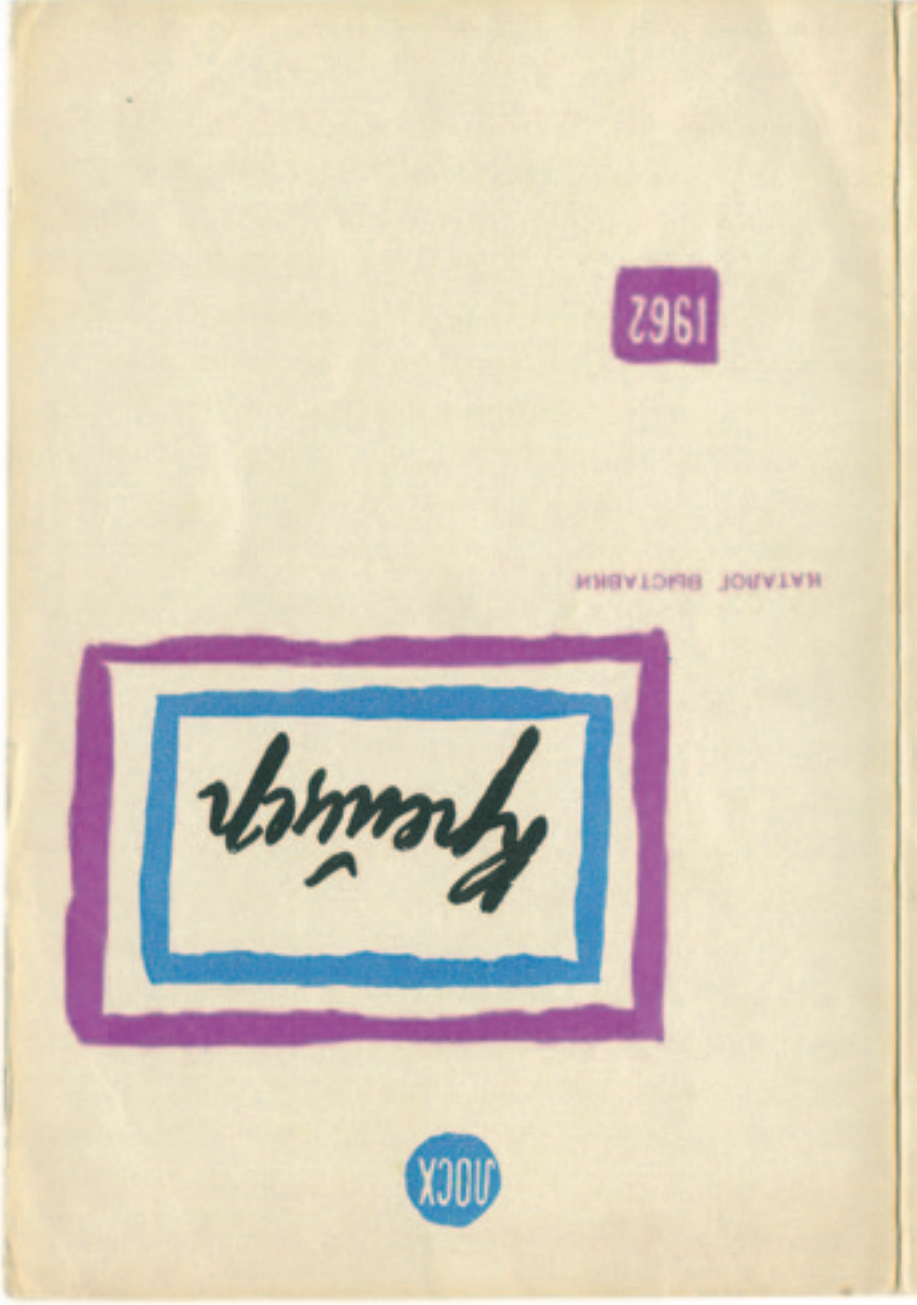

1. Обложка, 1960.
 2. 3. Титульный разворот, настолька, 1967.
 4. Ступоробинья, 1950.
 5. Обложка, 1960.
 6. 7. 8. Титульный лист, ампултигул, настолька, 1958.
 10. «Русская» и «Шекар», 1950.
- В тексте и на обложке — настолька и Д. Рубин (1958) и масткографика в Г. Гане (1933-1934).

Каталог персональной
выставки Бориса Крейцера,
пригласительный билет.
Ленинград, 1962

Вернувшись из ссылки, Борис Крейцер получил возможность работать, участвовать в выставках. Однако художнику крайне неохотно давали слово в прессе. Число опубликованных текстов Крейцера можно пересчитать по пальцам одной руки. По воспоминаниям друзей, Крейцер был замечательным расквасчиком, планировал писать и публиковаться. К сожалению, боляшничество доступных на сегодняшний день текстов, где звучит голос самого Бориса Генриховича, — это протоколы допросов и заявления о пересмотре дела, написанные в лагере и ссылке. Тем ценнее и интереснее текст автобиографии, написанный художником для каталога персональной выставки 1962 года.

Нина Гернер, Юрий
Юдицкий. Катя и чудеса:
Сказка для театра. —
Ленинград: Детиз, 1963

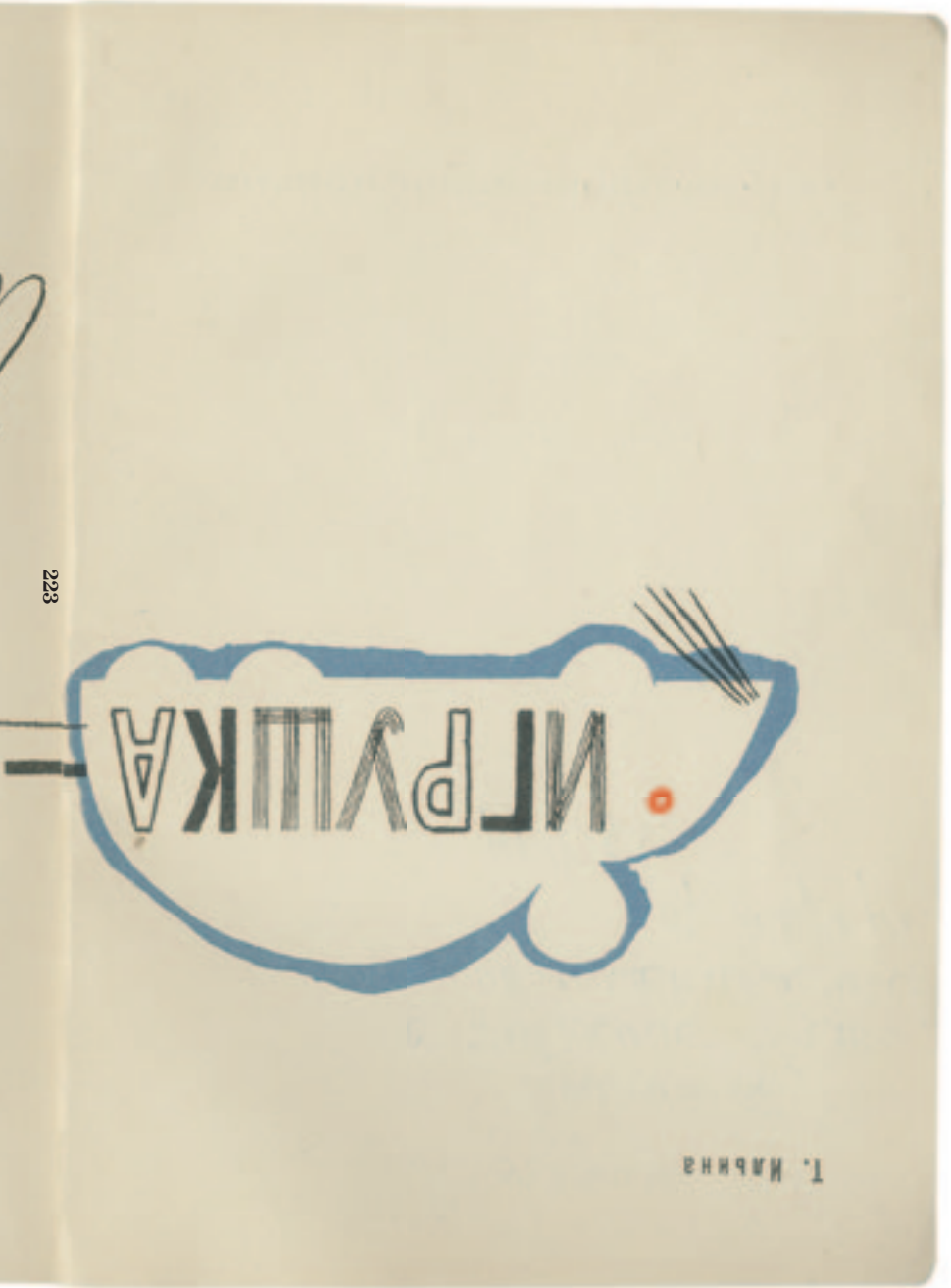

Татьяна Иванова. Игрушка — не игрушка. 1964. Распашной титульный лист, заставка главы книги и задняя сторона обложки

Татьяна Климина.
Иррушка — не иррушка. —
Ленинград: Искусство,
1964

Леонид Борисов.
Щедры рыцарь.
Цвета и слезы. Повести
о С. В. Рахманинове. —
Ленинград: Детская
литература, 1964

Сцена. Форт промыва-
 годиня сухая трава.
 Берет тонит к онышке
 аса некрое сретн де-
 на дна крама. Выепан
 катится травоюи тра-
 вной кыбок — пере-
 кати-поле, оставая на
 собои дымнующа до-
 пожку.
 Форт гес. Пылают,
 как свечи, смотрятые

СТАРИННАЯ ПОВЕСТЬ

иЗроча
 вонзят...

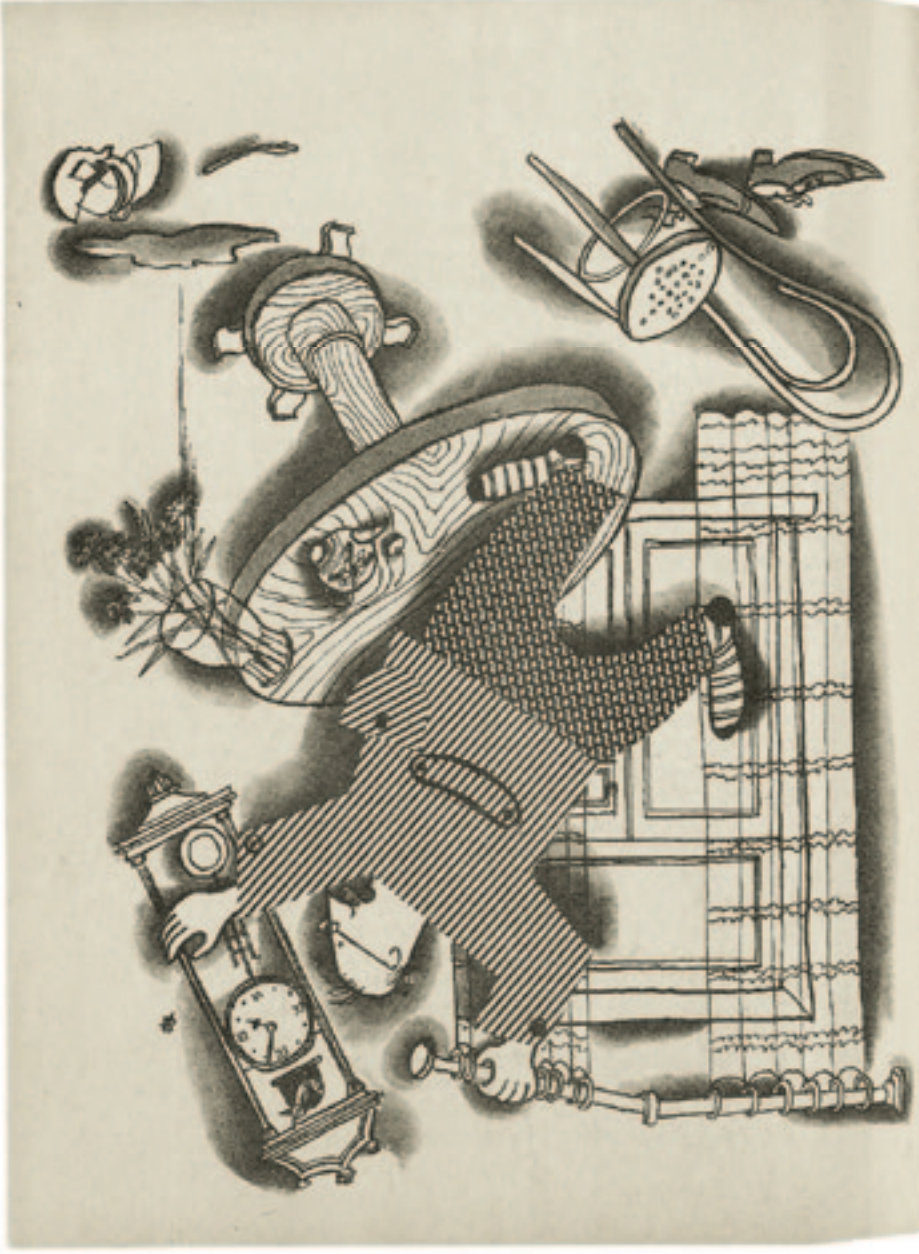
Леонид Рахманов.
Очень разные повести:
печальная, добрая,
старинная, военная,
озорная. — Ленинград:
Советский писатель,
1965

Ворис Крейцер. Набор
посуды для рыбы
из собрания Талантовского
художественного музея.
Фаянс, обжиг, роспись,
1960-е годы

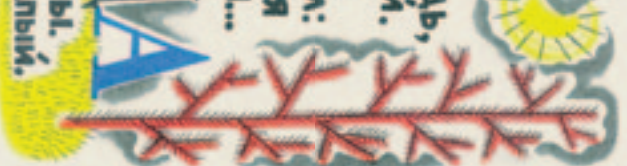
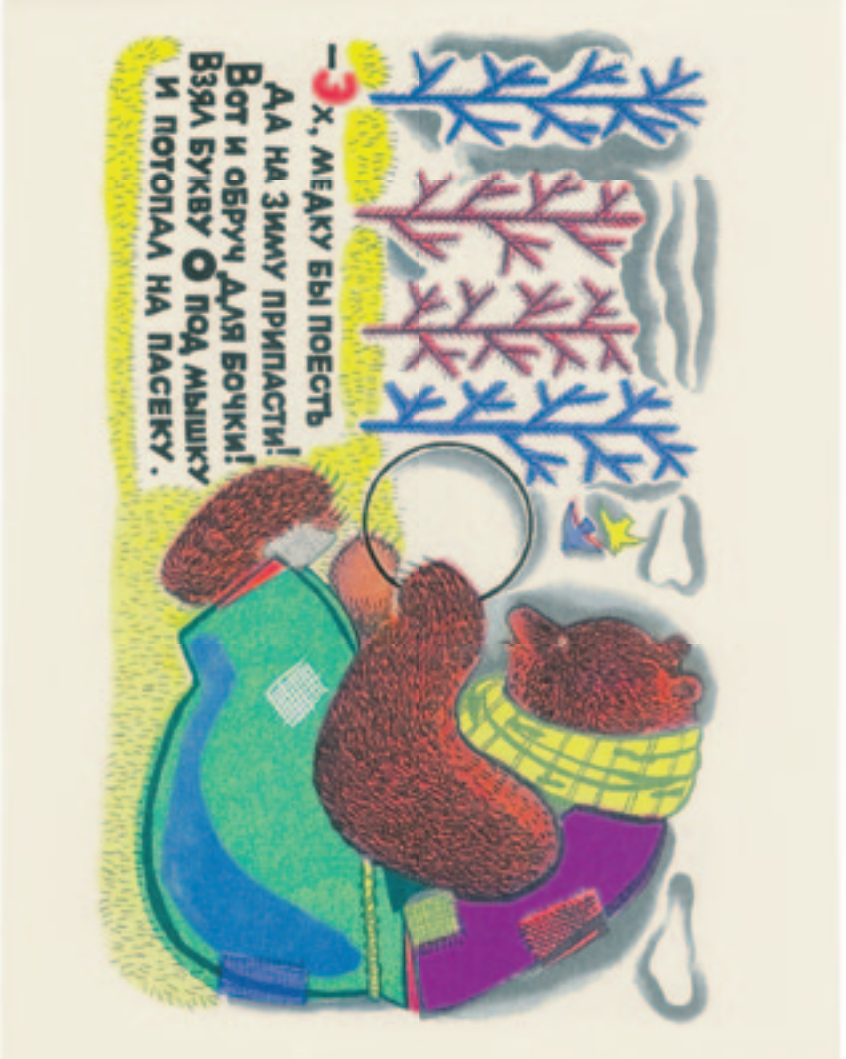

Но всё было забыто и то
 мгновение, когда тратон про-
 фотил муху!
 Вспыхиваешь, стварки се-
 ли на диван.
 — Значит, будем кор-
 мить мухки, — весело ска-
 зал Сергей Васильевич.
 — А кто этих мух бу-
 дет ловить, и где? — ехидно
 спросила Тачина Петровна.

Нина Гернер, Григорий
Вруфельд. Пронал
дракон: Киноновость. —
Ленинград: Детская
литература, 1968

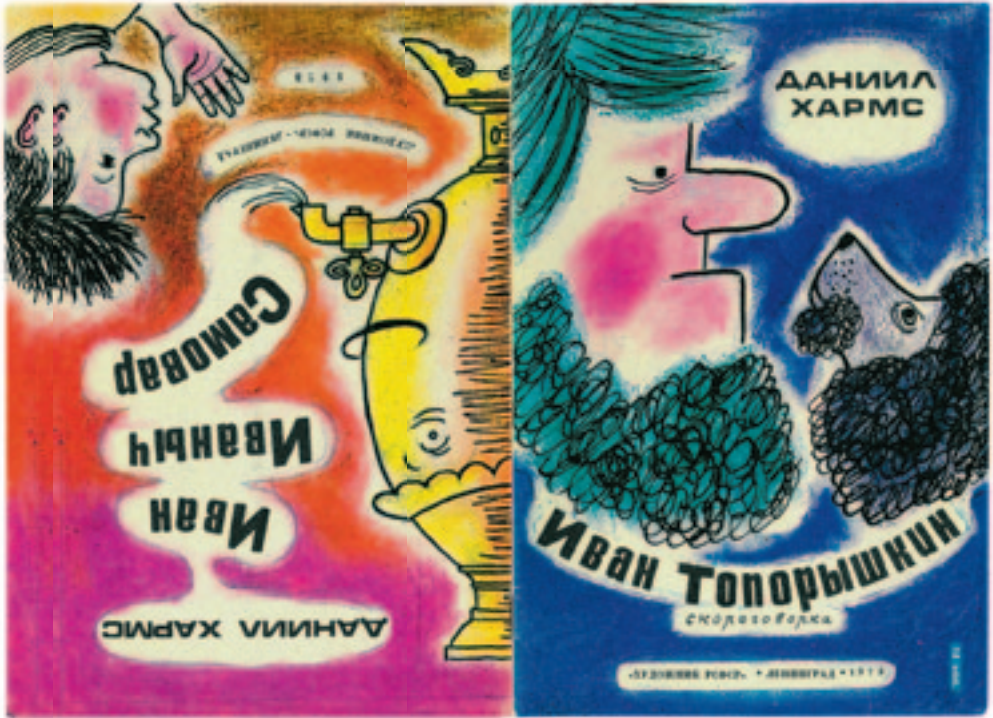

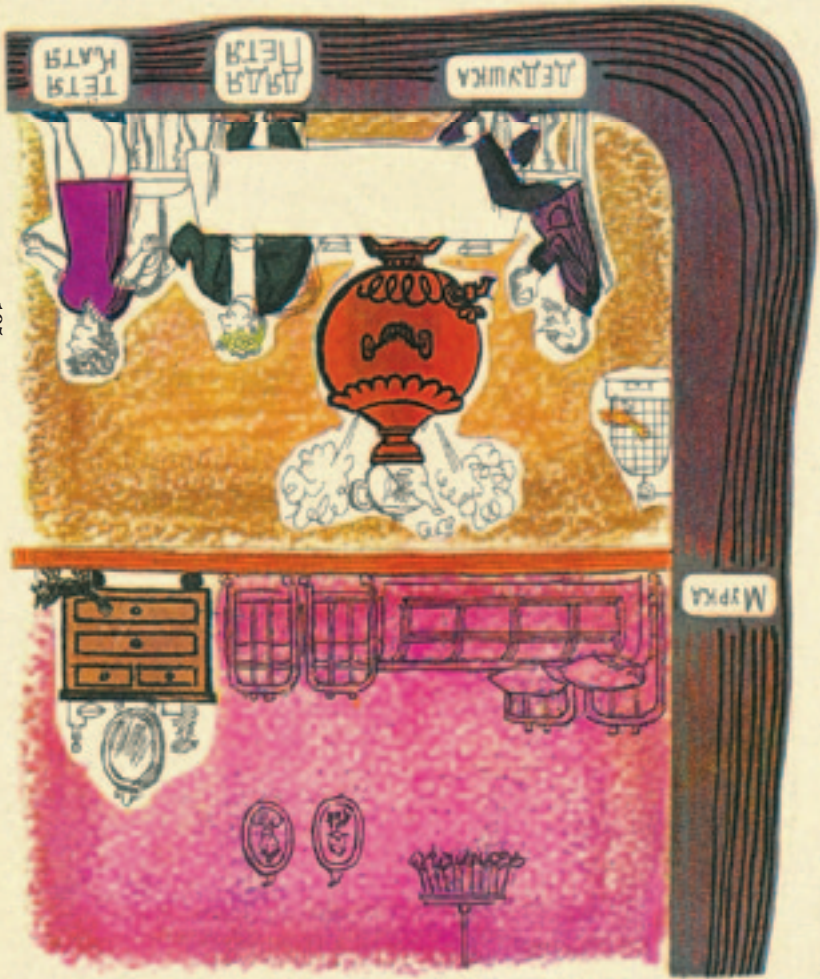
Иван, как бревно, перепрыгнул болото,
в пудель вприпрыжку попал на топор.

Вот и кончилась скороговорка.
Теперь закрой книжку, переверни ее
и читай сказку про Самовар.

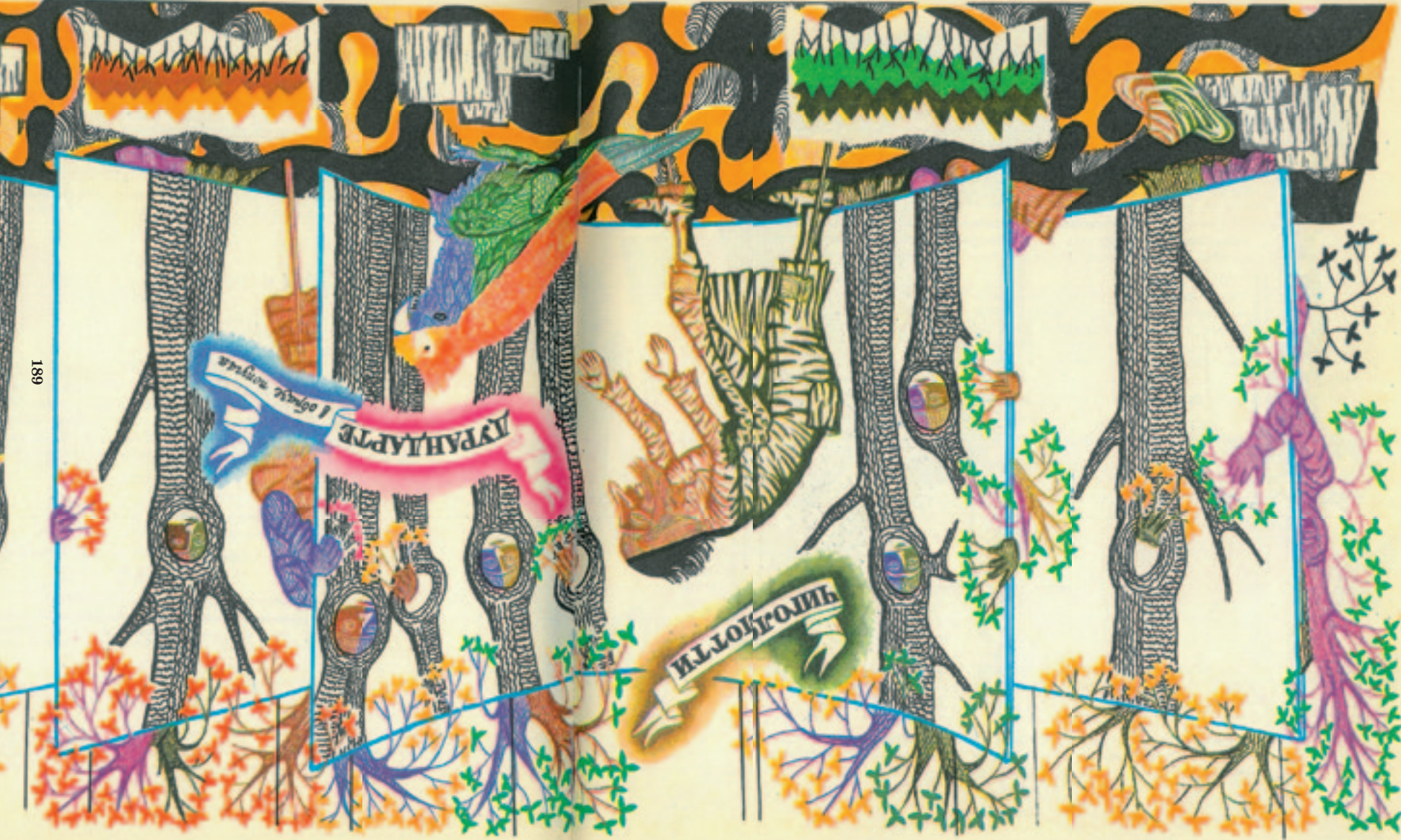

Тут и бабушка пришла,
очень старая пришла,
даже с палочкой пришла.

Карло Лоуси. Король-олень: Трагикомическая сказка для театра в трех действиях. — Ленинград: Искусство, 1979

«Король-олень» — последняя книга, оформленная и проиллюстрированная Борисом Крейцером. Она вышла в свет через несколько месяцев после смерти художника и стала одной из лучших его работ.

Идеал работы над драматургией не везением — не просто рад, хотя бы и превосходных изображений, воссоздающих характеры и ситуации, а специфическое композиционное и образное решение, несущее в себе черты театрального спектакля. Книга «Король-олень» — не только самая последняя и самая капитальная по масштабам, но и очевидна, самая лучшая работа Бориса Генриховича Крейцера, в которой соединилось все, чем он владел и что он умел.

Эта книга — собственный театр художника: он сам выбрал пьесу и соответствующую ей сценическую площадку, придумал и соорудил декорации, спил костюмы, наметил основные мизансцены и установил «правила игры» — соотношение реально-го и условного. Ангамбль книги, разработанный так изощренно, как вряд ли кто-нибудь, кроме Крейцера, был бы способен сделать, — с многозначными авантюрами и фортитумами, предисловиями и предувомлениями, перенем действующих лиц, празднично-карнавальными интермедиями, отдельными иными действиями от другого, — это уже подобие спектакля, быть может, и несущего на себя ной сцене, но живущего по законам театрального зрелища.

Даже необычная манера художника — не идет ли она от театра, от волшебства разноцветных прожекторов, создающих освещение пестрое и клочковатое, способных половину фигуры окрасить в один цвет, а половину в другой, делающих сверхреальным все, что падает в их лучи, обращающих в бесплотное ничто все, что остается в тени.

Крейцер наслаждается реалиями старого театра — плоскими, писанными на досках или полотнищах, декорациями, драпировками и занавесами на проволочках, он неназойливо, но любовно вырисовывает топчатый планшет, колосниковые решетки и детали штанкетных подъяеков. Это не стилизация и не реконструкция, это живая среда, в которой развивается спектакль, а если угодно, то это участники спектакля, и едва ли не из самых активных.

То игровое начало, которое составляет основу большинства произведений Крейцера и определяет обаяние его индвидуальности, здесь нашло благо-дарную почву. Действие у Топци — непрерывная игра, и игра в игру, и игра игры в игру. Все перепутано, все смешано, все непостоянно. Даже люди не остаются сами собою, и тот или иной герой время от времени принимает облик другого и продолжает действовать от его имени, а иногда сталкивается с тем, другим, в свою очередь, принявшим его облик или чей-то еще. Эта сложность отпугнула бы многих, но только не Крейцера. Он пустился в смелое соревнование с драматургом, условная и изощренная игра в маскарах, все играют. Девчоно не бутафорское — это ображает человек, и олень — человек, и даже из-под маски получающая смотрит человеческий глаз. Все не всерьез, все празднично и путанично, в которой не разобьются без заботливых пояснительных надписей, чья наваянная рационалистичность неловким образом нас отдаленному XVIII веку.

Это фантазия, изобретательность, талант — но это и знания. Знания, не нахватанные по верхам и не приобретенные в процессе лабораторного сбора материалов, а знания человека, для которого каждый урок истории — живая реальность, для которого Карло Топци — не плоская фигура из учебника по истории театра, а сам «Король-олень» — не устаревшая сказочка, из милости доживающая в кукольном театре; наконец, самое главное — это знания художника: знания-чувства, знания-ощущения, знания-ассоциации — те, в которых нуждается талант, как крылья нуждаются в воздухе.

В его труде преобладает рукотворность, то есть не только стремление максимум допустить того, что не поддается, нарисовать и написать от руки (да хотя бы всю книгу — была бы возможность!), но и осознание тех уникальных эстетических качеств, которыми и ценна рукотворность. Он успешно и неизменно стремится к слиянию надписи и изображения в едином декоративном целом, определенном плоскостью листа. Ему, наконец, присущ «стилизм» — потребность и органическая способность проникнуть в неповторимость того или иного исторического явления и естественно претворить ее в своем собственном языке — «стилизм», который предпочтает в художнике помимо узко-профессиональной — рисовальной ли, живописной ли — еще и общую культуру. Все это Крейцер воспринял, и все это стало естественным в его работе.

К сказке Карло Гоцци «Король-олень» художник пришел закономерно.

Крейцер как будто не знал тематических ограничений и по праву был склонен гордиться этим и слегка обижаться, когда его почитали художником литературы переводной и классической. В просторном перепечне его работ Рабле уживается с Леонардом Борисовым, либретто «Лорги и Бесс» с альманахом «Хочу все знать!», альбом классической живописи с популярной книжкой по технике.

Но в выборе Гоцци нетрудно увидеть отголоски его пристального и плодотворного интереса к старой классической драматургии — от давних уже «Варфоломеевской ярмарки» Б. Джоксона, «Лоренчаццо» А. де Мюссе и «Мандрагоры» Н. Макнавели — к нителю времени имевших успех, да и сейчас несколько не получивших, принадлежащих к наиболее интелесным работам художника, в которых его «стилизм» находит благодатную почву.

У нас мало художников, имеющих вкус к драматургии и умеющих с ней работать. Драматургия — это всегда не только реальная литература, но еще и подражаемая театр, двойное острашение — двойная трудность или (как посмотреть) двойная радость для художника.

Звонкие цветные плашки, причудливые протескные надписи, острые масштабные контрасы, дерзкие фактурные сопоставления, сдвиги формы и цвета, озорная путаница разнокалберных прифтов, головоломные выдумки, причудливые композиции, колаж и фотомонтаж прилагали его работам увлекательную декоративность. В них бушевала поистине карнавальная радость игры, хитроумных превращений, всеслых трансформаций и неожиданных поумен. Название книги, как патно румянца, расцветало на щеке Ларгантова, а инициалы Евгения Шварца оказывались одновременно и сказочным замком, и легким корабликом на волнах.

Многим (даже признающим его талант и мастерство) он казался незаконной планетой, пришельцем со стороны, чужаком, который со всем этим пестрым и шумным своим арсеналом вторгся в уютный и спокойный мир ленинградской книжной графики. Он казался нарушителем (чуть ли не осквернителем) прекрасных традиций, завещанных еще мастерами «Мира искусства» и продолженными мастерами 20–30-х годов.

Однако время все ставит на свое место.

Конечно, специфическая индивидуальность Крейцера и парадоксальность его художественного мышления остаются при нем, и его репутация беспокоит разрушителя канонов справедлива. Конечно, как художник и человек, чуткий ко всему происходящему вокруг, не чуждающийся даже моды, он не мог не обогатиться и новым, более сложным и динамичным пониманием книжного ансамбля, и интересом к диссонансам монтажных сопоставлений, а также разного рода техникам, вошедшим в обиход художественной культуры XX века. Конечно, его неуемная энергия и постоянная, почти детская жажда новизны побуждали его расширить круг выразительных средств и пробоовать все доступное ему.

В то же время стало видно, что корни его — в традициях ленинградской книжной графики.

Театр Бориса Крейцера

Эрст Давылович Кузнецов,
 российский ученый, искусствовед,
 редактор, историк, публицист,
 автор 16 книг и более 300 статей
 по истории русского искусства
 XIX–XX веков.

В 1979 году увидела свет последняя книга с рисунками Бориса Крейцера — «Король-олень» Карло Гоцци. Издание, вышедшее из печати через несколько месяцев после смерти художника, заканчивалось статьей искусствоведа Эрста Давыдовича с разрешения Эрста Давыдовича мы приводим ее здесь целиком. Этот текст — не только образец тонкого искусства ведения анализа, но и документ эпохи: отдавая должное профессиональным заслугам художника, автор не мог открыто раскazać о его графической судьбе. Но опытный советский читатель умел читать правду между строк. Печатается по изданию: Карло Гоцци. Король-олень. Ленинград, 1979.

Борис Генрихович Крейцер (1905–1979) вошел в ленинградскую книжную графику еще в начале 30-х годов, а потом, после долгого перерыва, вернулся в нее немногим более двадцати лет тому назад и буквально ошеломил многообразием интересов, тематическим размахом, самобытностью и даже просто феноменальной трудоспособностью. Ему было интересно все — и плакат, и промышленная графика, и керамика, и, конечно, больше всего книга, и все у него получалось, и во всем он выкладывался полностью.

Крейцер сразу занял свое собственное место — решительно ни на кого не похожий, демонстративно независимый, и как бы потом ни развивалось его творчество, как бы ни видоизменялась манера, он оставался самим собой, узнаваемым с первого взгляда, с первого штриха.

Этот, в общем, уже немолодой человек неожиданно оказался среди — и едва ли не впереди — самых смелых художников, преодолевавших устаревшие представления об оформлении книги. Из-под его руки ударили потоки ярких книг, соперничающих друг с другом в изобретательности и остроумии, часто спорных,

Он много работал и как наготовивший художник всегда был очень требователен к себе. Каждую работу он детально продумывал и доводил до совершенства. Борис Генрихович был очень разносортонным художником, хотел поработать во всех областях: создавал театральные костюмы, керамику, планировал занятия литературным трудом. Он боролся с рутинной во всем, и его обращение к керамике — это тоже способ выйти за рамки рутины. Керамика требует знания технологий, умения разбираться в тонкостях производства, решать технические проблемы. И он замечательно справлялся со всем.

Все, что было связано с Борисом Генриховичем, всегда вызывало дискуссии, споры. Были у него и враги, как у всякого человека, делающего что-то серьезное. У него были большие планы, но пребывание в том «санатории», где он провел столько лет, очень сильно сократило его возможности. Уверен, если бы у него было больше здоровья, он еще многое сумел бы сделать.

Остается с ним навсегда. Не было веры в прочность перемен. Спокойствия не было.

И все же он сохранил веселость в своем творчестве, веселость в жизни, и в этом большую роль сыграла его жена — преданная, скромная, очень милая женщина.

Он очень любил книги, читал на разных языках — по-немецки, по-французски, всегда был в курсе дел всей мировой культуры. Мне кажется, это была его привычка с юности. Он мог говорить о современном французской литературе, мог рассказывать о том, что происходит в мире искусства в Европе. Это сейчас всем понятно, что искусство — область международная, всемирная. А еще пятьдесят лет назад многие считали, что культура может замкнуться в одной стране. Это — наше, а это — не наше, это западное. На самом деле культура — это всегда смешение тенденций. Я часто привожу один пример, когда говорю о смешении влияний, особенно у нас в Петербурге. Что такое Адмиралтейство? Это соединение самых несоединимых вещей: античный портик, на который поставлен готический шпиль. Совершенная неглупость с точки зрения теории, но в результате получился неповторимый шедевр.

Несмотря на довольно большую разницу в возрасте, у нас с Борисом Генриховичем были общие вкусы, общие друзья и общие противники. Мы были «в одном окопе», потому что в политическом откровенны друг с другом, потому что в политическом смысле и обсуждать было нечего — все и так было ясно. Все были в отчаянии от подавления Венгерского восстания, всем был ясен ужас вступления войск в Чехословакию.

С Борисом Генриховичем мы были соседями — наши мастерские располагались рядом. Для их семья мастерская была домом — на втором ярусе они обустроили жилую комнату. По утрам Борис Генрихович спускался вниз, садился за рабочий стол, в свое вращающееся кресло, надевал специальный козырек, чтобы свет от лампы не слепил глаза, и принимался за работу.

висеть на стене кабинета. Кто-то донес куда следует, и бедного Николая Антоновича из издательства

уволнили. В Дзетлизе вышла в свет одна из лучших книг, оформленных Борисом Генриховичем, «Ларгантоа и Пангагрюоль». Проиллюстрировать и оформить роман Франсуа Рабле было его мечтой, но эта мечта осуществилась, к сожалению, не полностью: Крэйпер получил от издательства контракт и начал работать, но заболел. Книга вышла с классическими иллю-

страциями Доре, но в переплете и со шмуцтитулами Бориса Генриховича. И тем не менее эта книга стала событием. Это было во всех отношениях революцион-но: переплет, материал, и все в целом как вещь. Это был совсем новый взгляд на книгу. И это был шедевр. Настоящий художник превращает любой заказ в свой собственный. И Борис Генрихович делал все именно для себя. У него есть замечательная книжка — «Король-олень» Карло Гоцци. Эта книга тоже стала событием в издательстве «Искусство».

Он ни от какой работы не отказывался. Как-то весь город был заклеен его замечательной афишей с рекламой Дома ленинградской торговли — он сделал невероятное остроумный плакат. Крэйпер был человеком с несематичным мышлением, с живым опущением жизни, и он распространял эту вью-треннюю свободу на других. Талант, живость — они заразительны, как инфекция.

Сталинское время приучило к отрицательному отбору. Человек, который мог легко говорить без бумажки, уже был подозрителен — сами же това-рищи-партийцы говорили: «Это дематог!» Нужно было записываясь читать, тогда ты был своим. Всякий человек, который чем-то выделялся, уже был в зоне риска. Мой отец вспоминал о художнике Брониславе Малаховском, арестованном в 1937 году: «Он так вызывающе одевался, его могли арестовать только за это». И вот Борис Генрихович выделялся живостью, реакцией, остроумием. Что такое социалистический реализм? У него нет никаких стилизованных принципов, но главный его

закон — это неискренность. То, что искренне, то, что выражает непосредственные чувства, мысли, это уже было подозрительным. Искренность считалась опасной.

Ольга Берггольц¹¹, например, чем она была опасна? Она была искренней, и уже этим была подозрительна. В тюрьме ее искалечили, она не могла иметь детей после этого. И был короткий период, когда Берия сменил Ежова, и тогда некоторую часть арестованных выпустили. В их числе была и Ольга Берггольц. Однажды в театре человек с соседнего кресла встал наклонился к ней и сказал: «Ольга Федоровна, рад вас видеть!» Это был следователь, который пытал, гасил папиросы о ее лицо. Ее сестра, Мария Федоровна, которая мне об этом рассказывала, говорила: «Я бы не выдержала, я бы вспыхнула тут, взорвалась!» А Ольга Федоровна тогда сказала: «Помогите мне вернуть отца из ссылки». Искренние люди!

Борис Генрихович никогда не говорил о пытках. По крайней мере, я от него этого не слышала. Но от других я знала о том ужасе, в который превращали жизнь политических уловников. А Борис Генрихович рассказывал, как обычно, весело и остроумно, о том, что в лагере отпустили бороду и пересказывали уловникам кинофильмы — работал таким телевизором. И ут-ловники говорили: «Дедушку не трогать!» Ценили его рассказы.

Племянница Шостаковича вспоминала, что «Лядя Митя», уже будучи депутатом и имея все-таки чины, до последнего своего дня боялся, что хватят нанчут завтра и его заберут первым. Так и Борис Генрихович — пугался стучка, звонка. Мне кажется, этот страх того, что за тобой могут прийти в любой момент,

11 Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975) — русская советская поэтесса и прозаик, драматург, журналист. 13 декабря 1938 г. арестована по обвинению в связи с «врагами народа», а также как «участница контрреволюционного заговора» против Ворошилова и Жданова. 3 июля 1939 г. была освобождена.

интеллектуальные петербургские дамы; поднимаясь по лестнице; редакторы — симпатичные образованные девушки; заходящая в кабинет главного редактора — ну тут, знаете, бывает и так и сяк, но вот уже директор издательства обаятельно или «от станка», или старшина флота. Но это еще не худший вариант, потому что такой бывший матрос, как правило, умел разбираться в людях. Он смотрел и понимал, что тот же Борис Генрихович — это человек, который работает не для того, чтобы заработать, а чтобы выразить какие-то свои идеи, чувства, темп-рамент. И он это ценит. А худший вариант — это главный редактор из так называемых «интеллектуалов», который мол

цинично сказает: «Ну, если бы это было мое издательство, а тут — я же получу по шею!» Вот такой человек тормозил всякую работу. Простые люди были гораздо смелее.

Таким простым, но положительным человеком был директор Ленинградского издательства «Детская литература» Николай Антонович Морозов. Он очень хорошо относился к Крэйцеру и активно с ним сотрудничал. Интересна история о том, как в середине 70-х Николай Антонович снял с должности директора Детиза. Его кабинет украсили витрины с книгами, которыми издательство особенно гордилось. Среди них были и детские издания писателя Владимира Марамзина¹⁰ — хорошо иллюстрированные, простые и веселые книжки. В то время мы все слушали Би-би-оттуду мы узнали, что Марамзин арестован за то, что сделали самиздатовскую антологию стихов Бродского. А директор Детиза об этом не знал, потому что Би-би-си не слушал. У него книжки Марамзина продолжали

10 Владимир Рафаилович Марамзин (родился в 1934 г.) — писатель, драматург. В 1971–1974 гг. вместе с другими деятелями самиздата составил машинное собрание сочинений Иосифа Бродского в пяти томах. Арестован с 1975 г. живет во Франции. 24 июля 1974 г. Приговорен к пяти годам условного заключения. Получил разрешение выехать на Запад.

Борис Генрихович был человеком веселым, добродушным, очень активным. Он рассказывал, что в молодости мог станцевать чечетку на руках, нотами кверху, и этому верить — такой невероятный в нем был запас энергии.

Когда он добился возвращения в Ленинград, они с женой поселились в крошечной комнате. Он получил массу заказов, очень быстро с ними справлялся. Это активность и энергия поражали. Он внес какую-то свежую струю в жизнь нашего художественного сообщества, даже некоторые графики, работавшие параллельно с ним, говорили: «Мы тут разучились работать, а Крэйцер вернул нам дух двадцатых годов!»

Его стиль отличали свежесть, остроумие, выдумка. Я помню, как писатель Леонид Рамапов пришел в настольный восторг от того, какое оформление придумали Борис Генрихович для его книги. Среди ленинградских авторов Крэйцер был просто нарасхват, потому что оформленные им книги не просто выдвинулись — они быстро раскупались, а в этом были заинтересованы и писатели, и издатели.

Но все еще существовали какие-то стиливые ограничения — чего-то делать было нельзя. Все-таки сталинское время ухаживало очень медленно. Не хотелось уходить. Книжному художнику нужно было всегда отстаивать свои решения. Каждая работа сопровождалась какой-то борьбой. Помню, был случай, когда Борис Генрихович в пылу спора сказал одному директору издательства: «Вы говорите, как начальник лагеря!»

Тогда все было пронизано борьбой. Это была эпоха двух противоположных тенденций: вернувшаяся сталинскому порядку или искать новых путей. И эта борьба, как шахматная партия, закончилась внимью. Не выиграли ни те, ни другие. В издательствах были разные люди — консервативные и прогрессивные. Советская власть строилась на том, что руководить должны люди физического труда, а не умственного. Вот приходило издательство, а там, в гардеробе, работают очень

такой сон: маленький человек говорит мне: “Я святой Кирик, тринадцатого тебя освободят”. Священник отвешает: «Да, такой святой есть, жди». В назначенный святых день Кузнецов собрал свои вещички и ждал, однако напрасно. Он снова к священнику: «Батюшка, может быть, святой Кирик сказал число по старому стилю?» «Конечно, по старому!» — хлопнув себя по лбу, отвечает священник. Проходит время, снова идет опять, сложив вещички, улегся у двери. Дверь откровенно открывается: «Кузнецов, с вещами!» Что за маленький человек, что за святой Кирик? Крейцер запомнил удивительную историю, но ни он, ни я о Кирике не знали. Подлистав толстенные «Четьи-Миней» XVIII века, нашел: раннехристианский святой мученик Кирик — мальчик, принявший смерть в пятилетнем возрасте.

Из интервью А. Л. Траугота Музю истории ГУЛАГа, февраль 2018 г.

В нашей семье о репрессированных знакомых говорили, думали, не забывали их. Я помню имена и судьбы товарищей отца, которых никогда не видел: кто-то был расстрелян, кто-то исчез в лагере. Террор коснулся

ся всех, каждой семьи.

И вот после смерти Сталина неожиданно стали

появляться люди, как будто с того света. Это была

мистерия того времени: вдруг стали возвращаться

ученые, писатели, художники.

Были это люди очень разные. Некоторые после

перехитрых испытаний уже не могли включиться

в нормальную жизнь. Был такой известный переводчик,

зналок старорусского — Алексея Матвеевич

Шарин⁶. После возвращения ему сразу стали

предлагать работу в редакциях, но он говорил, что

не может жить прежней жизнью, а хочет просто по-

могать людям, и начал работать санитаром в клинике

для душевнобольных. Через какое-то время он все же

смог вернуться к профессии переводчика и еще очень

многого сделал в своей области.

Я был знаком со знаменитым оперным певцом

Николаем Печковским⁷, который тоже вернулся из

лагеря. Это было в пятьдесят пятом году, до двадцати-

того съезда⁸, когда повсюду все еще висели портреты

Сталина. Возле училища Штиглица есть гимназия,

там в огромном конференц-зале напротив сцены был

установлен портрет Сталина в золотой раме, и в этом

зале проходил первый большой концерт Печковско-

го. Вся «пятьдесят восьмая статья»⁹, которая была

в наличии, присутствовала на том концерте, и вся

интеллигентная, которая сочувствовала осужденным

по пятьдесят восьмой. И вот Печковский после лагеря

вышел в свой довоенный фрак с орденом Ленина (Нико-

лай был в прекрасной физической форме), вышел на

сцену и зашел знаменитую арию из «Ликовой дамы»

(он ведь был лучший Германн, это была его любимая

партия), зашел, обратившись к портрету Сталина, протя-

гивая даже руку: «Что верно? Смерть одна!.. Сегодня

ты, а завтра я!» И это прозвучало так, как, наверно,

никогда не звучало. И потом в полном молчании было

слышно, как зал выдохнул. Вместе со Сталиным

должна была уйти эпоха произвола, но она еще не

ушла.

6 Алексей Матвеевич

Шарин (1911–1983) — рус-

ский поэт и переводчик.

С 1931 г. преподавал

в различных учебных за-

ведениях Ленинграда, затем

был репрессирован. После

реабилитации переводил

художественную прозу

и поэзию с французского,

английского, немецкого,

итальянского, испанского,

португальского, шведского

языков.

7 Николай Констан-

тинович Печковский

(1896–1966) — русский

советский оперный певец

(лирико-драматический

тенор). Народный артист

РСФСР (1939). В годы войны

оказался на оккупирован-

ной немцами территории,

после освобождения Риги

15 октября 1944 г. явился

в управление советской кон-

троля 1946 г. Согласно при-

говору Особого совещания

осужден по ст. 58-1 «а» УК

РСФСР за «сотрудничество

с оккупантами» на 10 лет

исправительно-трудовых

лагерей.

8 XX съезд Ком-

мунистической партии

Советского Союза состоялся

в Москве 14–25 февраля

1956 года. Наболев

известен осуждением культуры

личности Сталина.

9 Пятьдесят восьмая

статья Уголовного кодекса

РСФСР 1922 г. в редакции

1926 г. и более поздних

редакций ухтанавливала

ответственность за контре-

волюционные преступления.

Отменена в 1961 г.

искусства. Казалось, это творческий порыв совсем молодого человека. Только вот для зреловья проведенные в узилище и сылках годы бесследно не прошли. Но, несмотря на занятость, несмотря на болезнь, он оставался живым, общительным, обаятельным человеком, привлекавшим к себе людей.

Хотя обычные темы застолийных разговоров касались современности, искусства, иногда удавалось углубиться от него что-то из пережитого, и вот что запомнилось.

1938 год. Камера смертников, человек 30–40 приговоренных, расстрел которых по каким-то (неизвестным, разумеется) причинам откладывается со дня на день, с недели на неделю. Здесь профессор, инженер, военные в высоких чинах и, конечно, священник. Всем им приговор уже вынесен, худшее (допросы, пытки) позади. Если кого-то вызывают, то два варианта: дверь открывается, выкрикивается фамилия, человек выходит — ясно, исполняется смертный приговор. Второй вариант очень редок: дверь открывается, выкрикивается фамилия и еще одно слово «С вещами!». Будет жить. В этом странном общении продлжается обычное общение, разговоры...

Судьба Крэйпера в руках начальника тюрьмы. Начальник должен дать приказ исполнить смертный приговор, но выражает сомнение, тот ли это заключенный, которого необходимо немедленно расстрелять? Следователь сочинил обвинительный акт о том, что художник Крэйпер собирался взорвать Балтийский завод и был японским шпионом, потому зачеркнул и поверх написал «немецким шпионом, по национальности немец». Сочинителя можно понять — им двояло желание придать большую убедительность обвинению. Но в паспорте Бориса Генриховича в графе национальность значилось «еврей». На этом основании начальник тюрьмы медлил с исполнением приговора. А может быть, это не тот Крэйпер?

Другой сюжет. Однажды утром один из обитателей камеры — Кузнецов, фамилия запомнилась, — обращается к священнику: «Батюшка, я видел

матери трагические слова из читаемой тогда всеми книги Шарля де Костера: «Пепел Класаса стучит в мое сердце». И вот передо мной выходит из ада, «с того света». Вскоре мы встретили уже целий поток таких возвращенцев и, независимо от возраста, профессии, положения — был ли это известный ученый (В. О. Мохнач), народный артист СССР с орденом Ленина на лацкане пиджака (Н. К. Печковский) или директор издательства (Л. Я. Криволапов) — во всех этих людях чудилось что-то особенное, что-то, что трудно определить, но нелзя не почувствовать. Может быть, какое-то беспокойство, какая-то скрытая неуверенность, как будто реальность, окружающая их теперь, в любой момент может исчезнуть, растаять, как сон.

Борис Генрихович — живой, остромыный, с независимым складом ума, способный вдруг залиться заразительным смехом. Обычно его сопровождала жена, миловидная, совсем молоденькая, с испугом в глазах. Рассказы вернувшихся, как правило, были слишком скупы, да и кому захочется рассказывать о бесконечных лишениях, и особенно об унижениях, длившихся долгие годы. Тем более что вернувшиеся навстречу упущенное. Получение жилья и прописки требовало немало времени, энергии, нужно было добиваться приемов у каких-то значительных лиц, просить, требовать, настаивать.

Борис Генрихович включился в работу во многих Ленинградских издательствах. И произошло настоящее чудо: человек, на 20 лет оторванный от профессиональной деятельности, не только смог выполнять задания издательства на равных с многопытными и более благополучными коллегами, но сразу заявил о себе как смелый, свободный, оригинальный мастер. Его книжные обложки, оформленная иллюстрация поражали свежестью, декоративно-острым. Хотя книга оставалась центром его деятельности, он не замыкался только в книжной графике. Заслуженный успех принесли ему плакаты, фарфор, разнообразные предметы прикладного

С Борисом Генриховичем Кюрейцеров я познакомился в 1955 г. в доме школьной подружки моей матери, до-
чери известного археолога и искусствоведа академикки
Федора Ивановича Шмита, погибшего в сталинских
лагерях. (Шмит был директором знаменитого
Зубовского Института истории искусств, где активно
трудились над созданием и пропагандой нового ис-
кусства Малевич, Татлин и многие другие, ныне
известные всему миру художники.)
Процесс реабилитации довольно робко набирал
обороты, и бывшим заком приходилось жить на так
называемом «сто первом километре»¹. Вернувшись
из ссылки Борис Генрихович еще не получил права
жить в Ленинграде. Однако и до встречи с ним я
прекрасно знал его имя, так же как и имена других
друзей, знакомых, коллег отца и матери — жертв
сталинского террора. Имена погибших художников
Нагетова², Магачовского³, Бмельянова⁴, Брмглаевой⁵
и многих-многих других постоянно упоминались
в разговорах в моей семье с неизменным уважением
и сочувствием. В детстве в конце 1930-х я слышал от

1	«Сто первых кило- метр» — неофициальный термин, обозначающий отражение в правах от- дельных категорий граждан СССР, которым запрещалось селиться в радиусе 100 км от Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и крупных городов. В годы политических репрессий данная мера применялась к членам семей репрессиро- ванных, бывшим заключен- ным, ссыльным.	2 Александр Иванович Нагетов — художник, был репрессирован перед войной.
3	Бронислав Бро- ниславович Малаховский (1902–1937) — советский архитектор и художе- ств. критик. Репресси- рован в Ленинграде в 1937 г. Реабилити- рован посмертно Военным трибуналом ЛВО 8 января 1958 г. за отсутствием соста- ва преступления. Помянут в 1-м томе «Ленинградского мартиролога».	4 Николай Дмитриевич Брмглаев (1903–1938) — живописец-пейзажист, график. Репрессион в Ленин- граде 20 мая 1938 г. Помянут в 10-м томе «Ленинградского мартиролога».
5	Вера Михайловна Брмглаева (1893–1937) — живописец, график, художник-иллюстратор, дочка писателя авангарда, Осужнена в 1935 г. на три года лагерей. Репрес- сия в Карлаге 26 сентября 1937 г. Помянута в 12-м томе «Ленинградского мартиролога».	5 Вера Михайловна Брмглаева (1893–1937) — живописец, график, художник-иллюстратор, дочка писателя авангарда, Осужнена в 1935 г. на три года лагерей. Репрес- сия в Карлаге 26 сентября 1937 г. Помянута в 12-м томе «Ленинградского мартиролога».

Мастер книги

Александр Георгиевич Траугот,
родился в 1931 году, выдающийся российский
художник книги, автор иллюстраций более
чем к 200 изданиям

Репрессивная система была построена таким образом, что уничтожался не только человек, физически и морально, но уничтожалась еще и память о нем. Остались какие-то крохи — вещественные доказательства эпохи репрессий, благодаря которым мы и ведем исследовательскую работу. В результате таких исследований появляются выставки, фильмы, книги.

Мы не просто рассказываем о каком-то конкретном человеке, мы пытаемся найти ту нить в XX веке, на которую наннзаны судьбы множества других людей, потерявшихся в тени масштабных событий прошлого века. Так возвращается память, которую старательно пытались уничтожить.

Мы не знаем, были ли когда-то сделаны итруски по эскизам Бориса Крейцера. У нас нет точной информации: видел ли кто-то кроме сотрудников НКВД этих трогательных добрых пингвинов, цыплят и бегемотиков. Самое главное, что выставка о судьбе Бориса Крейцера проходит в городах России, а книга о его жизни и творчестве выходит в свет. Талантливые произведения репрессированного художника будут жить, несмотря ни на что.

Содержание

Часть вторая

165	Предисловие	Александр Терещенко, директор, внучка куратора, внучка художника Бориса Смирнова	Александр Траугота, книжного художника-графика
166	А. Т. Траугот. Мастер книги	Зельфиру Трегую, директор галереи	Анна Толстую, друга семьи Бориса Крейцера, хранителя архива Бориса Крейцера
178	Э. Д. Кузнецов. Театр Бориса Крейцера	Анну Толстую, друга семьи Бориса Крейцера, хранителя архива Бориса Крейцера	Варвару Усаневич, руководителя Социально-волонтерского центра Музея истории TVJALTA
260	Работы Бориса Крейцера	Анну Толстую, друга семьи Бориса Крейцера, хранителя архива Бориса Крейцера	Александр Ювченко, сотрудник Социально-волонтерского центра
272	Крейцера	Анну Толстую, друга семьи Бориса Крейцера, хранителя архива Бориса Крейцера	Александр Ювченко, сотрудник Социально-волонтерского центра
292	в собраниях российских музеев	Анну Толстую, друга семьи Бориса Крейцера, хранителя архива Бориса Крейцера	Александр Ювченко, сотрудник Социально-волонтерского центра

Музей истории ГУЛАГ
Фонд Памяти

Серия «Вещдок»

Художник Борис Крейпер
Хожку с чемоदानами,

полными книг

Издание второе

Музей истории ГУЛАГ
благодарит всех, кто
помог подготовить это
издание:

Константина Андреева,

руководителя обра-
зовательного центра

Ольгу Булатову,

ника отдела учета
и хранения фондов

Музея истории
ГУЛАГ

Олеся Бятеву,
научного сотруд-

ника отдела учета
и хранения фондов

Музея истории
ГУЛАГ

Иванову,
заместителя дирек-

тора по научной ра-
боте Музея истории

ГУЛАГ, доктора
исторических наук

Наталью Карпухину,
главного хранителя

музейных предме-
тов Музея истории

ГУЛАГ

Ирину Нестроеву,
сотрудника студии

визуальной ан-
тропологии Музея

истории ГУЛАГ
Анну Ружкину,
руководителя
экспозиционно-
выставочного отдела
Музея истории
ГУЛАГ

Алексей Солнышкин,
сотрудника студии
визуальной
антропологии

Музея истории
ГУЛАГ

Екатерины Архипову,
хранителя музей-

ных предметов
отдела графики

XX века Третьков-
ской галереи

Веры Кесених,
специалиста по

оформлению доку-
ментации на фото-

кино-видео услуги
Русского музея

Наталью Козыреву,
заведующую

отделом рисунка
Русского музея

Ирину Котляеву,
директора Наци-

онального музея
Республики Коми

Ирину Лейтес,
хранителя музей-

ных предметов
отдела графики

XX века Третьков-
ской галереи

Марину Липатову,
старшего научного

сотрудника отдела
декорационно-
изобразительных
материалов ПИТМ
им. А.А. Бахру-
шина

Елену Морозову,
научного сотрудни-
ка отдела истории
Национального
музея Республики
Коми

Евгению Петрову,
заместителя дирек-

тора Государствен-
ного Русского музея

по науке

Нину Попову,
директора Музея

Анны Ахматовой
в Фонтанном Доме

Сергея Прудовского,
исследователя исто-

рии «харбинской»
операции

Тамару Пугач,
директора

Татарского худо-
жественного музея

Анастасию Раумову,
историка,
составителя серии

книг памяти
«Ленинградский

мартиролог —
Петроградский

мартиролог»
Георгия Ратковского,
графика

Лизаньера, исследо-
вателя

Литерия Родионова,
директора
ПИТМ им.
А.А. Бахрушина

Музей истории ГУЛАГ
127473, Москва
1-й Самотёчный
перулок, 9, стр. 1
+7 495 681-88-82
+7 495 621-73-10
www.gmlg.ru

Отпечатано в типографии

«Август Борн»
+7 495 787-06-77
www.augustborn.ru
Печатать офсетная
Тираж 500 экз.

Часть вторая

Художник
Борис Крейцер

Ухожу

с чемоданами,
полными книг

Москва
2020

